

Министерство науки и высшего образования РФ
Международная ассоциация финно-угорских университетов
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

ЕЖЕГОДНИК
финно-угорских исследований

Том 17
Выпуск 1

“Yearbook of Finno-Ugric Studies”

Volume 17
Issue 1

Ижевск
2023

Редакционная коллегия журнала

Главный редактор:

Загребин Алексей Егорович (УдГУ, Ижевск, Россия)

Зам. главного редактора:

Кондратьева Наталья Владимировна (УдГУ, Ижевск, Россия)

Мерзлякова Галина Витальевна (УдГУ, Ижевск, Россия)

Жеребцов Игорь Любомирович (ИЯЛИ Коми ФИЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Муллонен Ирма Ивановна (ИЯЛИ Карельский ФИЦ РАН, Петрозаводск, Россия)

Тулуз Ева (Институт восточных культур и цивилизаций, Париж, Франция)

Насибуллин Риф Шакрисламович (УдГУ, Ижевск, Россия)

Надь Золтан (Печский университет, Печ, Венгрия)

Владыкина Татьяна Григорьевна (УИИЯЛ УдмФИЦУрО РАН, Ижевск, Россия)

Зверева Татьяна Вячеславовна (УдГУ, Ижевск, Россия)

Ванюшев Василий Михайлович (УИИЯЛ УдмФИЦУрО РАН, Ижевск, Россия)

Шаланки Жужанна (Университет им. Л. Этвеша, Будапешт, Венгрия)

Шутова Надежда Ивановна (УИИЯЛ УдмФИЦУрО РАН, Ижевск, Россия)

Норманская Юлия Викторовна (Институт языкознания РАН, Москва, Россия)

Кудрявцева Раисия Алексеевна (МарГУ, Йошкар-Ола, Россия)

Миннияхметова Татьяна Гильнияхметовна (Инсбрукский университет, Инсбрук, Австрия)

Мызников Сергей Алексеевич (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Матичак Шандор (Дебреценский университет, Дебрецен, Венгрия)

Ответственные редакторы:

Фаттахова Аида Жавдатовна (УдГУ, Ижевск, Россия)

Тот Силард (Нарвский колледж, филиал Тартуского университета, Нарва, Эстония)

The Editorial Board

Chief Editor:

Aleksey Ye. Zagrebin (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Deputy Chief Editor:

Natalia V. Kondratyeva (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Galina V. Merzlyakova (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Igor L. Zherebtsov (Institute of Language, Literature and History of Komi Research Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

Irma I. Mullonen (Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre of RAS, Petrozavodsk, Russia)

Eva Toulouze (National Institute of Oriental Languages and Civilizations, Paris, France)

Rif Sh. Nasibullin (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Zoltán Nagy (University of Pécs, Pécs, Hungary)

Tat'yana G. Vladykina (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)

Tat'yana V. Zvereva (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Vasilii M. Vanyushev (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)

Zsuzsanna Salánki (EötvösLoránd University, Budapest, Hungary)

Nadezhda I. Shutova (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)

Yulia V. Normanskaya (Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russia)

Raisia A. Kudryavtseva (Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia)

Tat'yana G. Minniyakhmetova (Institute of History and European Ethnology, University of Innsbruck, Innsbruck, Austria)

Sergei A. Myznikov (Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia)

Sándor Maticsák (University of Debrecen, Hungary)

Executive Editors:

Aida Zh. Fattakhova (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Szilárd Tóth (Narva College of the University of Tartu, Narva, Estonia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Батракова Е.</i> Вставные конструкции в сетевом общении как проявление глобализации (на материале эстонского и русского языков).....	6
<i>Братчикова Н. С.</i> Коронавирусная лексика (на материале финского языка)	17
<i>Гуськова А. П.</i> Функционально-семантический потенциал служебных слов венгерского языка в сопоставительном аспекте	28
<i>Закирова А. Н.</i> Частица =ОК в языках Поволжья: история заимствования	39
<i>Уткина А. Ф.</i> Синтаксическая синонимия изъяснительных придаточных предложений (на материале письменных памятников первой половины XIX века)	52

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Пчеловодова И. В., Анисимов Н. В.</i> Алнашский компонент в песенной традиции красноярских удмуртов	60
--	----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Горина Н. В.</i> Коми драматургия в зеркале революции: некоторые аспекты становления и развития национального драматургического искусства в первой трети XX века	77
<i>Павелцова З.</i> Венгерско-словацкий синтез в жизни и творчестве Яна Секерки (на англ.яз.).....	87

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

<i>Зыков А. П.</i> Начало блистательного пути (к юбилею археолога Р. Д. Голдиной)	97
<i>Алексеева Л. В.</i> К вопросу о третьем этапе крестьянской ссылки и численности спецпереселенцев на Севере Западной Сибири (1930–1933 гг.)	106
<i>Туранов А. А.</i> К вопросу о знании языков местных народов православным духовенством Вятской губернии в конце XVIII– начале XIX вв.	117
<i>Шорохова И. В.</i> От наступательной пропаганды к межкультурному диалогу: культура Карелии в информационном пространстве Финляндии в 1960-е годы	134

РЕЦЕНЗИИ

<i>Данилко Е. С.</i> Современные исследования удмуртской культуры. Рец. на двухтомник: Современная удмуртская культура / Сост.: Ева Тулуз, Елена Попова, Николай Анисимов. Т. 1. Таллин: Издательство Таллиннского университета, 2020. 403 с.; Т. 2. Таллин: Издательство Таллиннского университета, 2021. 488 с.	146
---	-----

ЮБИЛЕИ

<i>Перевозчиков Ю. А.</i> К юбилею д. и. н. профессора В. Е. Владыкина	149
<i>Хабидуллина Ф. Я., Иванова И. Г.</i> Вклад А. Н. Куклина в разработку и развитие теории региональной топономастики	152

CONTENTS

L I N G U I S T I C S

- Batrakova E.* Parenthetical construction as a marker of globalisation on the internet
(comparing Estonian and Russian)6
- Bratchikova N. S.* Vocabulary of the Covid-19 pandemic (based on the Finnish language)17
- Guskova A. P.* Functional and semantic potential of Hungarian function words in the comparative studies28
- Zakirova A. N.* The particle =ok in the Volga-Kama languages: history of borrowing39
- Utkina A. F.* Syntactic synonymy of explanatory subordinate clauses (on the material
of written monuments of the first half of the XIX century).....52

F O L K L O R I S T I C S

- Pchelovodova I. V., Anisimov N. V.* Alnashsky component in the song tradition of the Krasnoyarsk Udmurts60

S T U D Y O F L I T E R A T U R E

- Gorinova N. V.* Komi drama in the mirror of the revolution: some aspects of the formation
and development of national stage art in the first third of the 20th century77
- Pavelcová Z.* Hungarian-Slovak syntheses in the Life and Literary Wor of Ján Sekerka (in Eng.).....87

H I S T O R Y, A R C H A E O L O G Y, E T H N O G R A P H Y

- Zykov A. P.* The beginning of a magnificent way (to the anniversary of the archaeologist R. D. Goldina).....97
- Alexeeva L. V.* On the third stage of peasant exile and the number of special settlers
in the North of Western Siberia (1930-1933)106
- Turanov A. A.* On the knowledge of languages of local peoples by the orthodox clergy
of the Vyatka province in the late XVIII–early XIX centuries117
- Shorokhova I. V.* From offensive propaganda to intercultural dialogue: culture of Karelia
in the Finnish information space in the 1960s134

R E V I E W S

- Danilko E. S.* Modern studies of Udmurt culture. Retz. For the two-volume: Modern Udmurt culture
/ comp.: Eva Toulouse, Elena Popova, Nikolai A. T. 1. Tallinn: Tallinn University Press,
2020. 403 p.; t. 2. Tallinn: Tallinn University Press, 2021. 488 p.146

A N N I V E R S A R I E S

- Perevozchikov Y. A.* To the anniversary of doctor of historical sciences, professor V. E. Vladykin149
- Khabibullina F. Ya., Ivanova I. G.* Contribution of A. N. Kuklin to the elaboration and development
of the theory regional toponomastics152

Е. Батракова

ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СЕТЕВОМ ОБЩЕНИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭСТОНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья посвящена сопоставлению сетевого общения эстонского и русского языков. Основное внимание уделяется функционированию вставных конструкций в текстах комментариев и публикаций пользователей. В работе рассматриваются функционально-семантические группы вставок, собранных методом сплошной выборки на эстонских и русских кулинарных форумах. Проведенный анализ показывает, что для эстонской и русской выборки набор функционально-семантических групп и количественная соотношенность их элементов сходны, и вставные конструкции, создавая гипертекст, участвуют в реализации многоплановости повествования. Предполагается, что общность этих процессов может интерпретироваться как проявление глобализации, в том числе ввиду взаимопроникновения языков в интернет-среде.

Ключевые слова: вставная конструкция, глобализация, эстонский язык, русский язык, сопоставительный аспект, сетевое общение.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-6-16

Современный мир охвачен глобализацией в разнообразных ее проявлениях [см. подробнее, напр.: Rietzer 2007]: происходит слияние рынков, стираются экономические границы между государствами. Глобализационные процессы объясняются рядом факторов: развитием научно-технического прогресса, возрастающей ролью Интернета [см., напр.: Gelernter L., Regev M. 2010], в том числе как коммуникационной среды и др. Влиянием последнего фактора может объясняться и тот факт, что порой даже в неродственных языках обнаруживаются схожие тенденции в речевых практиках, и в некоторых случаях мы можем говорить о глобализации как о процессе взаимопроникновения языков. Отметим, что зачастую, говоря о лингвистике и глобализации, ученые понимают под последней повсеместное распространение английского языка в качестве языка международного общения [Алпатов 2018; Сметанина-Болдвин, Маслова 2009], описывают его влияние на другие языки, способствующее появлению заимствований на разных лингвистических уровнях и др. Подобные процессы были отмечены нами в ходе сопоставления вставных конструкций эстонского и русского языков.

Предмет нашего исследования – вставные конструкции в сетевом общении. Ниже мы охарактеризуем рассматриваемое явление в русском и эстонском языках.

Долгое время важнейшей задачей синтаксиса было описание ядра синтаксической системы – определение таких важнейших категорий, как предложение [Арутюнова 1976, Ломтев 1972], типы отношений [Белашапкина 1999, Скобликова 1971] и др., и ряд синтаксических явлений долгое время оставался на периферии исследовательских интересов. Так, например, синтаксические связи были описаны фрагментарно [Дымарский 2013], а вставные конструкции, не образующие с предложением синтаксических связей, оказались на еще большей «синтаксической периферии» – к середине XX века они были описаны непоследовательно и определялись по-разному, поскольку единой точки зрения на это явление не существовало.

Первое относительно четкое определение вставной конструкции дано в «Грамматике русского языка» под редакцией В. В. Виноградова, в которой к исследуемой категории относят слова, словосочетания или предложения, содержащие «дополнительные сведения о чем-либо; замечания, имеющие характер сопоставления или противопоставления чего-либо тому, о чем говорится в основном предложении; уточнение названного в основном предложении общего обозначения места, времени действия и т. п.; сообщение фактов, раскрывающих причину того, что высказано в основном предложении; замечания, толкующие значение или комментирующие употребление того или иного слова или фразеологического оборота; характеристика лица, описание предмета, обстановки и т.п.; указание на обстоятельства, сопутствующие тому, о чем сообщается в основном предложении, в частности внесенные в

прямую речь замечания автора относительно тона, поведения, самочувствия говорящего лица и др.» [РГ-54 II, 167].

Во второй половине XX в. интерес к вставным конструкциям возрастает, в частности потому, что меняется вектор лингвистических исследований в сторону функционального подхода [Золотова 1973, Мустайоки 2010]. Происходит расширение материальной базы исследований: исследователи обращаются не только к художественному тексту, как происходило ранее, но и к разговорной речи [Земская 1987], диалектам [Касаткин 1989], рекламе [Розенталь, Кохтев 1981], позднее – к интернету [Язык и речь... 2019]; становится важно *кто* говорит, *зачем* и *как*. Происходит смена фокуса исследований – он перемещается на текст, дискурс.

Изучение вставных конструкций и подход к их выделению в эстонском и в русском языкознании имеет сходства и различия. Вставные конструкции долгое время не выделялись в качестве самостоятельной категории в русистике, в том числе ввиду сложности разграничения их и смежных конструкций – вводных элементов и придаточных предложений [Батракова 2018], однако в настоящее время большая часть исследователей выделяет вставные конструкции как самостоятельную синтаксическую единицу. Современное определение вставок в русистике можно сформулировать так: это конструкции, не образующие с членами предложения подчинительной связи, однако входящие в его состав и тесно связанные с ним по смыслу; вставки служат для выражения каких-то добавочных, попутных замечаний, уточнений, поправок и т. п. к основному сообщению:

1а¹) *Это научные семинары, которые проходят в Москве (но можно участвовать по скайпу), и на которых обсуждаются самые-самые сложные историко-филологические темы*².

1б) *Loodus on ju palju täiuslikum ja tasakaalukam (ning taastab end ka ise, kui inimene oma rumaluse tõttu kaduma peaks), kui inimlooming senini seda olnud on*³.

Эстонское понятие *kiil* также включает в себя черты как вводных, так и вставных элементов в «русском» понимании: «*Kiil (lause) ehk PARENTEES on lause, mis on paigutatud teise lause sisse sellega grammatiliselt seostamata. <...> Kiildumine hõlmavasse lausesse võib toimuda mis tahes sisuliselt sobivas kohas, <...> võib kiillause välja jätta, ilma et hõlmava lause vormiline või sisuline terviklikkus kannataks. Alistusseose puudumisest juhtub, et kiil ei toimi hõlmava lause suhtes lauseliktmena <...> Kiilu intoneeritakse nagu omaette lauset. Kirjas märgib seda paigutamise vahemärkide (komade, sulgude, mõttekriipsude) vahel*»⁴ [EKG 1993, 102].

В качестве иллюстративного материала среди вставок также представлены элементы, определяемые в русистике как вводные [EKG 1993, 103]:

2а) *Vabandage, praegu on minu järjekord.*

[‘Простите, сейчас моя очередь’]

2б) *See pettus, ma loodan, jääb viimaseks.*

[‘Надеюсь, это был последний обман’]

В изданном в 2017 году отдельным томом дополненном синтаксисе эстонского языка явление *kiil* описано подробнее, несколько параграфов посвящены рассмотрению разрядов парентезы, где среди примеров вновь находим не только вставные конструкции (3б), но и вводные элементы (3а, 3в) и даже обращения (3г) [EKS 2017, 482]:

3а) *ühesõnaga* [‘одним словом’]

3б) *Juhan lõpetas töö, ta oli liiga väsinud, ja läks minema* [‘Юхан закончил работу, он слишком устал, и ушел’]

3в) *Kuule, hakkame nüüd minema* [‘Слушай, давай уже пойдём’]

3г) *Peeter, laena mulle natuke raha* [‘Пётр, одолжи мне немножко денег’].

¹ Приведенные в тексте статьи примеры были собраны нами в интернете (за исключением случаев цитирования других исследований, снабженных ссылками на источник). Примеры, относящиеся к одному тематическому блоку, имеют общий цифровой индекс –1а, 1б и т.д.

² Исходные орфография и пунктуация сохранены.

³ ‘Природа все-таки намного совершеннее и сбалансированнее (и сама восстановится, если человек по своей же глупости исчез бы), чем человечество по сей день’ (здесь и далее перевод наш – Е. Б.).

⁴ ‘*Kiil*, или парентеза – это предложение, помещенное в другое предложение без грамматической связи. Вставка в основное предложение может производиться в любое подходящее по смыслу место, и при его элиминации не изменится формальная и смысловая целостность включающего предложения. Парентеза не является членом предложения и интонируется как самостоятельное предложение. На письме выделяется запятыми, парными тире или скобками’.

В статьях М. Эрелта [Erelt 2004; Erelt 2011] *kill* включается в более широкое понятие *klaus*, однако, например, группа исследователей [Kaaler, Muischnek 2012], занимающихся изучением эстонского синтаксиса в рамках компьютерной лингвистики, предпочитают использовать термины *osalause* и *kiil*, понимая под последним синтаксическую единицу, полностью расположенную внутри другой синтаксической единицы, т. е. синтаксическая структура (предложение) начинается до *kiil* и всегда продолжается после, что и отличает это явление от *osalause*.

Таким образом, понятия *вставная конструкция* и *kill*, хотя и не имеют четкого определения, функционально схожи в русском и эстонском языках; оба обозначают попутные замечания и комментарии, включенные в предложение без грамматической связи, однако *kiil* оказывается шире *вставной конструкции*: оно включает в себя смежные со вставками явления – вводные и придаточные предложения, а также в некоторых случаях и обращения. Вопрос определения рассматриваемых явлений остается открытым, что подтверждает актуальность нашего исследования.

В своем исследовании мы выделяем потенциальные вставки по формальным признакам – выбираем элементы, заключенные в парные скобки или тире, например:

4а) *Адамсон сделал ангела с крестом в память о кораблекрушении броненосца «Русалка», стоит ангел на большом камне и на залив смотрит (набережная Нарва манте).*

4б) *See kõik on siis sarkastilises (või on see ironilises?) võtmes kirjutatud⁵.*

Общий корпус практического материала нашего исследования насчитывает более двух тысяч единиц. Материал собирался методом сплошной выборки в социальных сетях и с нескольких интернет-порталов. Вставки представлены в нем знаком препинания, буквой, словом, словосочетанием, предложением или текстом. Представленные средства разнообразны не только формально, но и функционально-семантически [Батракова 2019], однако при этом в некоторых областях сетевого общения наблюдается тенденция к определенной стандартизации вставок [Батракова 2020], что можно рассматривать как появление типизированных конструкций. Под типизированными конструкциями мы понимаем устно-разговорные модели, «наиболее характерные, ведущие, образующие костяк устно-разговорного синтаксиса» [Лаптева 1976], реализованные в письменном тексте. При этом данная тенденция, как показал анализ материала, по-разному проявляется в разных сегментах сетевого общения.

Так, на кулинарных форумах регулярными, например, оказались конструкции, содержащие в себе советы по замене продуктов:

5) *Для заправки смешать сок и цедру лайма, рисовый уксус, мед (можно заменить сахаром или, как я, сиропом агавы), хорошего качества кунжутное масло, растертый в кашицу зубчик чеснока и мелко нарезанный перец чили без семян и перепонок.*

Анализ материала позволил обобщить наиболее регулярно повторяющиеся случаи и представить их формулы, например: *у меня + N_{ном.} Num% + N_{Gen}* [Батракова 2020]:

6а) *Форму (у меня круглая форма диаметром 24 см) смазать маслом.*

6б) *200 мл. сливок (33%-ной жирности).*

Разного рода типизации свойственны не только кулинарной сфере и могут быть обнаружены не только в интернет-среде: например, Р. Рейнсалу отмечает сходность используемых вставных конструкций на примере эстонских документов [Reinsalu 2012]. Вставные элементы в тексте договора выполняют функцию уточнений и дополнений, и автор статьи выделяет такие случаи употребления вставок в рассматриваемых документах [там же, 228]: 1) условные термины (*kokkuleppelised terminid*), как правило, начинающиеся словом *edaspidi* (далее); 2) данные физического или юридического лица – Ф. И. О, персональный код, номер телефона и др., – разделенные запятыми; 3) суммы / сроки / экземпляры / проценты – числовые величины, прописанные словами; 4) частные случаи пояснения контекста – пояснение значения слова перед скобками (7а, 7б) или всего предложения (7в):

7а) *Arhiivitarvikute (karbid, kaaned) kulud katab tellija⁶.*

7б) *Lepingust tulenevate kohustuste mittetäitmist või mittenõuetekohast täitmist ei loeta Lepingu rikkumiseks kui selle põhjuseks oli ettenägematu ja vääramatute jõud (force majeure)⁷.*

⁵ ‘Это все написано все-таки в саркастическом (или же ироническом?) ключе’.

⁶ ‘Архивные принадлежности (коробки, обложки) оплачивает заказчик’.

⁷ ‘Неисполнение договорных обязательств или их ненадлежащее исполнение в связи с действием непреодолимой силы (форс-мажор) не считается нарушением Договора’.

76) *Leping jõustub selle allakirjutamisest Osapoole poolt ja kehtib kuni Lepingus sätestatud kohustuste täitmiseni (heaks on kiidetud projekti lõpparuanne ning selle alusel on teostatud väljamaksed).*⁸

Таким образом, вставные конструкции, используемые в тексте договора, могут быть сходны формально (перечисленные в определенном порядке личные данные, прописанные словами числовые величины и др.) и функционально-семантически.

Обращаясь к жанру кулинарного рецепта, М. Парадовски, со ссылкой на М. Нордмана, писал, что рецепт – один из немногих жанров с конвенциализированной структурой, правила его оформления межкультурны, стереотипны и легко узнаваемы даже рядовым пользователем [Paradowski 2018, 54].

При подготовке данной статьи мы провели контент-анализ текстов с кулинарных сайтов на русском (*eda.ru*) и эстонском языках (*kokkama.ee*). Нами были собраны предложения, содержащие вставные конструкции, заключенные в парные скобки. Сбор материала проводился автоматизированно – при помощи написанной для этих целей программы⁹, которая собирает с выбранных интернет-ресурсов предложения с вставными конструкциями. В рамках данного исследования мы рассмотрели 404 конструкции с сайта *eda.ru* и 265 конструкций с сайта *kokkama.ee*.

Первичный анализ собранного материала показал, что рассматриваемые конструкции в русском и эстонском материале в общих чертах формально похожи – все они могли быть представлены словом, словосочетанием, предложением – однако при более детальном анализе было обнаружено, что конструкции не идентичны – для выражения одних и тех же смыслов использовались разные конструкции, что позволило выделить для каждой «части» (эстонской и русской) материала функционально-семантические группы (см. *Диаграмма 1* и *Диаграмма 2*):

- действия (поясняют уже описанные действия или вводят дополнительные);
- ингредиенты (поясняют и расширяют список ингредиентов);
- условия и причины (пояснение условий и причин действий);
- метаязыковые комментарии (комментируют и поясняют неизвестные наименования);
- отсылки (осуществляют навигацию в тексте рецепта и за его пределами);
- опциональность (предлагают возможные варианты действий, замены ингредиентов и др.);
- опциональность (предлагают возможные варианты действий, замены ингредиентов и др.).

Вставные конструкции (в эстонском материале)

Диаграмма 1. Функционально-семантические группы вставных конструкций (ВК) на материале эстонского языка

⁸ ‘Договор вступает в силу с момента его подписания и действует до полного исполнения обязательств Сторон по нему (утвержден финальный отчет по проекту и на его основании произведены выплаты)’.

⁹ Описание программы (автор Офлян К.) URL: <https://gitlab.com/KOflyan/crawler> (дата обращения: 10.07.2022)

Вставные конструкции (в русском материале)

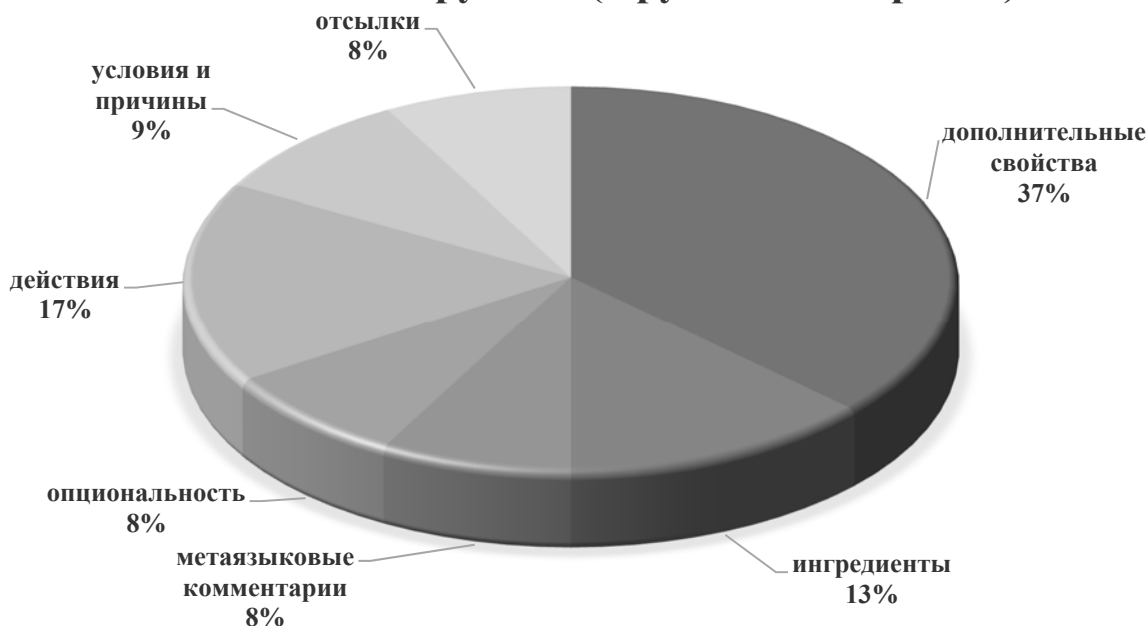

Диаграмма 2. Функционально-семантические группы вставных конструкций (ВК) на материале эстонского языка

В диаграммах наглядно представлены сходства в семантике и частично в прагматике исследуемых конструкций. С функциональной точки зрения в материале были обнаружены «традиционные» функции вставных конструкций – пояснения, уточнения, попутные комментарии, отсылки и метаязыковые комментарии. Интересно, что в эстонском и русском материале с функционально-семантической точки зрения уточнялись и дополнялись одни и те же детали: дополнительные свойства объектов (размер, температура, густота и прочие характеристики), ингредиенты (примерные ингредиенты и варианты их замены), действия (в т.ч. варианты замены действий и уточнение образа действия); причины и условия действий, метаязыковые комментарии (особенно частотны пояснения названий блюд, их оригинальное написание и др.) и различного рода отсылки (к источнику рецепта, картинке, месту или же вставки, обслуживающие навигацию в самом тексте рецепта).

Наиболее частотными оказались вставные конструкции, содержащие информацию о дополнительных свойствах объектов. Эти вставки нередко содержали информацию о размере или типе формы для выпечки:

8a) *Suru küpsisemass küpsetuspaberiga kaetud lahtikäiva koogivormi (22-24cm. läbimõõduga)¹⁰ põhjale.*

8г) *Смазать форму для выпечки маслом (диаметр 25 см).*

8б) *Määri ahjuvorm (kasutasin 30x22cm vormi) võiga ning pane pool saia-leivasegust vormi põhja.¹¹*

8д) *Форму для выпекания (я взяла разъёмную форму) смазать маслом и вылить готовое тесто.*

8в) *Vooderda kandiline kõrgete äärtega vorm (17x25cm) või lahtikäiv ümmargune (Ø24cm) vorm toidukilega¹².*

8е) *Форму (у меня круглая форма диаметром 24 см) смазать маслом.*

¹⁰ «Распредели полученную из печенья массу на застеленную бумагой для выпечки форму (диаметром 22-24 см)».

¹¹ «Смажь форму (я использовала форму 30x20 см) маслом и выложи половину хлебной смеси на дно формы».

¹² «Застели форму с высокими бортиками (17x25 см) или разъёмную форму (Ø24cm) пищевой пленкой».

Примерам данной группы из русской части выборки свойственна большая субъективность, что выражается в используемых грамматических средствах – личных местоимениях и глагольных формах (8д, 8е), в эстонском языке в подобных конструкциях местоимение не требуется, поскольку значение первого лица уже содержится в глагольной форме (8б). Однако субъективность оказывается в некоторой степени ограничена арсеналом языковых средств, поскольку жанру кулинарного рецепта свойственна однотипность речевых практик.

Также часто уточнялось количество ингредиентов, причем не всегда для этого использовались только лишь числовые значения, напротив – вставки были сформулированы преимущественно описательно:

9а) *kardemoni 3 tl (kuhjaga)*¹³

9д) *добавляю соль и сахар (на 1 л воды 100 г соли и 30 г сахара)*

9б) *Sega kõik omavahel ühtlaseks taignaks ning aseta pool (või veidi rohkem) taignast küpsetuspaberiga vooderdatud ahjuvormi*¹⁴

9е) *залить нут свежей холодной водой (примерно половина 4 литровой кастрюли)*

9в) *3 sl suhkrut (suhkru kogus oleneb suuresti ka õunte magususest)*¹⁵

9ж) *Развести в воде соль (так, чтобы вода на вкус казалась пересоленной).*

9г) *Aseta kooritud kartulid malpoti põhjale (nii palju, et põhi oleks ilusti kaetud)*¹⁶

9з) *Картофель (5 средних, 4 крупных) и морковь (2 средних) запечь в духовке на фольге открытыми.*

Поскольку жанр рецепта подразумевает не только список определенных ингредиентов, но и определенный порядок действий, последние также нередко уточнялись при помощи вставных конструкций. Чаще всего авторы рецепта поясняли образ действия: например, при помощи чего можно добиться желаемого результата (10а, 10в), а также называли в скобках дополнительное действие, например, предварительное (10б, 10г):

10а) *Seejärel lisa suhkur, sool, 0,5 tuna ning hakka vaikselt mikseri või köögikombainiga (taignasegamiskonksudega) tainast segama.*¹⁷

10в) *Берем 3 среднего размера свеклы, чистим, трем (у меня всегда используется комбайн и разные насадки. Деньги, потраченные на маникюр, жалеются :-)) Итак, трем на мелкой терке свеклу.*

10б) *Lao peale uuesti küpsised (eelnevalt kasta piima-konjaki segusse) ning määri peale toorjuustusegu.*¹⁸

10г) *В шейкер влить виски, сироп, выжать сок целого лимона, добавить два кусочка имбиря и белок от одного яйца (предварительно отделить от желтка).*

Примеры 10б и 10г формально сходны (предварительно + V), примеры же 10а и 10в близки семантически, но значение оказывается выражено разными средствами – формой комитатива в эстонском примере и более длинной описательной вставкой с возвратной конструкцией модально-пассивного значения в русском, которая вновь (как в примерах 8д, 8е) содержит в себе прямую отсылку к личному опыту автора, где субъективность подкрепляется использованием смайлика.

Вставки, называющие причину описываемого действия, чаще встречались в эстонском материале:

¹³ ‘3 ч.л. кардамона (с горкой)’.

¹⁴ ‘Смешай все до однородной массы в тесто и выложи половину (или чуть больше) на застеленную бумагой форму’.

¹⁵ ‘3 ст.л. сахара (количество сахара зависит от сладости яблок)’.

¹⁶ ‘Выложи очищенный картофель в кастрюлю с толстым дном (так, чтобы дно было полностью покрыто)’.

¹⁷ ‘После добавь сахар, соль, половину яйца и медленно перемешай тесто при помощи миксера или комбайна (с помощью насадок для перемешивания теста)’.

¹⁸ ‘Выложи сверху еще раз печенье (предварительно смочи в молочно-коньячной смеси) и промажь творожным кремом’.

11a) Lisa mõned lusikatäied kuuma kooresegu munakollasele (**temperatuuri ühtlustamiseks**) ning vala siis tasapisi munasegu potti koore hulka, ise pidevalt segades¹⁹.

11в) Мочим руки холодной водой (**чтоб не липло**), лепим бифштексы, выкладываем на сковородку, минутку обжариваем на быстром огне, потом огонь убавляем, накрываем крышкой и жарим минут по 10 с каждой стороны (**чтобы прожарить лук**).

11b) Võta kimbutäis salveilehti (minul oli oma 35-40 suurepäraselt lõhnavat salveilehte) ning rõsti neid kuumal kuival pannil paar minutit ehk seni kuni need muutuvad krõbedaks (**rõsti kahes jaos, kuna kõik lehed ei pruugi ära mahtuda pannile**)²⁰.

11г) На сильном огне обжарить мясо (**лучше порционно, чтобы мясо не тушилось, а жарилось**).

Вновь семантически близкие примеры в эстонском и русском языках имеют разную форму выражения (11a, 11в) – форма транслатива в эстонском и придаточные предложения с союзом *чтоб(ы)* в русском.

Метаязыковые вставки в целом представлены пояснениями значений слов, в русском материале – вероятно, ввиду кириллического алфавита, – было обнаружено больше пояснений заимствованных наименований блюд, ингредиентов и т.д., их фонетических и графических вариантов:

12a) 150 g toasooja maapähklivõid (**ehk siis Peanut Butter**)²¹

12б) Ширако (**супрако**) — традиционное японское блюдо, которому до популярности суши далеко.

12в) Два главных рецепта «по-римски (**carciofi alla romana**) и по-еврейски (**carciofi alla giudia**)» отличает степень сложности начинки, еврейская, конечно, хитроумнее.

12г) Положить в устройство су-вид (**sous-vide**) на 2 часа

В эстонском материале чаще вставная конструкция содержала в себе отсылку к первоисточнику рецепта (например, к номеру журнала, где опубликованы рецепты). В русскоязычной выборке было обнаружено много отсылок к определенным локациям, однако это объясняется тем, что в выборку попал блог о поездке в Италию (13в). Также в русском материале при помощи вставки уточняется объект речи (13г):

13a) Selle nädala Naistelehes (**05.02.2020**) jagan samuti erinevaid toorpuudretsepte ning annan soovitusi, millest ja kuidas selline lihtne hommikusöök valmis ehitada²².

13в) Da Jair (**via Foce Micina 118, Fiumicino**). Ego мало кто знает, но он -- настоящее сокровище.

13б) Seda peab kooralikult tundma läbi kogu burgeri ning seetõttu kasutasin juustu rohelistestoga (**piltidel see roheline**) ning «Old Amsterdam» juustu²³.

13г) В замоченный желатин (**первая емкость**) добавить 60 грамм сахара и растопить, не доводя до кипения.

Вставки содержали отсылки к элементам внутри текста (13г), за его пределами (13a, 13в), а также пограничные случаи с картинками, как в примере 13б.

¹⁹ 'Добавь к желтку несколько ложек горячей сливочной смеси (**для выравнивания температуры**), постепенно добавляй яичную смесь в кастрюлю со сливками, постоянно помешивая'.

²⁰ 'Возьми пучок шалфея (у меня было 35-40 ароматных листиков шалфея) и поджарь их на сухой горячей сковороде несколько минут, пока они не станут хрустящими (**жарь порционно, потому что все листья могут не поместиться в сковороду**)'.

²¹ '150 гр арахисового масла комнатной температуры (**Peanut Butter**)'

²² 'В свежем номере Naisteleht (**05.02.2020**) делюсь рецептами каш и даю советы, из чего и как приготовить простой завтрак'.

²³ 'Он должен хорошо чувствоваться в бургере, поэтому я использовала сыр с зеленым песто (**на картинке зеленый**) и сыр «Старый Амстердам»'.

Специфическими для русской части выборки (в эстонском материале лишь один такой пример, см. 12а) были конструкции с отрицанием или с предлогом *кроме* вместо списка дополнительных свойств и ингредиентов или действий (в рамках своего исследования мы обозначили их как *минус-ингредиент* – 12б, *минус-действие* – 12в, *минус-свойство* – 12г):

12а) *Eemalda suvikõrvitsalt südamik ja riivi siis suvikõrvits (ära seda koori) jämeda riivipoolega*²⁴.

12б) *Все ингредиенты (кроме лапши) выложить в чашу мультиварки, залить водой, добавить соль и перемешать.*

12в) *Кабачки и баклажан нарезать кусочками по 4 см (кожицу не снимать), выложить в дуршлаг, пересыпая солью.*

12г) *5 столовых ложек соли крупного помола (не йодированной)*

Проведенный анализ материала показал, что пользователи интернета регулярно включают в свои комментарии вставные конструкции. В нашем материале – на примере русского и эстонского языков – такие конструкции частично формально сходны. Используемые авторами вставки функционально-семантически близки и порой однотипны – дополнительные комментарии касаются ингредиентов, их свойств, названий, а также действий и условий их выполнения, реже – отсылают к источнику. Случаев употребления, не затрагивающих кулинарные темы вставных элементов, очень мало (2 единицы). Количественные пропорции рассматриваемых конструкций в русском и эстонском материале в целом сходны, но в эстонском материале выше процент пояснения причин и условий, а в русском – метаязыковых пояснений.

Жанр рецепта предполагает совмещение речи и действия, и в интернет-коммуникации мы находим отражение попытки этого совмещения. Многоплановость повествования проявляется посредством вставных конструкций, что демонстрирует специфику интернет-коммуникации: язык интернета сочетает в себе черты устной (например, с точки зрения синтаксиса) и письменной речи, и визуальная часть контента переходит в письменную форму, образуя посредством вставок своего рода гипертекст. Интернет как глобальная среда, доступная для общения всем желающим, позволяет пользователям переживать не только определенные лексические единицы, но и целые семантико-синтаксические конструкции, характерные для той или иной коммуникативной ситуации, для того или иного жанра текста. Также в интернет-среде нельзя исключать взаимовлияния языков, и нам думается, что однотипность в использовании вставных конструкций может свидетельствовать об общих процессах, по меньшей мере, в сфере кулинарии, и, возможно, обнаруженная общность процессов может быть интерпретирована в том числе и как проявление глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов В. М. Языковой аспект глобализации // Язык в глобальном контексте: современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации. М., 2018. С. 6–25.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 383 с.
- Батракова Е. К вопросу о разграничении вводных и вставных конструкций // Studia Slavica XVI, Таллин: Таллинский университет, 2018. С. 105–112.
- Батракова Е. Вставные конструкции в интернет-коммуникации: структурные и функционально-семантические характеристики // Valoda dažādu kultūru kontekstā. XXIX Zinātnisko rakstu krājums, Даугавпилс: Saule, 2019. С. 103–110.
- Батракова Е. Типизированные вставные конструкции в интернет-коммуникации // Studia Slavica XVIII. Таллин, 2020. С. 101–109.
- Белошапкина В. А. Современный русский язык. М.: Азбуковник, 1999. 627 с.
- Дымарский М. Я. К типологии синтаксических связей (на материале русского языка) // Проблемы функциональной грамматики: принцип естественной классификации. М.: Институт лингвистических исследований РАН, 2013. С. 57–91.
- Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1987. 236 с.

²⁴ ‘Удали сердцевину из кабачка и натри его (не очищая) на крупной терке’.

- Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.
- Касаткин Л. Л. Русская диалектология. М.: Просвещение, 1989. 223 с.
- Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976. 399 с.
- Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 196 с.
- Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2010. 509 с.
- РГ-54 = Грамматика русского языка. Т. 2. / ред. Виноградов В. В., Истрина Е. С. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 440 с.
- Розенталь Д. Э., Кохтев Н. Н. Язык рекламных текстов. М., 1981. 59 с.
- Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. М.: Просвещение, 1971. 240 с.
- Сметанина-Болдвин Ю. В., Маслова Е. В. Интернет как информационное, языковое и социальное явление и его роль в глобализации локализации мировых языков // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. №1. С. 176–183.
- Язык и речь... = Язык и речь в интернете: личность, общество, коммуникация, культура // Сборник статей III Международной научно-практической конференции. В 2 т. М.: РУДН, 2019.
- EKG 1993 = Eesti keele grammatika. II. Süntaks / toim. Erelt M., Kaasik R jt. Tallinn: Eesti TA Keele ja Kirjanduse Instituut, 1993. 464 lk.
- EKS 2017 = Eesti keele süntaks / toim. Erelt M., Metslang H. Tartu: Tartu Ülikooli kirjastus, 2017. 923 lk.
- Erelt M. Märkmeid eesti keele komplekslause kohta. // Keel ja Kirjandus. 2004. Vol. 6. Lk. 401–413.
- Erelt M. Tänapäeva eesti kirjakeele morfosüntaksi ja süntaksi uurimisest Tartu ülikoolis. // Emakeele Seltsi aastaraamat. 2011. Vol. 56. Lk 37–62.
- Gelernter L., Regev M. Internet and Globalization. The Routledge International Handbook of Globalization Study, 2010. P. 62–76.
- Kaalep H.-J., Muischnek K. Osalause tüvestamine eestikeelses tekstis kui iseseisev ülesanne // Eesti Rakenduslingvistika Ühingu aastaraamat. 2012. Lk. 55–68.
- Paradowski M. What's cooking in English culinary texts? Insights from genre corpora for cookbook and menu writers and translators // Translator. 2018. Vol. 24. № 1. P. 50–69.
- Reinsalu R. Lepingute lausestruktuur // Emakeele Seltsi aastaraamat. 2012. Vol. 57. Lk. 218–234.
- Rietzer G. The Blackwell Companion to Globalization // Journal of World-Systems Research. 2017. Vol. 16. № 1. P. 117–122.

Поступила в редакцию 08.08.2022

Батракова Екатерина,
докторант Тартуского университета
Юликооли 18, г. Тарту 50090, Эстония
e-mail: batrakovaeka@gmail.com

E. Batrakova

**PARENTHETICAL CONSTRUCTION AS A MARKER OF GLOBALIZATION
ON THE INTERNET (COMPARING ESTONIAN AND RUSSIAN)**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-6-16

In this paper, the author compares Estonian and Russian usage of parenthetical constructions in online culinary forums. She addresses the functional-semantic categories of parenthetical constructions in user comments and publications. The study includes systematic observation of online activities from March 2020 to September 2020, collecting and analysing the data. Two different corpora for the Russian and Estonian material have been created. The analysis shows a certain degree of similarity between the Estonian and Russian material for categories of parenthetical constructions and a quantitative correlation of their elements. The parenthetical constructions play a major role in the realization of the texts' multidimensional narration. It is possible that this and other similarities presented in the paper can be interpreted as a sign of globalization and a result of the mutual influence of different languages on the Internet.

Keywords: parenthetical constructions, globalization, Estonian language, Russian language, comparative aspects, internet discourse.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 1, pp. 6-16. In Russian.

REFERENCES

- Alpatov V. M.** Yazykovej aspekt globalizacii [The language aspect of globalization// Yazyk v global'nom kontekste: sovremennaya yazykovaya situaciya kak sledstvie processa globalizacii, [Language in a global context: the contemporary language situation as a consequence of globalization] M., 2018. Pp. 6–25.
- Arutyunova N. D.** *Predlozhenie i ego smysl* [Sentence and its sense]. M.: Nauka, 1976. 383 p. In Russian.
- Batrakova E.** *K voprosu o razgranichenii vvodnykh i vstavnykh konstruktssii* [On the differentiation of parenthetical constructions in Russian language] // *Studia Slavica XVI*, Tallin: Tallinskii universitet, 2018, pp. 105–112. In Russian.
- Batrakova E.** *Vstavnye konstruktssii v internet-kommunikatsii: strukturnye i funktsional'no-semanticheskie kharakteristiki* [Parenthetical constructions in the internet communication: structural and functional-semantic properties] // *Valoda dažādu kultūru kontekstā. XXIX Zinātnisko rakstu krājums* [Proceedings of Scientific Readings XXIX], Daugavpils: Saule, 2019, pp. 103–110. In Russian.
- Batrakova E.** *Tipizirovannye vstavnye konstruktssii v internet komunikatsii* [Standardized parenthetical constructions in the internet communication] // *Studia Slavica XVIII*. Tallinn, 2020, pp. 101–109. In Russian.
- Beloshapkova V. A.** *Sovremennyi russkii yazyk* [Modern Russian language]. M.: Azbukovnik, 1999. 627 p. In Russian.
- Dymarskii M. Ya.** *K tipologii sintaksicheskikh svyazei (na materiale russkogo yazyka)* [On the typology of syntactic links] // *Problemy funktsional'noi grammatiki: printsip estestvennoi klassifikatsii* [Problems of functional grammar: natural classification principle]. M.: Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN, 2013, pp. 57–91. In Russian.
- EKG 1993** = *Eesti keele grammatika. II. Süntaks* [Grammar of Estonian language. Vol 2. Syntax] / edit. Ereht M., Kaasik R jt. Tallinn: Eesti TA Keele ja Kirjanduse Instituut, 1993. 464 p. In Estonian.
- EKS 2017** = *Eesti keele süntaks* [Syntax of Estonian language] / edit. Ereht M., Metslang H. Tartu: Tartu Ülikooli kirjastus, 2017. 923 p. In Estonian.
- Ereht, M.** *Märkmeid eesti keele komplekslause kohta* [Notes on Estonian complex sentence]. // *Keel ja Kirjandus* [Language and Literature], 6, 2004, pp. 401–413. In Estonian.
- Ereht, M.** *Tänapäeva eesti kirjakeele morfosüntaksi ja süntaksi uurimisest Tartu ülikoolis* [On researches of modern Estonian morphosyntax and syntax at the University of Tartu]. // *Emakeele Seltsi aastaraamat* [Yearbook of the Mother Tongue Society], 56 (2010), 2011, pp. 37–62. In Estonian.
- Gelernter L., Regev M.** *Internet and Globalization. The Routledge International Handbook of Globalization Study*, 2010, pp. 62–76. In English.
- Kaalep H.-J., Muischnek K.** *Osalausete tuvastamine eestikeelses tekstis kui iseseisev ülesanne* [Clause splitting as a separate task (in the analysis of Estonian texts)]. // *Eesti Rakenduslingvistika Ühingu aastaraamat* [Yearbook of Estonian Applied Linguistics Society], 2012, pp 55–68. In Estonian.
- Kasatkin L. L.** *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. M.: Prosveshchenie, 1989. 223 p. In Russian.
- Lapteva O. A.** *Russkii razgovornyi sintaksis* [Russian spoken syntax]. M.: Nauka, 1976. 399 p. In Russian.
- Lomtev T. P.** *Predlozhenie i ego grammaticheskie kategorii* [Sentence and its grammatical categories]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1972. 196 p. In Russian.
- Mustaioki A.** *Teoriya funktsional'nogo sintaksisa. Ot semanticheskikh struktur k yazykovym sredstvam* [The theory of functional syntax from the semantic structures to language means]. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2010. 509 p. In Russian.
- Paradowski M.** *What's cooking in English culinary texts? Insights from genre corpora for cookbook and menu writers and translators.* *Translator*, 24(1), 2018, pp. 50–69. In English.
- Reinsalu R.** *Lepingute lausestruktuur* [The sentence structure of contracts]. *Emakeele Seltsi aastaraamat* [Yearbook of the Mother Tongue Society], 2012, 57, pp. 218–234. In Estonian.
- RG-54** = *Grammatika russkogo yazyka. T. 2.* [Grammar of Russian language. Vol. 2]. Edit. Vinogradov V. V., Istrina E. S. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960. 440 p. In Russian.
- Rietzer G.** The Blackwell Companion to Globalization. *Journal of World-Systems Research*, 16(1), 2007, pp 117–122. In English.
- Rozental' D. E., Kokhtev N. N.** *Yazyk reklamnykh tekstov* [The language of advertising]. M., 1981. 59 p. In Russian.
- Skoblikova E. S.** *Soglasovanie i upravlenie v russkom yazyke* [Approval and management in Russian]. M.: Prosveshchenie, 1971. 240 p. In Russian.

Smetanina-Boldvin Yu. V., Maslova E. V. *Internet kak informacionnoe, yazykovoe i social'noe yavlenie i ego rol' v globalizacii lokalizacii mirovyh yazykov* [The Internet as an informational, linguistic and social phenomenon and its role in the globalization of the localization of world languages] // *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. №1, 2009. Pp. 176–183. In Russian.

Yazyk i rech'... = *Yazyk i rech' v internete: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura* [Language and speech on the internet: personality, society, communication, culture] // *Sbornik statei III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Proceedings of the 3rd scientific conference]. M.: RUDN, 2019. In Russian.

Zemskaya E. A. *Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskii analiz i problemy obucheniya* [Russian spoken language: linguistic analysis and learning problems]. M.: Russkii yazyk, 1987. 236 p. In Russian.

Zolotova G. A. *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essays on functional syntax of the Russian language]. M.: Nauka, 1973. 352 p. In Russian.

Received 08.08.2022

Batrakova Ekaterina,
PhD student, Tartu University
Ülikooli 18, Tartu 50090, Estonia
e-mail: batrakovaeka@gmail.com

Н. С. Братчикова

**КОРОНАВИРУСНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ФИНСКОГО ЯЗЫКА)**

В статье анализируется так называемая коронавирусная лексика, появление которой вызвано охватившей весь мир пандемией COVID-19. Исследование проведено на материале финского языка, в котором зафиксировано появление новых слов либо значений, обусловленных сложившейся в обществе опасной эпидемиологической ситуацией. В статье производится анализ наиболее заметных изменений в лексике финского языка на терминологическом уровне и в языке официального общения. Автор подчеркивает стремление финского языка избегать иноязычных заимствований в особо опасных для общества условиях существования, что делает этноконсолидирующую функцию языка доминантной. Следуя принципам языковой справедливости, языком терминообразования и официального оповещения жителей страны об опасностях пандемии COVID-19 стал финский язык, который в эпоху коронавируса характеризуется максимальной четкостью, ясностью и отсутствием двусмысленности в понимании терминов и полутерминов. Новизну исследования составляет анализ лингвокреативных практик неологизации в дискурсивном контексте. Быстрый рост короналексики связан с необходимостью адаптации к возникающим социальным вызовам. Продуктивным способом неологизации является использование уже имеющейся семантической модели в языке. Многие неологизмы образованы от уже известных слов в соответствии с требованиями новой реальности, значение некоторых слов переосмыслено в изменившихся условиях дискурса. Неологизмы эпохи COVID-19 с течением времени потеряют свою актуальность и перейдут на периферию, но при этом сохранят способность к дальнейшим трансформациям, вызванными новыми условиями времени.

Ключевые слова: финский язык, словообразование, неологизм, коронавирус, COVID-19, семантическая модель, термин, полутермин, актуализированное слово и значение, переосмысление значения, дискурсивный контекст.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-17-27

Статья посвящена изучению функционирования коронавирусной лексики на материале финского языка. Выделение лексических единиц, относящихся к пандемии COVID-19, в отдельную систему объясняется постоянно расширяющейся совокупностью специальных наименований и понятий конкретных областей знаний.

Объект исследования представляют лексические единицы, описывающие коронавирусную пандемию. Предмет изучения – системные и функциональные характеристики лексических единиц, тематически относящихся к пандемии COVID-19.

Условия существования человеческого общества в течение двух последних лет существенно повлияли на физическое и психическое здоровье людей, их быт, экономическую ситуацию в мире. Широкомасштабность распространения заболевания ускорила международное сотрудничество специалистов разных областей медицины, IT-технологий, социально-политических наук. Быстро вводимая в активное пользование так называемая коронавирусная лексика нуждается в описании, активизированные термины – в уточнении значения и условий функционирования.

При изучении дискурсивных условий использования лексических единиц по теме COVID-19 мы обратили внимание на то, что на первых этапах фиксирования заболевания финские источники информации часто использовали англоязычные термины. По мере дальнейшего распространения пандемии и исследования инфекции заимствованная лексика стала заменяться финскими эквивалентными словами. Финская коронавирусная лексика характеризуется невысоким процентом наличия иностранных слов (в первую очередь англицизмов).

Заметим, что предпочтительное обращение к национальной лексике последовательно прослеживается на всех этапах истории развития финского языка. Роль национального языка особо актуализируется в период опасных ситуаций, угрожающих безопасности существования общества и государства (например, военные действия, природные катаклизмы, массовые заболевания), тогда первенствует не коммуникативная предназначенность литературного языка, а его символическое и метаязыковое употребление. Этноконсолидирующая функция национального, в нашем случае финского, языка становится первоочередной. В особых, довольно экстремальных условиях существования общества и государства создаются благоприятные возможности для раскрытия лексико-семантического потенциала национального языка.

Актуальность исследования заключается в его вписанности в современную «картину мира эпохи коронавируса». Речевая актуализация многих терминов, слов и коллокаций обнаруживает их мощные имплицитные смысловые возможности, вплоть до смыслового расхождения с первоначальным значением. В сложившейся коммуникативно-прагматической обстановке незатихающей пандемии были активизированы старые, уже известные, и введены новые слова, которые свидетельствуют о значимых явлениях в ментальной сфере этноса. Употребление этих слов было обусловлено семантической необходимостью. Исследование позволяет наглядно «увидеть» цикл существования слова: оно рождается, активно выступает в речевой практике, затем утрачивает актуальность и уходит «в запас», «на периферию» в ожидании последующего употребления в уже новом значении, уточненном периодом времени.

Поставив перед собой задачу описать коронавирусный словарь COVID-19, мы решили изучить, какие слова были приняты в речевое употребление, какие существующие слова и значения были актуализированы, насколько высока доля заимствованных слов в коронавирусной лексике.

С целью всестороннего описания процесса формирования и функционирования коронавирусного словаря мы систематизировали лексические единицы предметной области, представили их тематическую классификацию; выделили наиболее продуктивные способы словообразования; исследовали процессы взаимообогащения ресурсов общеупотребительной и специальной лексики.

На основании изученных материалов лексикографических словарей, текстов медицинского содержания, представленных на сайте Министерства социального обеспечения и здравоохранения Финляндии, была выдвинута следующая гипотеза: коронавирусный словарь обогащается главным образом благодаря актуализации значений существующих слов; образование неологизмов происходит по имеющейся семантической модели с учетом закона семантического согласования. Заимствование терминов из иностранных языков не относится к высокопродуктивному способу образования новых слов словаря COVID-19. Финские специалисты-лексикологи обращались к нему только на первых порах описания пандемии. В дальнейшем, соблюдая принципы языковой справедливости [Piller 2021; Payton, Lee, Nogues Mercado, Uliasz 2020; Годдард, Вежбицкая 2021], языком терминообразования и дальнейшего лингвистического сопровождения социально-значимых событий и ситуаций становится финский. Слова и термины, связанные с описанием пандемии COVID-19, понятны и доступны широкому кругу пользователей. Общепонятность языка медицинских инструкций позволяет поддерживать приемлемые условия санитарно-эпидемиологической безопасности, обеспечивать равную возможность всем членам общества, независимо от уровня образования, профессиональной подготовки, возрастных характеристик, получать информацию по лечению и профилактике коронавирусного заболевания. Кроме того, это создает эффективные условия для быстрого развития национального языка.

В исследовании были применены методы семантического подхода, компонентного анализа, основных принципов лексикографического описания лексических единиц.

Методологической основой исследования служат следующие положения: термин является результатом когнитивной деятельности людей и уточняется в процессе познания человеком окружающей среды (М. Н. Володина, С. В. Гринев, В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, А. В. Суперанская, Н. Pirttimaa, А. Hervonen, W. Nienstedt, Н. Makkonen-Craig и др.); термин, в том числе медицинский, является инструментом познания мира и носителем специальной научной информации, обеспечивающим эффективную профессионально-ориентированную коммуникацию специалистов в стране и в мире (Е. В. Бекешева, В. Ф. Новодранова, L. Saarela и др.); термин и дискурс, в том числе медицинского текста, представляет собой коммуникативную деятельность (Л. С. Бейлинсон, В. М. Лейчик, Г. Г. Слышкин и др.).

Материалом исследования стала лексические единицы медицинских словарей [Lääketieteen termit, 1990, 1997], терминологического банка слов «Заболевание коронавирусной инфекцией» [Koronavirustauti], насчитывающего 750 слов и выражений и опубликованного на сайте канцелярии премьер-министра Финляндии¹. Кроме того, термины получены из выборки, сделанной по данным собственного интернет-мониторинга автора публикаций 2020–2021 гг. на сайте Национального института здравоохранения и социального обеспечения (THL)².

¹ Канцелярия премьер-министра Финляндии дает рекомендации и консультации по терминологической лексике, одобряя для использования такие термины, которые обеспечивают относительно высокое качество общения. Результаты и методы словарной работы используются при создании контента для различных информационных систем. URL: [https://vnk.fi/documents/10616/3457861/Koronavirustautiin+\(COVID-19\)+ja+poikkeusoloihin+liittyvi%C3%A4+termej%C3%A4+ja+ilmaisuja+\(fi-sv-en-ru\)](https://vnk.fi/documents/10616/3457861/Koronavirustautiin+(COVID-19)+ja+poikkeusoloihin+liittyvi%C3%A4+termej%C3%A4+ja+ilmaisuja+(fi-sv-en-ru)) (дата обращения: 15.07.2022)

² URL: <https://thl.fi/fi/web/infektioaudit-jarokotukset/ajankohtaista/ajankohtaista-koronaviruksesta-covid-19/tilannekatsaus-koronaviruksesta>; https://aineistopankki.thl.fi/l/jxKqf2v_bXjS (дата обращения: 15.07.2022)

Степень изученности вопроса

Поскольку предметом нашего исследования является лексика, связанная с медицинской проблематикой, то сначала мы обратились к публикациям, связанным с изучением терминологии данной области знаний, а затем к научным статьям, рассматривающим языковые явления периода пандемии COVID-19.

За последние пять лет труды многих отечественных и зарубежных ученых были посвящены проблемам терминологии в области медицины. Мы укажем лишь на некоторые публикации, имеющие отношение к объекту нашего исследования. В частности, синонимия медицинских терминов стала предметом исследования Л. В. Бабошкиной и Е. В. Дыкусовой на материале трех разделов медицинской терминологии: анатомической, клинической и фармацевтической [Бабошкина, Дыкусова 2019, 40–43]. В статье рассмотрен семантический потенциал синонимичных существительных и прилагательных, относящихся к медицинским терминам. Анализируя медицинские тексты, авторы публикации убедительно доказали, что различение терминов-синонимов требует определенного контекста, который обеспечивает точность и лаконичность словоупотребления.

Термины в области цитологии рассматриваются на материале французского языка Е. И. Давыдовой, Е. А. Гуляевой и Н. Ю. Бородулиной. Авторы исследования отмечают сближение разговорного и научного стилей в современной медицинской терминосистеме [Давыдова, Гуляева, Бородулина 2019]. Исследователь А. Ю. Сиротинина провела этимологический, ономазиологический и структурный анализ терминологии в области перфузиологии [Сиротинина 2017].

Резкий количественный рост лексики, вызванный появлением новых заболеваний, развитием медицинских технологий и техники, отмечается в научных статьях финского исследователя В. Саано. Начиная с 2017 года, в словаре медицинских терминов [Lääketieteen termit] появились более 600 новых словарных статей, предоставляющих информацию о новых заболеваниях, методах лечения и лекарственных препаратах. Саано отмечает высокий процент англоязычных терминов при описании современных методов диагностики (МРТ, КТ). Тем не менее, как отмечает В. Саано, в словарях и справочных пособиях для массового читателя предпочтение отдается словам финского происхождения. Например, греческое слово *galactagogue* (*galaktagog*) ‘галактога’ заменено финским эквивалентом *maidonnostatin* ‘стимулятор секреции молока’. Вместо латинского термина *dystonia* ‘дистония’ введено слово финского происхождения *lihasväätötauti*. Англоязычные заимствования встречаются, главным образом, в терминах-аббревиатурах, например, название теста SNOT-22, что расшифровывается как Sino-Nasal Outcome Test 22 [Saano 2019, 314].

П. Укконен уделяет особое внимание определяющей роли контекста при выборе лексической единицы, исследуя синонимический ряд термина ‘пневмония’: *keuhkokuume*, *pneumonia* и *keuhkotulehdus* [Ukkonen, 2017].

М. Блумфельдт установила соотношение финской и заимствованной лексики в области анестезиологии [Blomfeldt 2008]. Проведя этимологический контрастивный анализ 200 терминов на материале финского, шведского и немецкого языков, она пришла к выводу, что самая большая группа слов иностранного происхождения введена в финский язык с помощью транслитерации (29%). Они сохранили четко распознаваемые черты иноязычного происхождения, которые проявляются в виде фонетических, орфографических, грамматических и семантических особенностей, например, *respiraattori* ‘респиратор’, *laryngospasmi* ‘ларингоспазм’, *defibrillaattori* ‘дефибриллятор’. Вторую группу по количеству составляют комбинированные слова, то есть полукальки (25%), например, *rytmihäiriö* ‘нарушение ритма’, *inhalaationukutus* ‘ингаляционная анестезия’. Термины, образованные методом словосложения, в которых все компоненты являются словами финского происхождения, составляют 15%, например, *hengitysvoimistelu* ‘дыхательная гимнастика’. Аббревиатуры составляют 2%. По наблюдениям Блумфельдт, количество общеупотребительных слов в медицинской лексике охватывает только один процент (*syke* ‘биение’, *sykintä* ‘пульс’, *lohko* ‘доля’ в сложном слове *keuhkolohko* ‘сегмент легкого’).

Среди причин приоритетного заимствования англоязычных слов в медицинские терминосистемы финские исследователи называют следующие:

1. высочайшие темпы развития международной науки по сравнению с темпами развития национальной терминологии.
2. неудачные варианты перевода англоязычного термина, которые либо недостаточно точно передают на финском языке исследуемое явление или процесс, либо в разговорно-обиходном языке уже

имеется значение слова, препятствующее его введению в профессионально-ориентированную речь [Kivelä 2003, 8–10].

3. слабые усилия по введению в активный научный оборот финноязычного термина, что является причиной его быстрого забвения [Терро 1984, 584].

Пандемия COVID-19 выявила огромный потенциал, заложенный в языке. Впервые в языке фиксируется такой огромный вброс новой лексики, активизация имеющихся словообразовательных моделей; даже период научно-технической революции не был отмечен столь стремительными словообразовательными процессами. Как отмечают авторы монографии «Русский язык коронавирусной эпохи», в условиях глобальной пандемии интенсивные процессы неологизации и языковой игры стали характерны для многих языков мира [Словарь русского языка 2021, 4].

Предметом изучения лингвистов стала так называемая «народная терминология» [Катермина, Липириди 2020, 174], описывающая эпидемию COVID-19. Появились публикации по короналексике на материале английского, китайского [Савченко, Янь-Цзюнь 2020, 865–886], немецкого, русского и французского языков [Северская 2020, 889–890].

Исследованиям лексических изменений, неологизмов, фразеологии ковид-эпохи посвящен журнал «Коммуникация 2020» [Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4]. Предметом изучения стала коммуникация между людьми в период режима самоизоляции в интернет-пространстве. Например, культурный концепт «самоизоляция» в речевой практике носителей русского языка обнаруживает интересное имплицитное смысловое расхождение между «официальным» и обиходным употреблением слова [Радбиль 2020, 759–774]. Новообразования «коронапсихоз», «коронаскептик», «covidism», «covidophobia» и другие социолингвистические маркеры 2020 г. в речевой практике в различных лингвокультурах убедительно свидетельствуют о креативных возможностях языка [Зайцева 2020, 801–813].

Преобразование коронавирусного заболевания в тематическую дискурсивную доминанту обуславливает конвергенцию разных типов дискурсов и практик говорения, что способствует созданию неологизмов. Формирование новых значений, словосложение соотносятся с дискурсивным переосмыслением и рефреймингом [Северская 2020, 887–906].

Неологизация и лингвокреативные стратегии стали маркерами языковой ситуации в Финляндии последних двух лет. В финском языке в обиходное употребление вошли слова и словосочетания, относящиеся к специальной лексике и до 2019 г. имевшие довольно узкую сферу употребления, например: *varmuusvarastointi* ‘запасы на случай чрезвычайных ситуаций’, *turvaväli* ‘безопасная социальная дистанция’, *kasvovisiiri* ‘лицевой козырек’, *hengityksensuojain* ‘респиратор, имеющий маркировку CE и показатель FFP’.

Появились, на первый взгляд, странные, однако ситуативно обусловленные слова и полутермины: *koronapleksi* ‘акриловый коронащит’, *omaehtoinen karanteeni* ‘добровольный карантин’, ‘самоизоляция’, *koronakoira* ‘собака, обнаруживающая коронавирус’, ‘собака-обнаружитель’, ‘коронасобака’ (по аналогии с ‘наркособакой’), *pitkä korona* (букв. длинная корона) ‘длительный ковид’ (симптомы заболевания, которые длятся несколько недель и даже месяцев после выздоровления, и затрудняют возвращение к повседневной жизни), *vanha käsi* (букв. старая рука) ‘поднятая рука’ (значок невербальной обратной связи с организатором мероприятия, обозначающий случайно оставшийся знак уведомления о желании высказаться) [Tervonen 2020]. Некоторые реалии имеют несколько наименований, например, защитное средство органов дыхания – санитарная маска – имеет 20 названий, а именно: *kasvosuoja*, *kasvosuojain*, *kasvosuojus*; *suusuojain*, *suusuojus*, *suu-nenäsuoja*, *suu-nenäsuojain*, *suu-nenäsuojus*; *maski*, *hygieniamaski*, *kasvomaski*; *kirurginmaski*, *leikkausmaski*, *kirurginen suuoja*; *hengityssuojain*, *hengityksensuojain*, *hengityssuoja*; *naamari*, *naamio*, *kasvonaamio*. В первое время в 2020 г. такой широкий выбор номенклатурных названий одного предмета вызвал в финском обществе определенную растерянность, так как была нарушена понятийная соотнесенность. В отсутствии опыта ношения средств индивидуальной защиты потребитель не имел четкого представления, на какую модель надо опереться. Финский центр безопасности снабжения населения не мог определиться, нужно ли для названия предмета закупки использовать слово из старого запаса (*naamio* ‘маска’ (часто декоративная, маскарадная) (1865), задействовать ли довольно известные словоупотребления (*kirurginen hengityssuojain* ‘хирургическая маска’, *hengityksensuoja* ‘средство защиты органов дыхания’) или заимствовать иностранное слово (*kasvomaski*, *maski*). Как отмечают Р. Хювяринен и Х. Макконен-Крейг, «когда речь идет о здоровье нации и о больших деньгах, средства индивидуальной защиты должны быть названы так, чтобы все участники процесса понимали, о чем идет речь. Нельзя рекламировать товары под названиями, вводящими в заблуждение. При заказе продукции надо четко знать и называть

ее наименование. Надо четко и понятно информировать массового покупателя» [Нувярinen, Makkonen-Craig 2020]. Доминантным с учетом интересов массового потребителя стало заимствованное слово *maski*, которое является понятным и емким по значению. Понятийное равновесие в финском обществе было восстановлено.

Результаты исследования

В последние годы COVID-19 стал приоритетной темой, которая объединила медицинский, сетевой, медийный и обиходно-разговорный дискурсы. Ковидная тематика определяет дискурс новостных сообщений. Учитывая довольно значительный объем появившихся исследований, ближайшая исследовательская задача формулируется как попытка описать коронавиральный словарь на материале финского языка, понять, насколько медицинская профессиональная терминология близка к народной терминологии. В коронавиральный словарь мы включаем слова, используемые для описания заболевания COVID-19, его лечения и профилактики. Среди них есть неологизмы, слова с актуализированным значением, термины из смежных областей знаний.

Коронавиральный словарь COVID-19 является открытой, довольно представительной, не исчерпывающей системой. Финноязычный репертуар коронавирального словаря насчитывает 750 слов и словосочетаний и имеет свою национальную специфику.

Большинство лексических единиц словаря COVID-19 формируется путем адаптации обычных терминов из области вирусологии, микробиологии, пульмонологии и кардиологии к новым специфическим условиям. Показателем принадлежности слов к данному словарю являются слова-маркеры **kورونا**, **COVID: virus** ‘вирус’ → **koronavirus** SARS-CoV-2 ‘коронавирус’, **virusinfektio** ‘вирусная инфекция’ → **COVID-19-virusinfektio** ‘коронавирусная инфекция’, **tartunta** ‘заражение’ → **koronavirustartunta** ‘коронавирусное заражение’, **rakenne** ‘структура’ → **koronaviruksen rakenne** ‘структура коронавируса’, **oire** ‘симптом’ → **koronaviruksen oire** ‘симптом коронавируса’, **itämisaika** ‘инкубационный период’ → **COVID-19-taudin itämisaika** ‘инкубационный период ковида’, **riski** ‘риск’ → **koronariski** ‘риск коронавируса’, **testi** ‘тест’ → **koronatesti** ‘тест на ковид’.

Основным способом формирования новообразований в словарной лексике COVID-19 является словосложение. Термины и полутермины могут быть двух- и более компонентными. По составу они могут быть комбинированными, то есть компонент может быть заимствованным из иностранного языка, например, из латыни (**immuunivaste** ‘иммунный ответ’, **virusmuunnos** ‘штамм вируса’, **koronaviruspandemia** ‘пандемия COVID-19’, **koronapassi** ‘ковид-паспорт’, **rasvapartikkeli** ‘липидная частица’, **virusvektori** ‘вирусный вектор’) или выступать в виде аббревиатуры: **PCR-testi** ‘тест ПЦР’, **VOC-eli variant of concern -linja**³ ‘варианты вируса, вызывающие озабоченность (ВВО)’, **RNA-rokote** ‘РНК-вакцина’, **VLP (viruksen kaltainen partikkeli)** ‘ВПЧ, вирусоподобная частица’, **Rh-tekijä** ‘резус-фактор’.

Многие англицизмы, например, ‘локдаун’ **sulku**, **poistumiskielto**; ‘прививочный скептицизм’ **rokotevastaisuus**; ‘бустерная вакцина’ **tehosterokotus**, введенные в активный оборот во многих, в том числе и русском, языках без изменений, потребовали калькированного перевода, прежде чем стали употребляться в финском обществе.

Заимствованное слово *infektio* ‘инфекция’ редко употребляется в медицинских текстах. Нами был найден следующий пример со словом *infektio*, который не относится к коронавиральному периоду жизни финского общества: **Infektiotautien tarttuvuuteen vaikuttavat useat eri tekijät, kuten infektiivinen annos, mikrobien kyky säilyä ympäristössä, tartuntareitti, läheisyys tartuttajaan sekä patogeenien erikoispiirteet.** ‘Заразность инфекционных заболеваний определяет несколько различных факторов, таких как инфекционная доза, способность микробов сохраняться в окружающей среде, путь заражения, близость к носителю инфекции, а также характеристики возбудителей’.⁴ В коронавиральную эпоху эквивалентом *infektio* выступает финское слово **tartunta** ‘заражение, инфекция’, которое задействуется в том числе в композитах, например **tartuntatauti** ‘инфекционное заболевание’, **tartuntatautirekisteri** ‘регистр инфекционных заболеваний’, **tartuntareitti** ‘цепная передача инфекции’, ‘путь заражения’:

³ WHO on nimennyt VOC- eli variant of concern -linjoiksi, joita kutsutaan suomeksi huolestuttaviksi virusvarianttilinjoiksi. ”ВОЗ обозначила ВВО-варианты вируса, то есть штаммы, вызывающие озабоченность”. URL: <https://thl.fi/fi/web/infektiotaudit-ja-rokotukset/ajankohtaista/ajankohtaista-koronaviruksesta-covid-19/tarttuminen-ja-suojautuminen-koronavirus/muuntuneet-koronavirukset> (дата обращения: 15.07.2022)

⁴ Aikakauskirja duodecim. URL: <https://www.duodecimlehti.fi/duo11602> (дата обращения: 15.07.2022)

Suojaa itseäsi ja läheisiäsi koronavirustartunnalta. 'Защити себя и близких от коронавирусной инфекции'. Tartuntatautilain 7 §:n mukaan THL toimii tartuntatautiin torjunnan kansallisena asiantuntijalaitoksena ja antaa väestölle ohjeita tartunnan välttämiseksi ja taudin leviämisen ehkäisemiseksi. 'Согласно разделу 7 Закона об инфекционных заболеваниях, Национальный институт здравоохранения и социального обеспечения (THL) выступает в качестве национального экспертного учреждения по борьбе с инфекционными заболеваниями и дает инструкции населению, чтобы избежать заражения и предотвратить распространение болезни'⁵.

Прилагательное 'инфекционный' передается на финском языке действительным причастием настоящего времени *tarttuva*, образованного от глагола *tarttua* 'передаваться, приставать, заражать': *tarttuva tauti* 'инфекционное заболевание', 'заразная болезнь': *Tarttuva tauti koskee sairastuvan yksilön lisäksi ympäröivää yhteisöä.* 'Помимо зараженного человека, инфекционное заболевание передается окружающим'⁶.

Насколько новыми являются неологизмы эпохи пандемии COVID-19? По сути, многие термины и полутермины, в том числе слово *koronavirus* 'коронавирус', уже были введены в научный оборот несколько десятилетий назад. Впервые слово 'коронавирус' было использовано в печати в 1968 г., в 1971 оно было принято в качестве научного названия⁷. В вирусологии термин *piikkiproteiini* 'шиповидный белок' ученым давно известен. Оба этих термина встречались в научных разработках специализированных медицинских исследовательских центров, проводимых в XX веке. Так что, по сути, речь идет не о лексических новообразованиях, а об актуализации их значений в новых социально-общественных условиях и введении в широкое употребление в связи санитарно-эпидемиологической работой среди населения.

На материале финского языка мы нашли убедительное подтверждение наблюдению В. Хейккинена, согласно которому слово не исчезает из языка, оно лишь «засыпает или дремлет. Слово находится на своем месте, чтобы в какой-то момент пробудиться для нового расцвета, то есть тогда, когда кто-то остроумный вдохнет в него новую жизнь» [Heikkinen 2021, 69]. Наглядными примерами этому служат следующие словоупотребления: *aulatervehtijä* 'сотрудник, осуществляющий термоконтроль посетителей при входе в служебное помещение' (образовано способом словосложения двух слов *aula* 'фойе' + *tervehtijä* 'здоровоющийся человек'); *kansalaisyhteistyömaski, kansanmaski* 'маска для лица, которую можно приобрести по дешевой цене, то есть ширпотребтовар' (от *kansa* 'народ' + *maski* 'маска'); *ryvästymä* 'кластер заболеваний' (от глагола *ryvästyä* 'сгущиваться', 'скапливаться'), *laumaimmuneetti, laumasuoja* 'коллективный иммунитет' (от *lauma* 'толпа' + *immuneetti* 'иммунитет' или *suoja* 'укрытие, убежище').

Примерами новообразований периода 2019–2021 гг. являются такие полутермины, как *maskne* (<*maski* + *akne*) 'маскне', то есть раздражение кожи, вызванное лицевой маской или респиратором, *käsidesi* 'дезинфицирующее средство для рук' (сокр. от *käsi* 'рука' + *desifiointi* 'дезинфекция'), COVID-19-*koordinaatioryhmä* 'координационная группа по коронавирусу', *valmiuslaki* 'закон о чрезвычайных полномочиях', 'закон об обеспечении готовности' (от *valmius* 'готовность, подготовленность' + *laki* 'закон'), *valmiussihteerit* 'секретарь по обеспечению готовности' (от *valmius* 'готовность' + *sihteeri* 'секретарь'): *Koordinaatioryhmän tukena toimivat ministeriöiden valmiuspäälliköt ja valmiussihteerit, jotka vastaavat operatiivisesta toiminnasta ja yhteistyöstä.* 'Координационную группу поддерживают главы министерств по обеспечению готовности и секретари по обеспечению готовности, которые отвечают за оперативную работу и сотрудничество'⁸. Данные слова и словосочетания попадают под понятие неологизма, которое предложила С. И. Алаторцева, в частности, новыми могут считаться слова, значения и сочетания, являющиеся новообразованиями данного периода, внешние и внутренние заимствования в языке, а также слова и сочетания, вновь ставшие актуальными в рассматриваемый период [Алаторцева 1999, 16]. Указанные слова произведены от уже известных слов в соответствии с требованиями новой реальности, что позволяет отнести их к неологизмам [Северская 2020, 89].

⁵ KT-lehti. URL: <https://www.kt.fi/rokotukset-tartuntatautilaki> (дата обращения: 15.07.2022)

⁶ Suomen Lääkäriliitto // Vaaralliset tartuntataudit. URL: <https://www.laakariliitto.fi/laakarin-etiikka/hoidon-erityiskysymyksiä/vaaralliset-tartuntataudit/> (дата обращения: 15.07.2022)

⁷ URL: Коронавирусы // Википедия – свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Коронавирусы> (дата обращения: 15.07.2022)

⁸ Valtioneuvoston koronaohjelmasta vahvistettiin / Valtioneuvoston Kanslia. URL: <https://vnk.fi/-/valtioneuvoston-koronaohjelmasta-vahvistettiin> (дата обращения: 15.07.2022)

Кроме того, в финском языке фиксируются случаи, когда редкое, устаревшее слово вновь вводится в активный оборот, например, *kulkutauti* ‘эпидемия’ или *suuret kuolonvuodet* ‘годы массовой гибели людей’ (от голода, неурожая). Эти словоупотребления часто встречаются в исторических текстах: *1900-luvun aikana kulkutaudit saatiin hallintaan, ja nykyisin länsimaisen ihmisen riski kuolla kulkutauteihin on pienintä kivikauden jälkeen*. ‘В течение XX века инфекционные заболевания были взяты под контроль, и сегодня риск смерти от эпидемий инфекционных заболеваний среди жителей Западной Европы является самым низким после каменного века’. *Esimerkiksi 1690-luvun suurten kuolonvuosien aikana suomalaisista kuoli 30–40 prosenttia, ja 1860-luvun nälkävuosina alle kahden miljoonan väestöstä kuoli yli satatuhatta*. ‘Например, в годы массового голода 1690-х годов погибло 30–40 процентов финнов, а во время голода 1860-х годов погибло более ста тысяч человек.’⁹ В текстах, описывающих коронавирусную инфекцию, слово *kulkutauti* вновь стало актуальным и употребляется наравне с *pandemia*: *Koronapandemia on jyllännyt jo pari vuotta – näkykö sen loppua ja mitä uusin kulkutauti on meille opettanut?* ‘Коронавирусная пандемия бушует уже два года – будет ли конец и чему нас научила эта последняя эпидемия’¹⁰.

По уже известной и высоко продуктивной словообразовательной модели словосложения образуются практически все термины и полутермины коронавирусного словаря. Например, в финском языке существует много терминов, относящихся к социальной сфере, с опорным словом *tuki* ‘опора, поддержка’, которое в соответствующих контекстах получает значение ‘пособие’: *kotihoidon tuki* ‘пособие по уходу за ребенком на дому’; *opintotuki* ‘государственное пособие учащимся’; *asumistuki* ‘пособие на жилье’, ‘дотация на аренду жилья’. По аналогии с уже имеющимися словообразовательными моделями был введен термин *koronatuki* ‘финансовая поддержка в условиях пандемии коронавируса’: *Yksinyrittäjille on oma 2.000 euron koronatuki, jota voi hakea yrityksen kotikunnasta*. ‘Предоставляется коронавирусная субсидия частным предпринимателям, на которую подается заявление в муниципалитет по месту нахождения предприятия’¹¹. В дальнейшем композит *koronatuki* стал активно участвовать в создании других производных слов, например, *koronatukipaketti* ‘пакет поддержки в связи с коронавирусом’: *Opetus- ja kulttuuriministeriö onavannut uuden koronatukipaketin taiteen ja kulttuurialan ammatillisille yhteisöille*. ‘Министерство образования и культуры открыло новый пакет поддержки в связи с коронавирусом для профессиональных сообществ искусства и культуры’¹².

Схема словопроизводства, аналогичная композитам *työvapaa*, *virkavapaa* ‘неоплачиваемый отпуск’, *opintovapaa* ‘академический отпуск’, в которых второй компонент *vapaa* обозначает ‘свободный’, задействована для образования полутермина *lyhennysvapaa* ‘кредитные каникулы’, ‘кредитные отсрочки’. *Olemme koonneet tähän tuotekohtaisesti lyhennysvapaiden yleisiä myöntämisperusteita koronaviruksen aiheuttaman epidemian aikana*. ‘Здесь мы собрали для каждого продукта общие критерии предоставления кредитных отсрочек во время эпидемии коронавируса’¹³.

Некоторое переосмысление в современных условиях существования человеческого общества получило прилагательное *turvallinen* ‘безопасный’, которое чаще всего употреблялось в значениях ‘надежно защищенный’ или ‘не подвергающийся опасности, находящийся вне опасности’: *turvallinen liikenne* ‘безопасное движение’, *turvallinen menetelmä* ‘безопасный метод’, *turvallinen elinympäristö* ‘безопасная среда обитания’. В пандемийное время актуализировалось значение *turvallinen* как ‘не причиняющий вреда; безвредный’, ‘надежный’, которое реализуется в сочетании со словом *rokote* ‘вакцина’ *turvallinen rokote* ‘безопасная вакцина’: *Tavoitteena on saada käyttöön mahdollisimman tehokas ja turvallinen rokote myös pikkulapsille*. ‘Цель состоит в том, чтобы сделать вакцину максимально эффективной и безопасной для детей младшего возраста’¹⁴.

⁹ Lappalainen M. Tautinen historia Helsingin Sanomat. 6.10.2009. Viitattu 26.3.2020 URL: <https://www.hs.fi/tiede/art-200004683983.html> (дата обращения: 16.07.2022)

¹⁰ Koronapandemia on jyllännyt jo pari vuotta – näkykö sen loppua ja mitä uusin kulkutauti on meille opettanut? (yle.fi). URL: <https://yle.fi/uutiset/3-12215848> (дата обращения: 16.07.2022)

¹¹ Yksinyrittäjän koronatuki haku-ohje | Kasvurahoitus URL: <https://www.kasvurahoitus.fi/korona-opas/yksinyrittajaen-koronatuki-ohje/> (дата обращения: 16.07.2022)

¹² Uutta koronatukea taiteen ja kulttuurin yhteisöille noin 15 miljoonaa euroa – jos eduskunta hyväksyy käsiteltävänä olevan lisätalousarvioesityksen. Kaleva. URL: <https://www.kaleva.fi/uutta-koronatukea-taiteen-ja-kulttuurin-yhteisoi-3653385> (дата обращения: 16.07.2022)

¹³ Lyhennysvapaa kuukaudet eri tuotteille. URL: <https://www.santanderconsumer.fi/ajankohtaista/lyhennysvapaa-kuukaudet-eri-tuotteille/> (дата обращения: 16.07.2022)

¹⁴ Suomen rokotetutkimus. URL: <https://rokotetutkimus.fi/tutkimukset-cpt/covid-19-rokote-tutkimus-alle-12-vuotiaille-6-kk-11-v/> (дата обращения: 16.07.2022)

В условиях пандемии значение слова *turvallinen* в словосочетании *turvallinen tapahtuma* ‘безопасное мероприятие’ переосмысливается как ‘соблюдающее требование социальной дистанции, обеспечивающее безопасное общение (через безналичный расчет, защитные экраны и ношение средств индивидуальной защиты)’. Кроме того, значение *turvallinen* стало включать в себя сему «обрабатываемый дезинфекционными растворами, чистый от микробов»¹⁵.

Коронавирусный словарь активно пополняется так называемыми квазитерминами, например: *riskimaa* ‘страна высокого риска’, то есть страна с повышенным уровнем заболевания коронавирусом COVID-19; *karanteenihotelli* ‘гостиница для проживания туристов на период карантина’; *koronaruoka* ‘еда быстрого приготовления, хранящаяся в надежной упаковке’; *koronabotti* ‘коронаробот’, или головная информационная служба по COVID-19; *koronakoira* ‘собака, способная по запаху определить COVID-19’, *koronavartti* ‘ковидная полторашка’, то есть социальная дистанция в полтора метра, требуемая во время пандемии COVID-19. Такие термины строго соотносятся с обозначаемым понятием. Существует вероятность того, что эти квазитермины будут употребляться лишь во время пандемии COVID-19.

Заключение

Эпоха коронавируса и карантина отразилась в появлении новых слов и актуализации некоторых значений имеющихся слов в финском языке. Экстралингвистические факторы вызвали расширение словообразовательных гнезд, где номинация **COVID** или **korona** функционирует в роли возглавляющего компонента.

История возникновения и характер функционирования компонентов, входящих в такие словообразовательные гнезда, являются предметом лингвистического анализа. Процессы, происходящие в языке, в его лексическом составе, изучение семантических сдвигов в значениях слов и выражений дает возможность анализа языковых (вербальных и вербально-невербальных) явлений.

Изучение коронавирусного словаря продемонстрировало использование общеупотребительной лексики и стремление избегать иноязычных заимствований в терминообразовании. Это наблюдение поддерживается стремлением финских медицинских и социальных работников, а также лингвистов сделать медицинскую информацию максимально доступной и понятной для широких слоев населения. Возможно, что многие неологизмы, появившиеся во время пандемии, с течением времени потеряют свою актуальность и отойдут на периферию, то есть выйдут из активного употребления, но при этом сохранят способность к дальнейшим трансформациям.

ЛИТЕРАТУРА

Алаторцева С. И. Проблемы неологии и русская неография: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999. 40 с.

Бабошкина Л. В., Дыкусова Е. В. «Синонимия в медицинской терминологии». – Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, №1 (74), 2019, с. 40–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sinonimiya-v-meditsinskoj-terminologii/viewer> (дата обращения: 15.07.2022)

Годдард К., Вежбицкая А. Семантика во время коронавируса: “Virus”, “bacteria”, “germs”, “disease” и соотносимые понятия // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. №1. С. 7–23.

Головин Б. Н., Кобрин Ю. Р. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. 104 с.

Давыдова Е. И., Гуляева Е. А., Бородулина Н. Ю. Когнитивный подход к исследованию медицинской терминосистемы (на материале французского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 12. С. 313–316.

Даниленко В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.

Зайцева И. П. «Коронапсихоз», «коронаскептики», «covidism», «covidophobia» и другие социолингвистические маркеры 2020 г. // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 801–813.

Катермина В. В., Литириди С. Х. Особенности отображения пандемии коронавируса в лексике медицинского дискурса (на основе английских неологизмов) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (147). С. 170–175.

Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 731–960. // URL: <http://com-studies.org/ru>

Котелова Н. З. К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. 231 с.

¹⁵ Uutiset securitas.fi. URL: <https://uutiset.securitas.fi/uutisarkisto/2020/miten-toteutetaan-turvallinen-tapahtuma.html> (дата обращения: 16.07.2022)

Радбиль Т. Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 759–774.

Савченко А. В., Лай Янь-Цзюнь. «Коронавирусные неологизмы»: от лексики и фразеологии к интернет-мемам (на материале русского и китайского языков) // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 865–886.

Северская О. И. Ковидиоты на карантикулах: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 887–906.

Сиротинина А. Ю. Специфика состава молодой терминосистемы на примере терминологии перфузиологии. – Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 4. 2017. С. 24–34. URL: <https://www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/10927> (дата обращения: 15.07.2022)

Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Сост. Х. Вальтер, Е. С. Громенко, Ю. А. Кожевников, Н. В. Козловская, Н. А. Козулина, С. Д. Левина, В. М. Мокиенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемшова, Ю. С. Ридецкая. / Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 550 с. URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/neology/coronavirus/dictionary.pdf> (дата обращения: 15.07.2022)

Blomfeldt M. Missä määrin lääketieteen termit ovat omaperäisiä? Ruotsin ja Suomen lääketieteen kielen terminologian kontrastiivista tarkastelua sekä suomen, ruotsin ja saksan kielen sanasto./ Nykysuomen (modern finska) pro gradu -tutkielma. Vaasan yliopisto, humanistinen tiedekunta, nykysuomen ja kääntämisen laitos. Vaasa. 2008. 137 с. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/197958849.pdf> (дата обращения: 15.07.2022)

Heikkinen V. Minne sanat menevät? // Tieteessä tapahtuu 39, no. 2. 2021. – P.69 URL: <https://journal.fi/tt/article/view/107642/62956>

Hyvärinen R., Makkonen-Craig H. Maskit, suojaimet ja suojuukset. // Kotus, 2020 URL: https://www.kotus.fi/nyt/kotus-blogi/valimerkkien_valista/maskit_suojaimet_ja_suojukset.33713.blog?33712_a=comment&33712_m=33713 (дата обращения: 15.07.2022)

Kivelä T. Voiko lääkäriä ymmärtää? Kielikello no.1, 2003. – s. 8–10. URL: <https://www.kielikello.fi/-/voikolaakaria-ymmartaa->

Lääketieteen termit. – V. Saano ym. (toim.), 6. painos. Kustannus Oy Duodecim, 2016, 1684 s.

Payton C., Lee J., Noguez Mercado A. P. & A. Uliasz. Language Justice During COVID-19.

URL: https://www.americanbar.org/groups/young_lawyers/projects/disaster-legal-services/language-justice-during-covid-19/ (дата обращения: 15.07.2022)

Piller I. Linguistic Justice – what is it and how can it be achieved? Keynote lecture #ICML2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zTmoY6pDgzU> (дата обращения: 15.07.2022)

Saano V. Lääketieteen termit -sanakirjaan päivitetty satoja uusia hakusanoja. - lääketieteellinen aikakauskirja DUODECIM, 2019; 135(3):314. <https://www.duodecimlehti.fi/duo14748>

Teppo L. Lääketieteen sanastolautakunta. Duodecim 1984, 584 – 585. Helsinki: Duodecim-seura. Sanakirja Suomen lääkäreille. Lääketieteellinen aikakauskirja DUODECIM. 1992;108(5):445–585.

Ukkonen P. Keuhkokuume vai keuhkotulehdus? – Duodecim 133, 2017.P. 1426. URL: <https://www.duodecimlehti.fi/lehti/2017/15/duo13837> (дата обращения: 15.07.2022)

Поступила в редакцию 19.08.2022

Братчикова Надежда Станиславовна,
доктор филологических наук, доцент,

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;
профессор, Московский государственный лингвистический университет,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1,
119034, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, д. 38.
e-mail: n.bratchikova@mail.ru

N. S. Bratchikova

VOCABULARY OF THE COVID-19 PANDEMIC (BASED ON THE FINNISH LANGUAGE)

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-17-27

The article analyzes the so-called coronavirus vocabulary, the appearance of which is caused by the COVID-19 pandemic that has swept the whole world. The study was conducted on the material of the Finnish language, which recorded the emergence of new words or meanings due to the dangerous epidemiological situation that has developed in society. The article analyzes the most noticeable changes in the vocabulary of the Finnish language at the terminological level and in the language of official communication. The author emphasizes the desire of the Finnish language to avoid foreign borrowings in the conditions of special danger for society, which makes the ethno-consolidating function of the language

dominant. Following the principles of linguistic justice, the Finnish language has become the language of term formation and official notification of the inhabitants of the country about the dangers of the COVID-19 pandemic, which in the era of coronavirus is characterized by maximum clarity, distinctness and lack of ambiguity in the understanding of terms and semi-terms. The novelty of the research is the analysis of linguo-creative practices of neologisation in a discursive context. The rapid growth of coronal lexicon is associated with the need to adapt to emerging social challenges. A productive way of neologisation is the use of an already existing semantic model in the language. Many neologisms are formed from already known words in accordance with the requirements of the new reality, the meaning of some words is rethought in the changed conditions of discourse. The neologisms of the COVID-19 era will lose their relevance over time and move to the periphery, but at the same time they will retain the ability for further transformations caused by the new conditions of the time.

Keywords: Finnish language, word formation, neologism, coronavirus, COVID-19, semantic model, term, semi-term, updated word, meaning rethinking, discursive context.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 1, pp. 17-27. In Russian.

REFERENCES

- Alatortseva S. I.** Problemy neologii i russkaya neografiya: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. [Problems of Neology and Russian Neography: abstract dis. ... Dr. Philol. Sciences] SPb., 1999. 40 p. In Russian.
- Baboshkina L. V., Dykusova E. V.** «Sinonimiya v meditsinskoj terminologii» [Synonymy in medical terminology]. – Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. [The world of science, culture, education]. Gorno-Altaysk, №1 (74), 2019, p. 40–43. In Russian.
- Goddard K., Vezhbitskaya A.** Semantika vo vremya koronavirusa: “Virus”, “bacteria”, “germs”, “disease” i sootnosimye ponyatiya [Semantics during the coronavirus: “Virus”, “bacteria”, “germs”, “disease” and related concepts]// Russian Journal of Linguistics. 2021. V. 25. №1. P. 7–23. In English
- Golovin B. N., Kobrin YU. R.** Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminakh. [Linguistic foundations of the doctrine of terms] M.: Vysshaya shkola, [Higher school].1987. 104 p. In Russian.
- Davydova E. I., Gulyaeva E. A., Borodulina N. YU.** Kognitivnyi podkhod k issledovaniyu meditsinskoj terminosistemy (na materiale frantsuzskogo yazyka). [Cognitive approach to the study of medical terminology (based on the French language)] – Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Izd-vo "Gramota"[Philological sciences. Questions of theory and practice. Publishing house "Diploma"]. Tambov. T. 12, № 12, 2019. P. 313–316. In Russian.
- Danilenko V. P.** Russkaya terminologiya: Opyt lingvisticheskogo opisaniya [Russian terminology: Experience of linguistic description]. M.: Nauka [Nauka], 1977. 246 s. In Russian.
- Zaitseva I. P.** «KoronapsikhoZ», «koronaskeptikI», «covidism», «covidophobia» i drugie sotsiolingvisticheskie markery 2020 g. [Corona psychosis”, “corona skeptics”, “covidism”, “covidophobia” and other sociolinguistic markers of 2020] // Kommunikativnye issledovaniya. [Communication Studies (Russia)] 2020. Vol. 7. no. 4, pp. 801–813. In Russian.
- Katermina V. V., Lipiridi S. KH.** Osobennosti otobrazheniya pandemii koronavirusa v leksike meditsinskogo diskursa (na osnove angliiskikh neologizmov) [Features of displaying the coronavirus pandemic in the vocabulary of medical discourse (based on English neologisms)]// Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. [News of the Volgograd State Pedagogical University]. 2020. No. 4 (147). pp. 170–175. In Russian.
- Kommunikativnye issledovaniya. [Communication Studies (Russia)] 2020. Vol. 7. No. 4. p. 731–960. In Russian.
- Kotelova N. Z.** K voprosu o spetsifike termina [On the issue of the specifics of the term] // Lingvisticheskie problemy nauchno-tehnicheskoi terminologii. [Linguistic problems of scientific and technical terminology.] M., 1970. p. 123. In Russian.
- Radbil' T. B.** «Samoizolyatsiya» kak noveishii russkii kul'turnyi kontsept: kognitivno-diskursivnyi aspekt [“Samoizolyatsiya” (“self-isolation”) as the newest Russian cultural concept: cognitive-discursive aspect.]// Kommunikativnye issledovaniya. [Communication Studies (Russia)], Vol. 7, no. 4, pp. 759–774. In Russian.
- Savchenko A. V., Lai Yan'-Tsyun'.** «Koronavirusnye neologizmy»: ot leksiki i frazeologii k internet-memam (na materiale russkogo i kitaiskogo yazykov) [“Coronaviral neologisms”: from vocabulary and phraseology to Internet memes (on the material of the Russian and Chinese languages)]//Kommunikativnye issledovaniya. [Communication Studies (Russia)], Vol. 7, no. 4, pp. 865–886. In Russian.
- Severskaya O. I.** Kovidioty na karantikulakh: koronavirusnyi slovar' kak diagnosticheskoe pole aktual'nykh diskursivnykh praktik [Covidioty on coronacation: coronaviral lexicon as a diagnostic field for actual discursive

practices.]// Kommunikativnye issledovaniya. [Communication Studies (Russia)]. 2020. Vol. 7. no. 4. pp. 887–906. In Russian.

Sirotnina A. Yu. Spetsifika sostava molodoi terminosistemy na primere terminologii perfuziologii. [The specifics of the composition of a young terminology system on the example of perfusion terminology] – Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics] 2017. no. 4. pp. 24-34. In Russian.

Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoi ehpokhi. [Dictionary of the Russian language of the coronavirus era] Sost. KH. Val'ter, E. S. Gromenko, YU. A. Kozhevnikov, N. V. Kozlovskaya, N. A. Kozulina, S. D. Levina, V. M. Mokienko, A. S. Pavlova, M. N. Priemysheva, YU. S. Ridetskaya. / Sankt-Peterburg: Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN, [Institute for Linguistic Research RAS] 2021. – 550 p.

Blomfeldt M. Missä määrin lääketieteen termit ovat omaperäisiä? Ruotsin ja Suomen lääketieteen kielen terminologian kontrastiivista tarkastelua sekä suomen, ruotsin ja saksan kielen sanasto./ Nykysuomen (modern finska) pro gradu -tutkielma. Vaasan yliopisto, humanistinen tiedekunta, nykysuomen ja kääntämisen laitos. Vaasa. 2008. 137 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/197958849.pdf> (дата обращения: 15.07.2022)

Heikkinen V. Minne sanat menevät? // Tieteessä tapahtuu 39, no.2, 2021. – P.69

Hyvärinen R., H. Makkonen-Craig. Maskit, suojaimet ja suojukset. // Kotus, 2020

Kivelä T. Voiko lääkäreitä ymmärtää? Kielikello no 1. 2003. s. 8–10. URL: <https://www.kielikello.fi/-/voiko-laakaria-ymmartaa-> (дата обращения: 15.07.2022)

Lääketieteen termit. – V. Saano ym. (toim.), 6. painos. Kustannus Oy Duodecim, 2016, 1684 s.

Payton C., Lee J., Noguez Mercado A. P. & A. Uliasz. Language Justice During COVID-19.

Piller I. Linguistic Justice – what is it and how can it be achieved? Keynote lecture #ICML2021.

Saano V. Lääketieteen termit -sanakirjaan päivitetty satoja uusia hakusanoja. - lääketieteellinen aikakauskirja DUODECIM, 2019; 135(3):314.

Терро L. Lääketieteen sanastolautakunta. Duodecim 1984, 584 – 585. Helsinki: Duodecim-seura. Sanakirja Suomen lääkäreille. Lääketieteellinen aikakauskirja DUODECIM. 1992;108(5):445–585.

Ukkonen P. Keuhkokuume vai keuhkotulehdus? – Duodecim 133, 2017.P. 1426.

Received 19.08.2022

Bratchikova Nadezhda Stanislavovna,
Doctor of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University.
Professor, Moscow State Linguistic University MSLU,
119991, Russian Federation, Moscow, Leninskiye Gory, 1,
119034, Russian Federation, Moscow, st. Ostozhenka, 38.
e-mail: n.bratchikova@mail.ru

*А. П. Гуськова***ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКА
В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ**

Настоящая статья является продолжением ранее проведённого исследования по сопоставительному описанию частей речи в венгерском и русском языках [Гуськова 2020, 395-404]. Она посвящена исследованию служебных слов указанных языков, которые рассматриваются в системе частей речи в сопоставительном аспекте. Проблема служебных слов, как и проблема частей речи в целом, во многих языках мира по настоящее время остаётся дискуссионной. Не решена она и в современном финно-угорском языкознании, в частности, в хунгарологии, что связано в первую очередь с критериями распределения слов по классам, а следовательно с различным составом и объёмом служебных частей речи. Количество разрядов служебных слов варьируется по языкам, их семантическая составляющая также зависит от типа языка. Так, в языках с развитой морфологией, к которым относится венгерский агглютинативный и русский флективный языки, большую функциональную нагрузку несут синтетически соединённые в пределах одного слова аффиксы, являющиеся одним из главных средств выражения грамматических значений. Поскольку синтетические формы не существуют в языках в абсолютном виде, мы вправе говорить и об аналитических образованиях в сравниваемых языках, содержащих в своей структуре служебные элементы. Основная цель работы – систематизировать и описать структурные единицы, функционирующие в сравниваемых языках в качестве служебных частей речи. Необходимость подобного исследования обусловлена теоретической и практической задачами систематизации, описания структурных и функциональных особенностей служебных слов венгерского языка в сопоставлении с соответствующей лексико-семантической системой русского языка. Задача автора статьи заключалась в том, чтобы выявить в данных системах специфические особенности, контрастные черты, грамматические расхождения, а также установить способы перевода на русский язык служебных слов венгерского языка и используемые средства их выражения. Венгерский и русский языки являются неродственными языками с генеалогической и морфологической точек зрения, однако традиционное понимание их разноструктурности не исключает наличия в них универсальных общесистемных признаков, которые также учитываются в исследовании. Его актуальность связана с малоизученностью служебных классов слов, отличающихся своеобразием как в теоретическом, так и в практическом плане. В этом заключается и научная новизна работы, поскольку в настоящем исследовании впервые подвергаются подробной инвентаризации и сопоставительному анализу служебные слова венгерского языка с учётом их функционально-семантического потенциала и морфологических свойств.

Ключевые слова: артикли, знаменательные слова, послелого, разносистемные языки, служебные слова, сопоставительное исследование.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-28-38

Введение

Служебные слова, представляя собой «закрытый список», противопоставляются знаменательным словам, как лексические единицы грамматическим единицам [Васильева 1990, 472–473]. Знаменательным словам они уступают по численности, но превосходят их частотой употребления. Подобно морфемам, они не обладают самостоятельной номинативной функцией, не могут образовать предложение и лишь в отдельных случаях могут выступать в роли членов предложения. В отличие от морфем, они не входят в состав морфологической формы слова, однако могут быть частью синтаксической формы, образуя с ним единый член предложения. Таким образом, служебные слова выполняют грамматические функции синтаксического характера на уровне члена предложения, словосочетания. Служебные слова занимают промежуточное положение между грамматическими морфемами и словами. Со словами их сближает: структурная обособленность, наличие лексического значения, прочная связь со словами, от которых они происходят (напр., артикли, серийные послелого в венгерском языке), наличие форм словоизменения и словообразования (напр., лично-притяжательные формы послелогов в венгерском языке: *mellettem, melletted, mellette* и послеложные формы прилагательных: *melletti*) [см. также: Гак 2004, 106].

Употребление терминов «служебные слова», или «служебные части речи» и противопоставление их «знаменательным» словам характерно для русской грамматической традиции. В грамматиках венгерского языка, как правило, используются термины «основные части речи» и «относительные слова» и соответствующим образом выделяются категории основных частей речи и разряды относительных слов. Для знакомства с частеречными классификациями венгерского языка, содержащими систематизацию относительных слов, мы представим лишь несколько научных грамматик венгерских авторов. Рамки статьи не позволяют нам сделать этот обзор более детализированным [подробно см.: Гуськова 2020, 395–404].

По классификации академической грамматики венгерского языка, в отдельную частеречную группу под названием «относительные слова» включаются артикли, послелогои, союзы, частицы же считаются подвидом наречий [Томра 1970, I, 196–198.]. Включение относительных слов в данную группу осуществляется на основании синтаксического критерия, т. е. функции слов в предложении. Что касается союзов, то в венгерской лингвистике нет деления на союзы и союзные слова: союзами считаются единицы обоих разрядов, в отличие от русской грамматической традиции. Осложняет сопоставление фактов венгерского и русского языков при исследовании служебных частей речи и тот факт, что все частеречные классификации венгерского языка содержат больше классов слов, чем в русском языке.

Так, авторы «Венгерской грамматики» [Keszler 2000, 67–70] предлагают классификацию слов, состоящую из 19 частей речи. В её рамках выделяется три больших частеречных класса на основании трёх критериев: роли в предложении, морфологических характеристик слова, значения слова. Это следующие классы: основные части речи, относительные слова, слова-предложения. Класс относительных слов образует довольно разнообразный по составу и большой по объёму разряд слов. Относительные слова не являются членами предложения, не распространяются второстепенными членами и не изменяются (лишь за редким исключением). Они являются формальным средством соединения слов в словосочетании или предложении. Относительные слова осуществляют связь между словами, т. е. выражают отношение, отсюда возник термин «относительные слова». В классе относительных слов выделяется две группы: 1) служебные слова, используемые в качестве обязательных компонентов в составе словосочетаний или конструкций (вспомогательные глаголы, вспомогательные отглагольные имена, послелогои *mellett, alatt*, послеложные прилагательные *melletti, alatti*); 2) союзы (*és, hogy*), выражающие только отношение и соединяющие синтаксические единицы, артикли (*a, az, egy*) и отрицательные слова (*ne, nem*).

Российский хунгаролог К. Е. Майтинская, традиционно используя термины «части речи», «знаменательные части речи» и «служебные слова» / «служебные части речи», устанавливает теорию частей речи венгерского языка на основании значения слов и их структурных признаков [Майтинская 1993, 263–264]. В класс служебных частей речи она включает артикли, послелогои, частицы, союзы.

Как видно из приведённых классификаций, в венгерской грамматической науке не сложилось единого подхода к группированию класса служебных слов, а также установлению критериев их включения в тот или иной разряд. По этой причине не представляется возможным определить и точное количество лексически несамостоятельных слов венгерского языка, их состав, семантическое содержание, выполняемую функциональную нагрузку. При всём разнообразии представленных классификаций служебных слов венгерского языка попытаемся сгруппировать их, опираясь на русскую грамматическую традицию, и выделить некоторые общие морфологические, синтаксические особенности, указать на расхождения, что при проведении сопоставительного анализа позволит сблизить однородные по смыслу единицы сопоставления, принадлежащие к разным языковым уровням. В русском языке на основе общности выполняемых функций служебные слова образуют следующие классы слов: предлоги, союзы, частицы. В русском языке отсутствуют артикли и послелогои, в венгерском – предлоги; остальные части речи совпадают. Из этого сопоставления видно, что установить единую универсальную классификацию, а также абсолютную соотносительность частеречных подсистем для сравниваемых языков невозможно. Рамки настоящей статьи не позволяют нам описать и сопоставить все представленные здесь служебные части речи, остановимся лишь на артиклях и послелогоах, не свойственных русскому языку.

1. Система артиклей венгерского языка: общие сведения

Артикль в венгерском языке – отдельное служебное слово, стоящее в препозиции к имени или именной группе. Венгерский язык располагает трёхчленной системой артиклей: определённый *a(z)*,

неопределённый *egy* и морфологически невыраженный нулевой (*a gyerek – egy gyerek – gyerek*), у которых отсутствуют падежные и числовые формы. У них отсутствуют и родовые формы, так как в венгерском языке рода как грамматической категории нет. Будучи актуализатором имени, артикль указывает на то, что предметы или одушевлённые существа, обозначаемые именем существительным, воспринимаются нами как известные, определённые, или как неизвестные, неопределённые. Основная функция артикля – указание на вид референции имени и на его семантико-синтаксический статус в структуре сообщения: данное, известное – определённый артикль, новое – неопределённый артикль. Назначение артикля – создание синтаксической формы слова и возможности выступать в роли члена предложения, актуализация его в предложении. Артикли в венгерском языке выполняют и другие функции, в частности, презентативную – введение предмета в сферу повествования (неопределённый артикль), обобщающую функцию и функцию уникальности объекта (определённый артикль). Если неупотребление артикля вообще семантически равноценно употреблению неопределённого артикля, то мы вправе говорить о морфологически невыраженном нулевом артикле: (*veszek táskát / veszek egy táskát* – ‘я куплю сумку’).

Наличие оппозиции артиклей в венгерском языке подтверждает существование категории детерминации (определённости / неопределённости) имён, представляющей собой одну из главных отличительных черт венгерских существительных по сравнению с русскими. Суть данной категории состоит в том, что она транслирует степень информированности коммуникантов о предмете и охватывает всё высказывание. В целом семантика артикля может быть оценена как идентификация предмета в той или иной ситуации общения. Отсутствие исходной информации о предмете передаётся с помощью неопределённого артикля, а наличие такой информации свидетельствует об отношениях, известных говорящим, и поэтому передаваемых с помощью определённого артикля.

Добавим, что в обоих случаях артикли выполняют определительную функцию, представляя предметы как известные или неизвестные участникам коммуникативного процесса. Не все венгерские грамматисты признают детерминацию как грамматическую категорию, несмотря на то, что она систематически выражается специальным служебным словом – артиклем. При передаче смысловых противопоставлений, на которые указывают артикли, значение определённости / неопределённости может быть выражено в русском языке грамматическими средствами: порядком слов, использованием соответствующего падежа, лексическими средствами – местоимениями, прилагательными. Определённость венгерского существительного выражается в русском языке особым порядком слов – препозицией подлежащего относительно сказуемого, употреблением винительного падежа, местоимениями *этот, тот*, прилагательными *данный, настоящий указанный* и т. п. в качестве определения. Неопределённость венгерского существительного передаётся в русском языке постпозицией подлежащего относительно сказуемого, использованием родительного падежа, местоимениями: *один, некий, какой-то, какой-нибудь, кое-какой, чей-то, некоторый*, прилагательными: *неизвестный, неопределённый* и т. п. в качестве определения [см. также: Гуськова 2012, 204].

Отметим, что значения определённости / неопределённости находятся в тесной связи с коммуникативной нагрузкой членов предложения, что свойственно и русскому языку. По этой причине целесообразно анализировать использование артикля в венгерском языке именно в сопоставительном плане. Это поможет лучше понять суть данного явления, выявить закономерности употребления артиклей, а также поднять вопросы общетеоретического характера: следует ли считать детерминацию имён грамматической категорией или же квалифицировать артикли только как служебные слова, подчёркивающие лексические значения имён; каково значение определённости / неопределённости имён и др. Проблема артиклей, изучаемая в сопоставительном плане, кроме теоретической значимости имеет и большое практическое значение. Правила употребления артиклей, приводимые в грамматиках венгерского языка, трудно усваиваются. Это объясняется малоизученностью вопроса о семантике артиклей, природе категории детерминации и пр. Например, сфера употребления неопределённого артикля в венгерском языке уже сферы употребления неопределённого артикля в ряде других языков. Дело в том, что в речи неопределённый артикль часто опускается, поэтому объяснение и изложение правил его употребления как относительно категории неопределённости, так и в его вторичной функции требует от авторов учебных пособий больших усилий. Это относится и к использованию определённого артикля. Речь идёт о том, что историческая связь неопределённого и определённого артиклей в венгерском языке с числительным *egy* – ‘один, одна, одно’ и указательным местоимением *az* – ‘тот, та’ расширяет сферу их употребления за счёт расчленённой семантики. Значение качественной и количественной неопределён-

ности артикля *egy* и значение указательности определённого артикля *a(z)* относятся к их вторичным значениям и образуют круг неосновных семантических функций. В данной работе остановимся на функционально-семантическом описании венгерских артиклей в их первичных значениях. Проблеме функционирования артиклей, обусловленного их этимологией, мы посвятим наше следующее исследование.

2. Использование артиклей венгерского языка, обусловленное семантикой имени. Способы передачи на русский язык

Неопределённый артикль

Неопределённый артикль *egy* в выделительной функции указывает на предмет, незнакомый и неизвестный коммуникантам. Он может выражаться как именем существительным, так и другой частью речи. В предложении слово, которое следует за неопределённым артиклем, может быть любым его членом: *Beszélgjete meg egy találkózót!* (дополнение) – ‘Договоритесь о встрече’. *Egy diák így nem viselkedhet* – ‘Студент так не может себя вести’ (подлежащее). В венгерском языке неопределённый артикль с дополнением употребляется чаще, чем с подлежащим. Обязателен неопределённый артикль в обстоятельственных оборотах, если в начале предложения стоит логически ударное сказуемое: *Elhozott egy pizzát* – ‘Он принёс пиццу’. Значение неизвестности предмета усиливается определением, которое находится в препозиции к определяемому слову: *Adj egy jó tollat!* – ‘Дай мне хорошую ручку’.

Кроме неизвестности предмета неопределённый артикль *egy* может обозначать также неизвестность признака предмета в конструкциях, где существительное выступает в функции предиката: *Anyám egy tanárnő* – ‘Моя мама учительница’. Если перед существительным-предикатом употребляется определение, усиливающее значение неизвестности признака, то неопределённый артикль в таких сочетаниях, взаимодействуя с определением, является обязательным элементом: *Anyám egy jó tanárnő* – ‘Моя мама хорошая учительница’. Как показывают примеры, значение неизвестности, «невыделенности» предмета или его признака, выражаемое артиклем *egy* и не подчёркнутое логическим ударением, в русском языке не передаётся.

Если же неопределённый артикль *egy* выделяется по смыслу логическим ударением, то на русский язык он переводится всегда, и, как правило, неопределёнными местоимениями: *какой-то, какой-нибудь, какой-либо, некий, чей-то, некоторый*, прилагательным *неизвестный* и т. п.: *Ideje, hogy szülessen egy döntés* – ‘Пора принимать *какое-то (какое-нибудь)* решение’.

Ранее нами отмечалось, что для выражения значений, передаваемых венгерскими служебными словами, в русских переводах используются элементы разных языковых уровней. Так, значения неопределённости артикля *egy* на русский язык могут передаваться порядком слов – постпозицией дополнения по отношению к глаголу. При этом русские соответствия венгерским существительным с неопределённым артиклем *egy* ставятся в конец фразы: *Egy új kocsit vettünk* – ‘Мы купили новую машину’. Неопределённость венгерского существительного в русском языке может быть выражена и родительным падежом (в отличие от винительного падежа, выражающего определённость существительного): *Egy tanácsot kért a szüleitől* – ‘Она попросила у родителей совета’.

В некоторых свободных словосочетаниях артикль *egy* перед словами разных частей речи, обозначающими количество, отрезок времени, неопределённую меру и т. п., усиливает количественную неопределённость этих величин: *Egy darabig dolgozott* – ‘*Некоторое* время он работал’. В русском языке в подобных ситуациях аналогами выступают существительные *куча, масса, множество* и пр., а также неопределённые числительные, наречия и др.: *egy kevés (liszt)* – ‘немного (муки)’, *egy halom (újság)* – ‘куча (газет)’, *egy csomó (pénz)* – ‘куча (денег)’, *egy kissé (elkéstem)* – ‘немного (опоздал)’, *egy kevésbé (tapasztalt)* – ‘недостаточно (опытный)’.

Нестандартное, т. н. несессивное, употребление неопределённого артикля *egy* перед именами с лично-притяжательными окончаниями вызывает большой теоретический и практический интерес. Дело в том, что значение притяжательности / обладания находится в противоречии с основным значением неопределённости / неизвестности, выражаемым артиклем *egy*. В данных конструкциях десемантизированный артикль *egy* выделяет объект лишь как принадлежащий к классу аналогичных (‘один из них’). Соответствиями венгерским словоформам в русском языке всегда являются атрибутивные словосочетания с числительным *один* в функции неопределённого местоимения: *Van számodra egy meglepetésem* – ‘У меня для тебя *один* сюрприз’. *Van egy jó javaslatom* – ‘У меня есть *одно* хорошее предложение’.

Определённый артикль

Основное назначение определённого артикля, мотивированное семантикой определённости имени, – указывать на известный предмет, выделенный из класса подобных. Он выполняет функцию отношения к действительности вне текста и анафорическую функцию в тексте, являясь средством включения слова или группы слов в структуру предложения. Значение определённости имени, выраженное артиклем $a(z)$, в русском языке из-за отсутствия соответствующего частеречного коррелята не передаётся. Однако в речи мы часто встречаемся со смысловым выделением определённости венгерского имени существительного, перед которым находится определённый артикль [о функциях определённого артикля см. также: Муковская 2005, 36–42]. Если артикль $a(z)$ выражает значение определённости, выделяемое по смыслу логическим ударением, то на русский язык он переводится, как правило, при помощи слов: *этот, тот, весь, данный, настоящий, указанный* и пр. Определённый артикль, указывая на известный слушающему предмет, требует обязательной передачи на русский язык. Несмотря на однозначность контекста, определённый артикль должен иметь лексические соответствия в русском языке в целях соблюдения точности перевода: *Legyen szíves, csukja be az ablakot!* – ‘Пожалуйста, закройте это окно’.

В русском языке определённая венгерского существительного может быть передана также обратным порядком слов: русский эквивалент венгерского имени с артиклем $a(z)$, стоящего в конце предложения, ставится в его начало. Изменением нейтрального порядка слов достигается большая выразительность и смысловое выделение имени, подчёркивается значение определённости предмета: *Munka után édes a pihenés* – ‘Отдых сладок после работы’.

Логически выделенное имя, перед которым стоит определённый артикль $a(z)$, в русском языке может быть передано винительным падежом, а также неопределённой формой глагола, благодаря чему происходит ещё большее смысловое подчёркивание определённости имени: *A kompenzációt követeli* – ‘Он требует *компенсацию*’. Сравните с вышеприведённым употреблением родительного падежа имени существительного, выражающего неопределённость предмета.

Как и в некоторых других языках, в венгерском значение артикля взаимосвязано со значением имени существительного. Семантика имени позволяет служебному слову выполнять как семантические, так и синтаксические функции. Отсюда следует, что в венгерском языке определённый артикль как средство выражения определённости может быть связан с коммуникативной задачей членов предложения и средствами её выражения. Заметим, что при абстрактных существительных и существительных, обозначающих уникальные, единственные в своём роде предметы, определённый артикль выполняет только синтаксическую функцию. Выступая как показатель синтаксической актуализации, определённый артикль не может являться показателем определённости предмета, так как единственный в своём роде предмет и так уже считается определённым: *a Vénusz* – ‘Венера’, *a Tejút* – ‘Млечный путь’. Употребление определённого артикля с именами собственными происходит по правилам, которые не требуют актуализации имён, решения коммуникативных задач и пр.: при именах собственных определённый артикль выступает как десемантизированный элемент: *a Gellért-hegy* – ‘гора Геллерт’, *a Fekete-tenger* – ‘Чёрное море’. В русском языке значение ‘уникальность’, ‘неповторимость’, в большинстве случаев передаётся лексическими средствами – использованием синонимов, метафоры как вида вторичной номинации: *Az ember tervezt, az Isten végez* – ‘Человек предполагает, а Бог (Всевышний) располагает’. С другими лексико-грамматическими разрядами существительных, например, именами, имеющими обобщающее значение, значение совокупного множества, однородности, нерасчленённости, определённый артикль выполняет одновременно две функции: синтаксическую и семантическую, приобретая подчёркнутую определённую в своём первичном значении. В русском языке это значение, как правило, передаётся грамматической категорией – употреблением множественного числа имени существительного: *a hallgatóság* (ед. ч.) – ‘слушатели’, *az árverés* (ед. ч.) – ‘торги’.

Определённый артикль, оформляя имена существительные, обозначающие неисчисляемые однородные предметы в форме множественного числа, получает подчёркнутую определённую, которая совмещается со значением ‘множественность предметов’. Сюда относятся слова, выражающие нерасчленённую множественность типа *iratok* – ‘документы’, *papírok* – ‘бумаги’, *írások* – ‘сочинения’ и т. д. Подобные имена образуют оппозицию лишь с безартиклевой формой множественного числа (*az iratok* – *iratok*). В русском языке к эквивалентам таких употреблений артикля чаще других слов добавляются прилагательные: *данные, указанные, упомянутые, названные, настоящие* и пр.: *az írások* – ‘упомянутые сочинения’.

Определённый артикль может усиливать смысловую определённую и субстантивированных слов, перешедших в разряд существительных. Наличие артикля перед субстантивированным словом является подтверждающим свидетельством категориального перехода: *Jóból is megárt a sok* – ‘Хорошенького понемножку’ [Гуськова 2012, 54-62].

Посессивное употребление определённого артикля перед именами с лично-притяжательными окончаниями в современном венгерском языке указывает на то, что существительное выполняет соответствующую грамматическую функцию, поэтому требует использования определённого артикля, фактически выступающего как показатель синтаксической актуализации. В притяжательных словосочетаниях, в которых артикль *a(z)*, стоит перед именами или местоимениями, усиливая определённую обладателя, его использование обязательно: *A szomszéd rétje mindig zöldebb* – ‘Луг соседя всегда зеленее’. *Hol van az (én) óráim?* – ‘Где мои часы?’ В русском переводе эквивалентами выражения притяжательности / обладания в венгерских словосочетаниях являются притяжательные местоимения: *мой, твой, его, её* и т. д., а также существительные в родительном падеже, обозначающие обладателя чего-либо.

Артикль *a(z)* используется также в притяжательных словосочетаниях, в которых имеется обладатель-определение, оформленный окончанием датива *-nak /-nek*. В них и перед обладателем, и перед обладаемым обязательно появляется определённый артикль: *Elszakadt a hajónak a vitorlája* – ‘Порвался парус судна’. Русскими эквивалентами выражения притяжательности / обладания с помощью полного притяжательного словосочетания выступают конструкции с существительным в форме родительного падежа, которое является обладателем чего-либо.

Обязателен определённый артикль и в притяжательных конструкциях перед лично-оформленным обладаемым-существительным, значение которого подчёркивается определённым артиклем. Существительное-обладаемое, выступающее в подобных предложениях в функции подлежащего, находится в постпозиции к сказуемому: *Nem volt nekem a jó kedvem* – ‘Не было у меня хорошего настроения’. В русском языке словосочетание с существительным в форме родительного падежа, являющееся обладаемым, стоит в конце предложения. Чаще всего русскими соответствиями венгерским притяжательным формам являются подходящие по смыслу существительные в составе конструкций типа *У меня много планов*.

3. Система послелогов венгерского языка. Способы передачи на русский язык

Послелогов в венгерском языке – часть речи, соответствующая по значению и функционально русским предлогам, и в отличие от них всегда находящаяся в постпозиции. К. Е. Майтинская по отношению к послелогам и предлогам использует термин «релятивные слова» [Майтинская 1982, 9]. Послелогов – разряд служебных слов, выражающих различные отношения между главными и зависимыми членами словосочетания и осуществляющих подчинительную синтаксическую связь внутри словосочетания и предложения. Послелогов не имеют ни общеграмматического значения, ни грамматических категорий. Являясь лишь средством выражения синтаксической связи, послелог не может использоваться в качестве самостоятельного члена предложения, а только совместно с тем именем, с которым он образует единую конструкцию. Иными словами, послелогов служат для соединения имён с другими словами предложения или словосочетания. Их формы с лично-притяжательными показателями, согласно концепции авторов академической грамматики венгерского языка, входят в систему форм личных местоимений или, в соответствии с классификацией авторов однотомной грамматики венгерского языка, – в систему форм наречий [Томра, I., 284–285; Vencédy и др., 59].

Целый ряд языковедов считает возможным отнесение послелогов к системе именного склонения и рассмотрение послеложной конструкции как составляющей этой системы, наряду с аффиксальным способом выражения падежей [см., например: Яхонтов 1978, 102–107]. Послелогов включаются в систему склонения при условии, что они дополняют падежную систему, выражая отношения, которые отсутствуют у аффиксально выраженных падежей. Это усиливает правомерность включения послелогов как служебных единиц в систему склонения имён. Разделяя точку зрения многих лингвистов о существовании аналитических падежей, подчеркнём, что венгерскому языку свойственно два основных способа выражения падежных отношений: 1) синтетический (с помощью различных аффиксов в составе той или иной словоформы); 2) аналитический (с помощью послелогов). Таким образом, мы можем говорить о так называемых аналитических падежах в венгерском языке, в подсистеме которых падежной формой считается сочетание существительного с послелогом, и синтетических падежах, образующих аффиксально-словоизменительную подсистему склонения. В предложении послеложное со-

четание *знаменательное слово* + *послелог* и аффиксальная словоформа выполняют одинаковую функцию обстоятельств: *föld alatt* – ‘под землёй’, *földön* – ‘на земле’; *óra után* – ‘после занятий’, *órán* – ‘на занятиях’. Повторим, что статус члена предложения послелог получает лишь во взаимодействии со знаменательным словом.

Венгерские послелоговые конструкции связаны с именем с помощью управления, требуя его постановки в определённом падеже, или примыкания к имени в его исходной номинативной форме. Послелоговые конструкции выражают пространственные и временные отношения, а также значения цели, причины, следствия, образа действия, совместности и т. п. Поскольку состав послелоговых конструкций многообразен, К. Е. Майтинская предлагает систематизировать их по следующим параметрам: 1) синтаксическим особенностям; 2) происхождению от слов других категорий; 3) структуре. Рассмотрение послелоговых конструкций с учётом данных критериев позволяет выделить те основные признаки релятивных слов в финно-угорских языках, по которым они отличаются от подобных единиц в других языках [Майтинская 1982, 14]. Учитывая сопоставительный характер нашего исследования, представляется целесообразным классифицировать венгерские послелоговые конструкции по типу управления формами имён. Что касается семантического группирования послелоговых конструкций, то значения разных групп релятивных слов в венгерском и русском языках в целом совпадают. Мы лишь укажем на основные из них, которые вычленились в грамматиках венгерского языка. Сравним венгерские послелоговые конструкции, выражающие 1) пространственные отношения (*előtt* – ‘перед’); 2) временные отношения (*után* – ‘после’); 3) причину и цель (*miatt* – ‘из-за’); 4) образ действия (*nélkül* – ‘без’); 5) замещение (*helyett* – ‘вместо’) в рамках двух больших групп послелоговых конструкций: серийных и несерийных.

Серийные послелоговые конструкции образованы от одного слова, т. е. объединены одним корневым элементом, но содержат форманты, которые восходят к разным падежам. Речь идёт о послелоговых конструкциях с пространственным значением, выражающих тройственность направления и отвечающих на вопросы где? куда? откуда? В эту группу входят самые ранние по происхождению венгерские послелоговые конструкции: *alatt* – ‘под’, *előtt* – ‘перед’, *mellett* – ‘около’, ‘рядом’, *között* – ‘между’, ‘среди’, *fölött* – ‘над’. Большая серия пространственных венгерских послелоговых конструкций в венгерском языке состоит из трёх главных членов, но есть и двучленная серия: *körül* (где?), *köré* (куда?); *felől* (откуда?), *felé* (куда?). Все они, независимо от передаваемого ими направления в пространстве, связаны только с номинативной формой имени в послелоговом словосочетании. Для русского же языка характерно управление предлогов косвенными падежными формами: *folyo mellett* – ‘около реки’, *emberek közé* – ‘к людям’, ‘в народ’.

Разряд венгерских послелоговых конструкций, управляющих номинативом, куда входят несерийные венгерские послелоговые конструкции, является преобладающим в венгерском языке. Сюда относятся не только венгерские послелоговые конструкции пространственного значения, но и релятивные слова всех перечисленных выше семантических групп (например, *iránt* – ‘по отношению к кому / чему’, *ellen* – ‘против кого / чего’, *által* – ‘благодаря кому / чему’, ‘посредством чего’, *nélkül* – ‘без кого / чего’, *szerint* – ‘по чему’, ‘согласно кому / чему’, *helyett* – ‘вместо кого / чего’): *órarend szerint* – ‘по расписанию’; *kivétel nélkül* – ‘без исключения’; *könyv helyett* – ‘вместо книги’. Особенностью несерийных венгерских конструкций является то, что они образуют послелоговое сочетание по типу примыкания. Исследованный материал позволяет нам сделать вывод о многочисленности венгерских послелоговых конструкций с номинативной формой имени в венгерском языке. На русский язык венгерские номинативные послелоговые сочетания передаются формами косвенных падежей.

Однако наряду с данной моделью венгерских послелоговых конструкций имеются и другие модели связи, при которой венгерские послелоговые конструкции управляют косвенными падежами имени: суперессивом, социативом, адессивом, аблативом, аллативом и сублативом. Они также не образуют серии. Венгерская послелоговая конструкция строится по схеме: *знаменательное слово (падежная форма) + послелог*. Рассмотрим сочетания, в которых венгерские послелоговые конструкции управляют косвенными падежными формами имени, и попытаемся установить соответствующие эквиваленты в русском языке. Самой многочисленной из вышеуказанных является суперессивная группа: это венгерские послелоговые конструкции *alul* – ‘ниже чего’, *felül* – ‘выше чего’, *kivül* – ‘кроме кого / чего’, ‘за пределами чего’, *belül* – ‘в пределах чего’, *innen* – ‘по эту сторону чего’, *túl* – ‘по ту сторону чего’, *át* – ‘через что’, *keresztül* – ‘сквозь что’, *végig* – ‘вдоль чего’ и др. (например, *a város határán belül* – ‘в черте города’; *áron alul* – ‘ниже стоимости’). Примеры представляют суперессивную форму именного компонента словосочетания с суффиксом *-n*, которая и свойственна ему в соединении с венгерским послелогом. Немногочисленна, но своеобразна с точки зрения происхождения группа с социативом, в которой имя, находящееся в позиции перед венгерскими послелоговыми конструкциями *szemben*, *együtt*, оформляется падежным суффиксом *-val / -vel* – ‘с кем / чем’: *ezzel együtt* – ‘наряду с этим’; *egymással szemben* – ‘друг против друга’ и группа с аблативом, в которой имя перед венгерскими послелоговыми конструкциями *fogva*, *kezdve* присоединяет падежный суффикс *-tól / -től* ‘от кого / чего’: *mától kezdve fogva* – ‘начиная с сегодняшнего дня’. Сюда же относится сублативный

послелог *nézve* с падежным суффиксом *-ra / -re* – ‘относительно чего’, ‘по чему’: *foglalkozására nézve* – ‘по профессии он...’. Из довольно прозрачного морфемного состава послелогов *fogva, kezdve, nézve* вычленяется их этимологическая глагольная основа, по этой причине такие релятивные слова называются отглагольными, в противоположность отымённым послелогам. Примеры показывают, что эквивалентами в русском языке являются имена, употреблённые в косвенных падежах, различающихся между собой даже в пределах одного разряда послелогов. Заметим, что в русском языке также имеются предлоги отглагольного происхождения, восходящие к деепричастиям: *благодаря, спустя, начиная* [Майтинская 1982, 45].

Опираясь на перечень приведённых здесь послелогов, видим, что их морфемный состав весьма разнообразен, прозрачен и связан с их происхождением. Так, в составе послелогов вычленяются форманты, восходящие к падежным суффиксам, лично-притяжательным окончаниям, к основам имён и пр. Большая часть послелогов возникла в результате грамматикализации знаменательных слов, переосмысления их отдельных словоформ. Некоторые из них сохранили лексическое значение основы, от которой были образованы. Однако рамки данной статьи не позволяют нам подробно осветить этот вопрос. Приведём лишь один яркий пример для наглядной иллюстрации. В венгерском языке имеются послелог *rész-é-re* – ‘для кого’, *szám-á-ra* – ‘для кого’, сохранившие в своём составе лично-притяжательные суффиксы 3-го лица: *az ön részére / az ön számára* – ‘для вас’. В современном венгерском языке они как послелог представляют собой застывшие образования, поэтому им не свойственно изменение по притяжательным формам, однако как местоимённые формы употребляются во всех лицах и числах: *részemre* – ‘для меня’, *részünkre* – ‘для нас’ и т. д.

Довольно большая часть венгерских послелогов участвует в процессах словоизменения: принимает лично-притяжательные окончания во всех лицах и числах, образуя тем самым систему склонения с полной парадигмой (авторы учебно-методического пособия «Послелог и предлог» считают их не послелогам, а послеложными формами личных местоимений [Колпакова и др. 2007, 3]). Созданные таким путём словоформы на русский язык передаются лексическими средствами: падежными формами личных местоимений с соответствующим предлогом: *mögöttem* – ‘за мной’, *mögötted* – ‘за тобой’, *mögötte* – ‘за ним’ и т. д.; *elém* (направление движения) – ‘передо мной’, *elé* (направление движения) – ‘перед тобой’ и т. д. Лично-притяжательные окончания, помимо серийных послелогов пространственного значения, принимают и релятивные слова других семантических групп из числа несерийных: *miattam* – ‘из-за меня’, *miattad* – ‘из-за тебя’, *miatta* – ‘из-за него’ и т. д.; *helyettem* – ‘вместо меня’, *helyetted* – ‘вместо тебя’, *helyette* – ‘вместо него’ и т. д. В предложении послеложные словоформы, снабжённые лично-притяжательными формантами в составе послелога, употребляются самостоятельно и таким образом не связаны конструктивно постпозицией со знаменательным словом.

В венгерском языке послелог способен образовывать прилагательные при помощи словообразовательного суффикса *-i*, который присоединяется непосредственно к основе релятивных слов: *mellett-i, után-i, előtt-i, nélkül-i* и т. п. Суффикс прилагательного *-i* могут присоединять более ранние по происхождению послелог как пространственной, так и непространственной семантики: *mögött* – ‘позади’, *felül* – ‘сверху’; *nélkül* – ‘без’, *ellen* – ‘против’, *iránt* – ‘по отношению к кому / чему’. Словообразовательный процесс, в котором участвуют послелог, ограничивается использованием только одного продуктивного суффикса *-i*, имеющего значение ‘относящийся к чему-либо’. Вновь созданная морфологическая структура производного слова сохраняет суффиксальное значение. Различие между послелогом и образованным послеложным прилагательным заключается в том, что в предложении оно становится согласованным определением: *az épületünk előtti téren* – ‘на площади перед нашим зданием / на площади, находящейся перед нашим зданием’; *az órák közötti szünetben* – ‘в перерыве между занятиями’; *a fejfájás elleni szer* – ‘средство от головной боли’; *a garázs fölötti szoba* – ‘комната над гаражом / комната, находящаяся над гаражом’. В венгерской послеложной конструкции определение всегда предшествует определяемому слову, в отличие от русского аналога – сочетания с несогласованным определением, в котором определение находится в постпозиции к определяемому слову и связано с ним посредством управления или примыкания. В русской конструкции с несогласованным определением, как правило, выступают имена существительные в формах косвенных падежей с предлогами и без них. Существует и второй способ передачи на русский язык венгерских послеложных конструкций – посредством причастных оборотов.

4. Заключение

Несмотря на то, что вопрос о схематизации служебных слов в венгерской грамматической науке не решён и нуждается в дальнейшем уточнении, исследованные нами структурные единицы были рассмотрены как самостоятельные лексико-грамматические категории в системе частей речи на основе морфологических, синтаксических и семантических критериев.

Использованные в работе методы исследования позволили определить функционально-семантический потенциал служебных слов венгерского языка и установить их эквиваленты в русском языке – содержательные, структурные, синтагматические, независимо от характера генетических отношений между сравниваемыми языками. Хотя венгерский и русский языки не находятся в отношениях взаимно-обратимости, системное сравнение категорий служебных слов венгерского языка показывает, что они сопоставимы с морфологическими, лексическими и синтаксическими явлениями русского языка на разных языковых уровнях. Контрастивное описание артиклей и послелогов, отсутствующих в частеречной системе русского языка, проводилось главным образом как идущее от семантики, определённого смысла названных единиц. Очевидно, что определённые значения не получают в русском языке явного формального выражения, тем не менее сопоставительный метод позволил нам выявить не только разнообразие средств выражения различных значений, но и характер такого разнообразия.

Поскольку синтетические формы не существуют в языках в абсолютном виде, в настоящем исследовании мы вправе были говорить об аналитических образованиях в сравниваемых языках, содержащих в своей структуре служебные элементы. В целом, речь шла об оппозиции синтетических морфологических форм, в которых основа неразрывно связана с формантами, и аналитических сочетаний, в которых при морфологической неизменяемости слова грамматическое значение выражается в его соединении со служебными словами. В аналитических конструкциях, расчленённо обозначающих единый член предложения, семантико-грамматические функции служебных слов богаче, чем в синтетических формах, так как они принимают на себя функциональную нагрузку. В этой связи автор статьи ставит вопрос о правомерности включения послелогов венгерского языка в систему склонения имён на том основании, что они конкретизируют, дополняют и уточняют отношения, выражаемые аффиксальным способом.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильева Н. В.* Служебные слова // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
- Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. М.: Изд-во Добросвет, 2004. 862 с.
- Гуськова А. П.* К вопросу о сопоставительном изучении частей речи в венгерском и русском языках // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. Вып. 3. С. 395–404.
- Гуськова А. П.* Сопоставительная грамматика венгерского и русского языков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. 270 с.
- Дэжэ Л.* Типологическая характеристика русской грамматики в сопоставлении с венгерской. Будапешт: Изд-во Танкёньвикиадо, 1984. 264 с.
- Колтакова Н. Н., Загорина С. П., Галахова Л. Я.* Система средств выражения пространственных и временных отношений в венгерском и финском языках. III. Послелого и предлоги. Учебно-методическое пособие. СПб., 2007. 27 с.
- Майтинская К. Е.* Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Изд-во Наука, 1982. 186 с.
- Майтинская К. Е.* Венгерский язык // Языки мира. Уральские языки. М.: Изд-во Наука, 1993. 400 с.
- Муковская Л. Ю.* Функции определенного артикля в современном венгерском языке // XXXIV Международная филологическая конференция. Вып. 15. Уралистика. Ч. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 49 с.
- Яхонтов С. Е.* Классы глаголов и падежное оформление актантов // Проблемы теории грамматического залога. Л.: Изд-во Наука, 1978. 288 с.
- Bencédy J. – Fábíán P. – Rácz E. – Velcsov Mártonné.* A mai magyar nyelv. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 1991. 551 old.
- Keszler B. (szerk.).* Magyar Grammatika. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 2000. 750 old.
- Tompa J. (szerk.)* A mai magyar nyelv rendszere. Leíró nyelvtan. I. Budapest: Akadémiai kiadó, 1970. 509 old.

Поступила в редакцию 08.08.2022

Гуськова Антонина Петровна,
кандидат филологических наук, доцент,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1
e-mail: guskova_ant@mail.ru

A. P. Guskova

FUNCTIONAL AND SEMANTIC POTENTIAL OF HUNGARIAN FUNCTION WORDS IN THE COMPARATIVE STUDIES

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-28-38

This article is a continuation of the earlier comparative studies of parts of speech in Hungarian and Russian [Guskova 2020, 395-404]. The problem of function words, as well as the problem of parts of speech in general, remains controversial in many languages of the world to this day. It has not been solved in modern Finno-Ugric linguistics either, in Hungary, in particular, mostly because of the distribution criteria dividing words by classes, and therefore because of the different composition and volume of the functional parts of speech. The number of function words classes varies by language, their semantics also depends on the language type. Thus, in languages with a developed morphology, which include the Hungarian (agglutinative) and Russian (inflectional) languages, affixes, which are synthetically connected within one word, carry a large functional load, which are one of the main means of expressing grammatical meanings. Since synthetic forms do not exist in languages in an absolute form, we have the right to speak about analytical formations in the compared languages that contain function units. In general, we are talking about the opposition of synthetic morphological forms, in which the basis is inextricably associated with formants, and analytical combinations, in which, with the morphological invariability of the word, the grammatical meaning is expressed in its connection with function words. Speaking about analytical constructions where different words refer to one part of a sentence, the function words there have richer semantic and grammatical functions than in synthetic forms, since function words take on a functional role. In this regard, the question arises whether we could include Hungarian postpositions in the system of name declension as they concretize, supplement and clarify the relations expressed in an affixal way.

The article is devoted to the study of the function words of the Hungarian and Russian languages, which are examined in a comparative aspect in the system of parts of speech. The main purpose of the work is to systematize and describe the structural units functioning in the compared languages as function parts of speech. The relevance of such a study has something to do with the theoretical and practical tasks of systematization, description of the structural and functional features of the function words of Hungarian in comparison with the corresponding lexical and semantic system of Russian. The author of the article tries to identify specific features, contrasting features, grammatical discrepancies in these systems. Hungarian and Russian are unrelated languages from a genealogical and morphological point of view, however, the traditional understanding of their different structures does not exclude the presence of universal system features in them, which are also taken into account in the study. Its relevance is associated with the poorly studied function classes of words different both in theoretical and practical aspects. The scientific novelty of the research lies in the fact that in this study, for the first time, Hungarian function words inventory has been made as well as comparative analysis of Hungarian function words, taking into account their functional and semantic potential and morphological characteristics.

Keywords: articles, content words, postpositions, languages of different systems, function words, comparative study.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 1, pp. 28-38. In Russian.

REFERENCES

- Vasilyeva N. V.** *Sluzhebnyye slova* [Function words]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1990. 685 p. In Russian.
- Gak V. G.** *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Theoretical Grammar of the French Language]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2004. 862 p. In Russian.
- Guskova A. P.** *Sopostavitel'naya grammatika vengerskogo i russkogo yazykov* [Comparative Grammar of Hungarian and Russian]. Moscow, Moscow University Publ., 2012. 270 p. In Russian.
- Guskova A. P.** *K voprosu o sopostavitel'nom izuchenii chastey rechi v vengerskom i russkom yazykakh* [On the question of the comparative study of parts of speech in the Hungarian and Russian languages]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2020. Vol. 14. Issue. 3. P. 395-404. In Russian.
- Dezső L.** *Tipologicheskaya kharakteristika russkoy grammatiki v sopostavlenii s vengerskoy* [Typological Characteristics of Russian Grammar Comparing with Hungarian]. Budapest, 1988. 264 p. In Russian.

Kolpakova N. N., Zakorina S. P., Galakhova L. Ya. *Sistema sredstv vyrazheniya prostranstvennykh i vremennykh otnosheniy v vengerskom i finskom yazykakh. III. Poslelogi i predlogi* [The system of means of expressing spatial and temporal relations in the Hungarian and Finnish languages. III. Postpositions and prepositions]. St. Petersburg University Publ., 2007. 27 p. In Russian.

Maytinskaya K. E. *Sluzhebnyye slova v finno-ugorskikh yazykakh* [Functional words in the Finno-Ugric languages]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 186 p. In Russian.

Maytinskaya K. E. *Vengerskiy yazyk* [The Hungarian language]. *Yazyki mira. Ural'skiye yazyki* [Languages of the world. Uralic languages], Moscow, Nauka Publ., 1993. 400 p. In Russian.

Mukovskaya L. Yu. *Funktsii opredelonnogo artiklya v sovremennom vengerskom yazyke* [Functions of the definite article in the modern Hungarian language]. *XXXIV Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya* [XXXIV International Philological Conference]. Issue. 15. Uralistics. Part 1. St. Petersburg University Publ., 2005. 49 p. In Russian.

Yakhontov S. E. *Klassy glagolov i padezhnoye oformleniye aktantov* [Classes of verbs and case registration of actants]. *Problemy teorii grammaticheskogo zaloga* [Problems of the theory of grammatical voice]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 288 p. In Russian.

Bencédy J. – Fábíán P. – Rácz E. – Velcsov Mártonné. *A mai magyar nyelv* [The modern Hungarian Language]. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 1991. 551 p. In Hungarian.

Keszler B. (editor). *Magyar Grammatika* [Hungarian Grammar]. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 2000. 750 p. In Hungarian.

Tompa J. (editor). *A mai magyar nyelv rendszere. Leiró nyelvtan* [Modern System of the Hungarian Language. Descriptive Grammar]. Budapest: Akadémiai kiadó, 1970. I. 509 p. In Hungarian.

Received 08.08.2022

Guskova Antonina Petrovna,
Candidate of Philology, Associate Professor
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
e-mail: guskova_ant@mail.ru

А. Н. Закирова

ЧАСТИЦА =ОК В ЯЗЫКАХ ПОВОЛЖЬЯ:
ИСТОРИЯ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Статья посвящена истории одного грамматического заимствования в языках Поволжья, а именно частицы *=ok, которая из чувашского языка распространилась в контактирующие с ним финно-угорские языки – горномарийский, луговой марийский и удмуртский. Сначала кратко перечисляются возможные употребления этой частицы: в контекстах тождественности референта, эмфатические, скалярные, а также лексикализованные и плеонастические употребления, в которых семантический вклад частицы остается неясным. Так как к моменту появления первых марийских и удмуртских письменных памятников процесс заимствования частиц =ak / =ok и =ik уже был завершен, он был реконструирован по косвенным данным. Для этого была рассмотрена литература по сравнительно-исторической тюркологии и финно-угроведению, а также синхронные грамматики финно-угорских и тюркских языков. Кроме того, были использованы данные, полученные автором в поле. Для большинства языков Поволжья приводятся примеры из нескольких диалектов. С опорой на фонетические процессы, произошедшие с исследуемой частицей, и на периодизацию контактов между языками Поволжья предлагается следующая реконструкция процесса заимствования. Частица *=ok была унаследована из пратюркского языка кыпчакскими и болгарскими диалектами. Затем, когда начались интенсивные марийско-чувашские контакты, в XIII–XV вв. частица оказалась заимствована в некоторые марийские диалекты в виде =ok, а в некоторые – при более позднем заимствовании — в виде =ak. Хронологически позднее частица *=ok также была заимствована в удмуртский язык, где её разные сингармонические варианты дали начало двум разным морфемам – суффиксу -ak и частице =ik.

Ключевые слова: поволжский языковой союз, грамматические заимствования, языковые контакты, фокусные частицы, финно-угорские языки, горномарийский язык, луговой марийский язык, удмуртский язык, тюркские языки, чувашский язык, татарский язык, башкирский язык, древнетюркский язык, чагатайский язык, поволжские тюрки.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-39-51

1 Введение

В литературе по тюркологии и финно-угроведению отмечаются давние и интенсивные контакты между тюркскими и финно-угорскими языками Поволжья. В частности, в работах [Серебрянников 1960, Johanson 2000, Helinski 2003, Agyagási 2012] обосновывается существование языкового союза, включающего следующие языки: чувашский (булгарские < тюркские), татарский и башкирский (севернокыпчакские < кыпчакские < тюркские), луговой марийский и горномарийский (марийские < финно-пермские < уральские¹), удмуртский (пермские < финно-пермские < уральские). К более «периферийным» языкам ареала относятся мордовские (финно-пермские < уральские) и коми (пермские < финно-пермские < уральские).

В финно-угорских языках ареала немало заимствованных служебных морфем – аффиксов и клитик [Федотов 1990, 118–120]. Один такой случай – это частица эмфатической идентичности, которая встречается во всех «центральных» языках поволжского союза и имеет в них похожие контексты употребления и фонетический облик: в чувашском языке =ax / =ex², в луговом марийском =ak (в некоторых говорах =ok), в горномарийском =ok, в татарском =uq / =ük, в башкирском =uq / =ük, в удмуртском =ik. Далее в статье мы будем использовать =OK как общее обозначение для рассматриваемых эмфатических частиц. Одно из возможных употреблений =OK представлено в (1):

¹ В этой работе я принимаю достаточно «плоскую» генетическую классификацию финно-угорских языков с небольшим количеством промежуточных единств, которая примерно совпадает с классификацией [Kuulonen 2002].

² В чувашском, татарском и башкирском частица =OK подчиняется гармонии гласных по ряду (варианты приведены через косую черту).

(1) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

*markelof=ok**licä-mä**vär-äm**pač-ä*

Маркелов = ЕМРН

лечить-NMZ

место-ACC

открыть-AOR.3SG

‘Именно Маркелов открывал больницу {а не его заместитель}’ [Козлов 2017].

Частица =*ok* фиксируется в древнейших памятниках тюркской письменности [Erdal 2004, 342] и встречается в некоторых тюркских языках других ареалов [Şahin 2009, 2]. Таким образом, в чувашском, татарском и башкирском языках =*OK* является рефлексом пратюркского **ok*. В сравнительно-исторических работах по финно-угорским языкам Поволжья соответствующие частицы считаются заимствованиями из чувашского языка [Wichmann 1903: 37; Галкин 1964: 183–184; Гордеев 1979: 66; Wichmann 1987: 65; Федотов 1990: 119]; впрочем, более точно было бы сказать, что они были заимствованы из некоторого средневекового болгарского идиома, который не обязательно был прямым предком чувашского. Заимствование именно из языка болгарской ветви подтверждается и большей близостью контекстов употребления =*OK* в финно-угорских языках к современным чувашским, чем к современным татарским и башкирским (кратко разница в контекстах употребления будет показана в Разделе 2, более подробно см. работу [Закирова 2019]).

Заимствование =*OK* в финно-угорские языки из языка болгарской ветви обуславливает методологию этого исследования. Некоторые древние тюркские диалекты были довольно рано зафиксированы на письме (VIII–IX вв. н. э.), в них с VIII в. встречаются употребления =*OK*. Однако болгарская ветвь отделилась от общетюркской задолго до этого момента, на рубеже нашей эры [Тенишев 2002, 680]. Средневековые памятники на языках болгарской группы до нас практически не дошли, не считая некоторых надписей конца XIII – первой половины XIV вв. [Erdal 1993, 10]. Так как эти надписи представляют собой болгарские глоссы к арабоязычным эпитафиям, а не связный текст, употреблений =*OK* в них не зафиксировано. Первые письменные памятники на старочувашском языке относятся к XVIII веку [Савельев 2013, 4–6]. Примерно в это же время появляются первые грамматики удмуртского и лугового марийского языков [Пуцек-Григорович 1775 a, b], которые, несмотря на почти полное отсутствие синтаксических примеров, уже содержат вхождения частицы =*OK*: в удмуртской грамматике имеется наречие *сяменикъ* ‘истинно’ [Пуцек-Григорович 1775 a, 109], а в грамматике лугового марийского языка — *тугакъ* ‘так же’ [Пуцек-Григорович 1775 b, 133]. Таким образом, заимствование =*OK* в финно-угорские языки произошло в эпоху, от которой не осталось письменных свидетельств, и подлежит исследованию с помощью сравнительно-исторических методов. Цель этой работы — проследить историю частицы =*OK* в тюркских языках и реконструировать путь заимствования частицы =*OK* в финно-угорские языки.

Для этого мы выясним, в каких диалектах финно-угорских языков Поволжья имеются частицы типа =*OK* и какой фонетический облик они имеют. Располагая этими данными, а также информацией о фонологических процессах в языках Поволжья и периодизации языковых контактов в Поволжье, мы можем примерно датировать процесс заимствования частицы **ok* в финно-угорские языки Поволжья.

В работе 5 разделов. В разделе 2 вкратце иллюстрируются контексты употребления частицы =*OK* в языках Поволжья. В разделе 3 рассматриваются употребления частицы =*ok* в древних тюркских языках. Раздел 4 посвящен рефлексам **ok* в татарском и башкирском языках, а раздел 5 – рефлексам **ok* в чувашском языке и процессу заимствования этой частицы из чувашского в финно-угорские языки Поволжья. В заключении суммируются данные исследования и предлагается реконструкция процесса заимствования.

2 Контексты употребления =*OK* в языках Поволжья

Согласно работам [Кашкин и др. 2017, Козлов 2017] о горномарийской частице =*ok*, [Зубова 2019] о бесермянской частице =*ik*, [Закирова 2019] о частице =*OK* в языках Поволжья, частицы типа =*OK* имеют похожие контексты употребления в современном чувашском языке и в финно-угорских языках Поволжья. Охарактеризуем их вкратце.

Эмфатическое прочтение примерно соответствует русскому ‘именно, точно’ (1). Другое возможное прочтение — прочтение *тождественности референта*, при котором частица маркирует именную группу, референт которой уже был упомянут в дискурсе (2).

(2) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

<i>nâr-âštâ</i>	<i>maša</i>	<i>päšäl-ä</i> ,	
<i>t'et'ä-vlä-m=ät</i>			maša=ok
поле-IN	Маша	работать-NPST.3SG	ребенок-PL-ACC=ADD
Маша=EMPH			
<i>anž-a</i>			
смотреть-NPST.3SG			

‘В поле работает Маша, и с детьми сидит **Маша же.**’ [Козлов 2017]

Частицы, имеющие подобные прочтения (в частности нем. *ausgerechnet, eben, genau, gerade*, англ. *just, precisely*), получили название «частиц эмфатической идентичности» (*emphatic identity particles* [König 1991]). За деталями анализа эмфатического прочтения и прочтения тождественности референта мы отсылаем к работам, упомянутым в этом разделе. Здесь же заметим, что возможные опорные словоформы для =OK не ограничиваются именными группами: так, это часто бывают наречия и другие адвербиальные выражения (3–4), на которых =OK может иметь прочтение тождественности референта (3) и скалярное прочтение (‘сегодня, то есть на ближайшей точке временной шкалы’) — ср. (4). Реже опорными словоформами выступают финитные глаголы (5), с которыми частица =OK привносит компонент значения ‘все-таки’ или ‘обязательно’.

(3) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (ЙОШКАР-ОЛИНСКИЕ ГОВОРЫ)

<i>ondžal</i>	<i>orava</i>		<i>keze</i>	<i>pörd-eš</i>
		<i>šengel-ž=at</i>		
передний	колесо	как	крутиться-NPST.3SG	задний-
POSS.3SG=ADD				
tog=ok		<i>pörd-eš</i>		
так=EMPH		крутиться-NPST.3SG		

‘Как крутятся передние колеса, **так** крутятся и задние’ [Beke 1957, 374]

(4) СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ МАРИЙСКИЙ

<i>me</i>	<i>törkö</i>	tüc=ok	
<i>kej-enä</i>			
мы	домой	сегодня = EMPH	идти-NPST.1PL

‘Мы **сегодня же** поедим домой’ [Иванов, Гужаров 1970, 115].

(5) УДМУРТСКИЙ

<i>so</i>	tod-e=ik=dj̄r
тот	знать-NPST.3SG=EMPH =наверное

‘Она **всё-таки знает**’ (элиц.).

Наконец, существует немало плеонастических или лексикализованных употреблений =OK, в которых семантический вклад =OK сложно определить. Более полное описание читатель найдет в вышеупомянутых работах.

Контексты употребления =OK в татарском и башкирском языках оказываются более ограниченными: практически невозможны употребления =OK на именных группах (6), а значение тождества ‘тот же’ передается лексикализованными местоимениями типа *šul=uq* (7; при этом сочетания других указательных местоимений с =uq **bu=uq* и **ul=uq* невозможны). В татарском и башкирском языках =OK также невозможно на финитных формах глагола (8).

(6) ТАТАРСКИЙ

<i>märiäm</i>	<i>bakça-da</i>	<i>ešl-i</i> ,	
	märiäm(*=ük)		
Марьям	огород-LOC	работать-PRS.3SG	Марьям
EMPH			
<i>bala-lar-nx=da</i>			<i>kar-xj</i>
ребенок-PL-ACC=ADD		смотреть-PRS.3SG	

‘Марьям работает в саду. **Марьям** смотрит за детьми’ (элиц.).

(7) ТАТАРСКИЙ

<i>hättä</i>	<i>kibet-tä=dä</i>		<i>şul=uq</i>
даже	магазин-LOC=ADD	<i>kal-gan</i>	продавец
остаться-PFCT		этот=EMPH	

{За год в городке ничего не изменилось.} ‘Даже в магазине остался **тот же** продавец’ (элиц.).

(8) ТАТАРСКИЙ

<i>*ul</i>	<i>bulıǵ-a=uq</i>
тот	помочь-PRS.3SG=EMPH
Ожид. знач.: ‘Он всё-таки поможет’ (элиц.).	

3 =OK в древних тюркских языках

Частица =ok фиксируется в самых ранних тюркских текстах: она есть уже в «Памятнике в честь Тоньюкука», который относится к VIII в. [Тенишев 1988, 507]. В [Erdal 2004, 342] =ok трактуется как эмфатическая энклитика, основная функция которой – указание на совпадение референта с прежде упоминавшимся, ср. (9).

(9) ДРЕВНЕТЮРКСКИЙ

<i>maytri</i>	<i>bodisavt</i>		<i>ol=ok</i>
Майтрея	бодхисатва	<i>olor-up ...</i>	место-LOC
деть-CVB		тот=EMPH	си-

‘Бодхисатва Майтрея сел на **том же** месте, ...’ [Erdal 2004, 342].

В более поздних литературных языках — в чагатайском языке и поволжском тюрки — частица =ok по-прежнему употребительна:

(10) ЧАГАТАЙСКИЙ

<i>mun-ǵa=oq</i>		<i>bol-γay</i>	<i>tafāvut</i>
этот-EQU=EMPH	быть-OPT	разница	

‘**Именно в этом и** разница’ [Voeschoten, Vandamme 1998, 174].

(11) ПОВОЛЖСКИЙ ТЮРКИ:

<i>aη-a</i>	<i>taγ</i>	<i>ol</i>	<i>süz-in=oq</i>
тот-DAT	гора	этот	вернуться.CAUS-NMZ
	<i>qajtar-u</i>		
	слово-ACC=EMPH		

‘...горы возвращают ему **эти же** слова (как эхо)’ [Нуриева 2004, 224].

Несмотря на ее распространенность в древнетюркских памятниках, частица =OK встречается не во всех современных тюркских языках. Авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» [Тенишев 1988, 507] приблизительно оценивают ареал распространения =OK как кыпчакский, однако и это, по-видимому, не совсем точно: кроме кыпчакских, она встречается в тобасской, карлукской, карлукско-уйгурской, кыргызской и якутской ветвях тюркской семьи [Закирова 2019].

В некоторых современных тюркских языках частица подверглась фонетическим изменениям: так, пратюркское *=ok дало в чувашском языке рефлексы =ax/ =ex, а в татарском и башкирском языках — =uq/ =ük.

Рассмотрим эти фонетические изменения, так как их датировка будет важна для датировки процесса.

4 =OK → =uq / =ük в современных татарском и башкирском

В литературных татарском и башкирском языках частица =OK имеет вид =uq / =ük. Гласный u/ü вместо o/ö объясняется фонетическим процессом сдвига гласных: гласные верхнего подъема i и u в татарском и башкирском языках перешли в редуцированные среднего подъема (i → e, u → ɤ), а прежние гласные среднего подъема заняли место гласных верхнего подъема (e → i, o → u). Этот процесс начался

в XV в. в казанском татарском и постепенно охватил мишарский диалект татарского, а затем и башкирский язык [Тенишев 2002, 256]. Таким образом, в казанском татарском (12), мишарском татарском (13) и башкирском (14) имеем =uq / =ük вместо =oq / =ök:

(12) ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТАТАРСКИЙ

<i>a-nx̣u</i> <i>uw-x̣n-da</i>	<i>šul=uq</i>	<i>ber</i>	<i>pesi</i> <i>šik</i>	<i>bul-</i>
он-GEN сомнение <i>tu-ma-dx̣...</i> родиться-NEG-PST	этот=EMPH	кошка	быть-NMZ-3-LOC	один

‘У него не возникло и тени сомнения, что это **та же** кошка...’ [Роулинг 2017, 8].

(13) МИШАРСКИЙ ТАТАРСКИЙ

<i>jul-da=uq</i>		<i>be-ter-de</i>	<i>sül-äp</i>
дорога-LOC	=EMPH	рассказывать-CVB	закончиться-CAUS-PST

‘**В дороге еще** обо всем рассказала’ [Махмутова 1978, 243].

(14) БАШКИРСКИЙ

<i>irtägä=ük</i> <i>jet</i>	<i>beđ-gä</i>	<i>kil-ep</i>
завтра = EMPH мы-DAT	прийти-CVB	достигать.IMP

‘**Завтра же** приходи к нам’ [Юлдашев 1981, 329].

Процесс сдвига гласных, однако, не коснулся сибирско-татарских диалектов, где частица сохранила вид =oq / =ök:

(15) ЯЗЫК БАРАБИНСКИХ ТАТАР

<i>a-nx̣u</i> <i>saman-da</i>	<i>duga-sx̣</i>	<i>kan</i>	<i>pɣlan</i> <i>kuskɣn</i>	<i>ol=ok</i>
он-GEN время-LOC	молитва-3 хан	с ворон		этот=EMPH
<i>pol-dx̣</i>		<i>kalɣɣ=da</i>	<i>karga</i>	<i>pol-dx̣</i>
быть-PST	народ=ADD	ворона	быть-PST	

‘По ее молитве **тотчас же** хан обернулся вороном, а его народ – вороньем’ [Дмитриева 1981, 67–68].

5 Заимствование =OK из чувашского языка в марийские и удмуртские диалекты

5.1 =ok и =ak в марийском

В горномарийском языке (1) и западных луговых марийских диалектах (16, 17) исследуемая частица имеет вид =ok:

(16) СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ ГОВОРЫ

<i>ves</i>	<i>imn'i</i> <i>i</i>	<i>irgot-lan</i>	<i>näl-äš-et</i>	<i>kej-en</i>
другой и	завтра-DAT	идти-PRET.3SG	лошадь	брат-INF-POSS.2SG
<i>mestä-š=ok</i>		<i>jär-en</i>		
место-LAT=EMPH		застать-PRET.3SG		

‘Пришел на следующее утро за конем и застал **на месте**...’ [Иванов, Тужаров 1970, 210]

(17) ЙОШКАР-ОЛИНСКИЕ ГОВОРЫ

<i>ondžal</i>	<i>orava</i>	<i>keze</i>	<i>pörd-eš</i>
		<i>šengel-ž=at</i>	
передний POSS.3SG=ADD	колесо	как	крутиться-NPST.3SG
tog=ok		<i>pörd-eš</i>	
так=EMPH		крутиться-NPST.3SG	

‘Как крутятся передние колеса, **так** крутятся и задние’ [Beke 1957, 374].

В волжских говорах, которые по классификации Г. Берецки [Bereczki 1994, 17–29] относятся к восточным, но имеют общие черты с западными говорами и горномарийским языком, тоже встречаем частицу =ok:

(18) ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (ВОЛЖСКИЕ ГОВОРЫ)

<i>tud-ən</i>	<i>pört-šö</i>	<i>škol</i>
vokten=ok		
тот=GEN	дом=POSS.3SG	школа
		рядом=EMPH

‘Его дом **прямо около** школы’ (элиц.).

В литературном луговом марийском языке, основой которого является моркинско-сернурский говор, частица эмфатической идентичности имеет вид =ak:

(19) ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

<i>тид-ым</i>	тач=ак	<i>ышт-ена</i>
этот=ACC	сегодня=EMPH	делать-NPST.1PL

‘Это сделаем **сегодня же**’ [Галкин 1964, 183].

Распределение вариантов =ak и =ok в марийских идиомах не укладывается в регулярные фонетические соответствия между ними: обычно горномарийскому *a* соответствует *o* в луговом марийском: ср. г-мар. *kačkaš* ‘есть’ и луг.-мар. *kočkaš* ‘есть’. Ещё более явно нефонетический характер распределения =ak и =ok можно видеть по примеру (17): слово *ondžal* ‘передний’ в нём имеет *o*, как свойственно восточным диалектам (ср. г-мар. *anzəl*), но при этом частица имеет вид =ok, как в западных диалектах.

Нефонетическое распределение вариантов =ak и =ok привело И. С. Галкина [Галкин 1964, 183–184] к мысли, что горномарийский язык (и, видимо, западные диалекты лугового марийского) заимствовал частицу =ok из татарского языка (в котором она сейчас имеет вид =uq / =ük), а луговой марийский – из чувашского языка (в котором она сейчас выглядит как =ax / =ex). Однако эта точка зрения кажется не вполне убедительной, так как для горномарийского языка и западных луговых диалектов как раз более вероятно заимствование из чувашского языка, а для восточных диалектов лугового марийского – из татарского; кроме того, контексты употребления горномарийского =ok не ближе к татарским, чем контексты =ak.

Нам представляется, что и =ok, и =ak в марийских диалектах являются чувашским заимствованием, которое проникало в марийские говоры в разное время — а в чувашском языке тем временем шёл процесс перестройки вокализма, в ходе которого **o* в первом слоге переходило в *a* [Тенишев 2002, 686].

Итак, в древнечувашском языке интересующая нас энклитика имела вид =ok, а затем изменилась в =ak в среднечувашский период: согласно [Тенишев 2002, 686], в среднечувашский период (то есть с IX по XIV–XV века) *o* и *ö* в первом слоге перешли в *a* и *ü*. Заимствование =ok в западные марийские диалекты могло состояться в XIII–XV веке: нижняя граница определена началом чувашско-марийских контактов, а верхняя — переходом *o* → *a* в чувашском. Заимствование в моркинско-сернурский диалект варианта =ak, таким образом, произошло позже, когда в чувашских диалектах *o* уже перешло в *a*. Эта точка зрения требует допущения, что к моменту перехода *o* → *a* и *ö* → *ü* на частицу =ok распространялись правила первого слога, то есть эта частица ни в каких отношениях не вела себя как акцентно самостоятельная словоформа.

Пратюркское *ö* в =OK в чувашском должно было измениться в *ü*. Возможно, современное чувашское *e* на месте *ü* объясняется выравниванием: язык устранил нерегулярное соответствие в пользу одинакового внешнего вида морфемы со стандартными вариантами по гармонии гласных *a* / *e*.

В восточных диалектах марийского языка, которые возникли как говоры переселенцев из разных районов марийского ареала, фиксируются и =ak, и =ok. В говоре, описанном в грамматике [Sebeok, Ingemann 1961], обычный вид этой частицы – =ak, а =ok встречается в одном примере – вероятно, лексикализации *er-ok* (утро-EMPH) ‘с утра’.

(20) ВОСТОЧНЫЙ МАРИЙСКИЙ (ГОВОРЫ БАШКОРТОСТАНА)

<i>og-eš</i>					<i>pale</i>
<i>gən</i>	<i>adək</i>	əšk=ak			<i>sokər</i>
<i>taga</i>					
NEG.NPST-NPST.3SG	знать	если	опять	REFL-EMPH	сле-
пой	баран				
<i>li-eš.</i>					
статья-NPST.3SG					

{Детская игра типа жмурок, в которой водящий — «слепой баран» — с завязанными глазами ловит игроков и, поймав, пытается их узнать} ‘Если не узнает [того, кого поймал], опять **сам** становится слепым бараном’ [Sebeok, Ingemann 1961, 78].

(21) ВОСТОЧНЫЙ МАРИЙСКИЙ (ГОВОРЫ БАШКОРТОСТАНА)

<i>erlaš-əžə-m</i>				
	<i>er-den</i>	er=ok		
завтрашний_день-POSS.3SG-ACC		утро-с	утро=EMPH	
<i>kən 'əl-eš=at</i>				
встать-NPST.3SG=ADD				

‘... на следующий день **с утра** рано встает...’ [Sebeok, Ingemann 1961, 66].

В кунгурских говорах восточного марийского, описанных в [Коведяева 1991, 139], существует некоторое распределение вариантов =ok и =ak: автор пишет, что наречные категории оформляются частицей =ak / =ok в зависимости от гармонии гласных по огубленности, а именные категории – частицей =ak. Таким образом, кажется возможным, что в восточных говорах две огласовки =OK закрепились в разных функциях.

(22) ВОСТОЧНЫЙ МАРИЙСКИЙ (КУНГУРСКИЙ ДИАЛЕКТ)

tač=ak			<i>üž-əč</i>
	<i>terkə-žə</i>		
сегодня=EMPH	звать-AOR.3PL	домой-POSS.3SG	
‘Сегодня же просили прийти домой’ [Коведяева 1991, 137].			

(23) ВОСТОЧНЫЙ МАРИЙСКИЙ (КУНГУРСКИЙ ДИАЛЕКТ)

wošt=ok			<i>košken</i>
<i>ogəl</i>	<i>eše</i>		
насквозь=EMPH	сохнуть-CVB	NEG	еще
‘Полностью еще не просох’ [Коведяева 1991, 137].			

5.2-ak и =ik в удмуртском

В удмуртском языке есть две морфемы, которые возводятся к чувашскому =ok: это частица =ik [Wichmann 1987, 65] и наречный суффикс -ak [Wichmann 1987, 4]. Частица =ik встречается примерно в тех же контекстах, что и марийское =ak / =ok и чувашское =ax:

(24) УДМУРТСКИЙ

<i>кин-лэн</i>	<i>кэ</i>		<i>родн'а-йэз</i>	<i>ван'</i>
		<i>кэ,</i>	оццы=ик	
кто-ABL	если	родня-POSS.3SG	имеется	если
тот.III=EMPH				
<i>ыз'ы-ны</i>	<i>мын-ыс'кэ...</i>			
спать-INF	идти-PRS.2SG			

‘Если у кого-то есть родня, **туда же и** спать идешь...’ [Карпова 2005, 164].

(25) БЕСЕРМЯНСКИЙ УДМУРТСКИЙ

*a dâš-eč'-k-ânâ**o-t-ân=ik**moskva-jân=ik*

а учиться-CAUS-DETR-INF

тот-OBL-LOC=EMPH

Москва-LOC=EMPH

dâš-eč'-k-e?

учиться-CAUS-DETR-PRS.3SG

А учиться **там же, в Москве** он учится? (Корпус бесермянского удмуртского)

Наречный суффикс =*ak* выделяется в ограниченном числе словоформ. В [Wichmann 1987, 4] перечисляются корни, к которым он может присоединяться (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Сочетаемость *-ak* с разными корнями и их этимологизация по [Wichmann 1987, 4]

Корень	этимология	семантика	Корень	этимология	семантика
² <i>dan</i> 'много, полностью, совершенно'	-	универс. квант.	³ <i>ser</i> 'вдруг, тихонько'	-	'вдруг'
² <i>dîm</i> 'совсем'	тат.	универс. квант.	<i>sum: sum-ak</i> 'в большом количестве'	чув.	
² <i>dîr</i> 'вероятно, пожалуй'	тат.		<i>supîr</i> 'мягкий, рыхлый'	-	
¹ <i>dol</i> 'совсем'	-	универс. квант.	<i>šal'tîr</i> 'со скрипом'	-	идеофон
² <i>dol</i> 'гладкий'	-		<i>šap</i> 'живо, немного, недолго', <i>šap-ak</i> 'вдруг, аккуратный, прямо'	тат.	'вдруг'
<i>džom</i> 'темный, мрачный'	есть к.-зыр. когнаты		<i>šol</i> 'совсем, прямо'	тат.	универс. квант.
<i>gatš</i> 'с согбенной спиной'	есть к.-зыр. когнаты		<i>tal': tal'-ak</i> 'полный'	-	универс. квант.
<i>gom:</i> 'изобразительное слово об огне'	-	Идеофон	<i>tîk: tîk-ak</i> 'вдруг, внезапно'	-	'вдруг'
<i>d'âut (d'alk)</i> 'вдруг, неожиданно, совсем'; <i>d'âut-ak</i> 'совсем'	тат.	универс. квант., 'вдруг'	<i>tšap: tšap-ak</i> 'аккуратно, как раз, точно'	-	
² <i>jug</i> 'светло, чисто'	есть к.-зыр. когнаты		¹ <i>tšîž</i> 'вдруг, сразу, совсем'	-	универс. квант.
<i>kor</i> 'совсем, сразу'	-	универс. квант.	<i>tšok</i> 'вдруг не'	-	'вдруг'
<i>koîr</i> 'вокруг'	есть к.-зыр. когнаты		<i>t'sal'</i> 'сразу, быстро, легко'	-	'скоро, сразу'
<i>ku'al</i> 'от внезапного испуга'	-		<i>t's'ar</i> 'сразу, мигом'	?тат.	'скоро, сразу'

<i>lat's</i> 'полностью, в большом количестве, вплоть'	-	универс. квант.	<i>t'sil</i> 'изобразительное слово о блеске, сверкании'	-	идеофон
<i>meŋš</i> 'круто, прямо'	-		<i>t's'ülk</i> 'начисто, совсем'	-	универс. квант.
<i>ñak'r : ñak'r-ak kari-škîñî</i> (<i>ñak'</i> =EMPH делать-INF) 'потянуться, зевая'	-		<i>t's'ol: t's'ol-ak</i> 'совсем один'	-	
<i>ñar</i> 'полностью'	-	универс. квант.	² <i>veš</i> 'совсем, все, всегда, постоянно', <i>veš-ak</i> 'прямо, полностью'	рус.	универс. квант.
<i>og</i> 'во время'	-		<i>vot's'</i> 'весь, все' <i>vot's'-ak</i> 'все, совсем'	есть к.-зыр. когнаты	универс. квант.
<i>omîr</i> 'сразу, мигом, скоро, вдруг'	-	'скоро, сразу', 'вдруг'	<i>zir-ak</i> 'тотчас'	-	'скоро, сразу'
² <i>pîr</i> 'всегда'	-	универс. квант.	² <i>zur:</i> <i>zur-ak</i> 'шибко, скоро'	есть к.-зыр. когнаты	'скоро, сразу'
<i>saŋîr:</i> 'изобразительное слово о внезапном недолгом дожде'	-	Идеофон	<i>žil'k:</i> <i>žil'k-ak</i> 'полностью'	-	универс. квант.
<i>saïk (saž)</i> 'трезвый, выпавшийся, бодрый'	есть к.-зыр. когнаты				

Аргументы в пользу болгарского происхождения *-ak* состоят в том, что многие случаи, приведенные в Таблице 1, подпадают под случаи «плеонастического» употребления =OK в чувашском и марийских языках: 15 из 43 корней имеют семантику универсальной квантификации, то есть выражают значения типа 'полностью', 'весь', 'всегда' (ср. чув. *jalan=ax* 'всегда', луг. мар. *ere=ak* 'всегда'); 6 корней выражают значения типа 'вдруг', 'внезапно' (ср. г-мар. *trük=ok* 'вдруг'), ещё 5 – 'скоро', 'сразу' (ср. г-мар. *tör=ök* 'сразу'). Кроме того, среди корней, присоединяющих суффикс *-ak*, есть идеофоны – изобразительные слова, передающие звук, манеру, скорость действия (ср. г-мар. *t'ošt=ok* 'сильно').

Если верно, что *-ak* в удмуртском языке является болгарским заимствованием, то в удмуртском мы имеем дело с необычной ситуацией: одна и та же морфема в языке-источнике дала две морфемы в языке-реципиенте, что, вероятно, объясняется большей лексикализированностью в чувашском языке тех принаренческих употреблений, которые дали в удмуртском *-ak*. Можно предположить, что похожая ситуация имеет место в восточных марийских говорах, описанных в [Sebeok, Ingemann 1961] и [Коведяева 1991]: в качестве наречного суффикса используется один показатель, а в качестве клитики другой.

Если изложенный выше сценарий верен и удмуртский язык дважды заимствовал одну и ту же единицу в заднерядном (=ax) и переднерядном вариантах (=ex), то это заимствование должно было случиться позже заимствования =ak и =ok в марийский, когда у частицы в чувашском уже существовали сингармонические варианты с соответствием *a / e*. Таким образом, мы можем датировать его самое раннее временем после начала чувашско-марийских контактов в XIII веке.

6 Заключение: судьба частицы =OK в тюркских и финно-угорских языках

Таким образом, для частицы =OK мы восстанавливаем следующую цепочку событий: она была унаследована из пратюркского языка кыпчакскими и болгарскими диалектами, а также некоторыми другими языками тюркской семьи.

Затем, когда начались интенсивные марийско-болгарские контакты, в XIII–XV вв. частица =OK оказалась заимствована в некоторые марийские диалекты в виде =ok, а при более позднем заимствовании — в виде =ak. В некоторых диалектах существуют оба варианта, распределение =ak и =ok в таких случаях требует дальнейшего изучения.

Хронологически несколько позже произошло заимствование из болгарских диалектов в удмуртский язык, где разные сингармонические варианты =ax и =ex дали начало двум разным морфемам — суффиксу -ak и частице =ik. Обе эти морфемы употребляются в контекстах, свойственных чувашскому =ax и марийским =ak / =ok, но имеют разный морфосинтаксический статус и функции.

Список сокращений

1 – первое лицо, 2 – второе лицо, 3 – третье лицо, ABL – аблатив, ACC – аккузатив, ADD – аддитивная частица, AOR – аорист (прошедшее I), CAUS – каузатив, COMP – комплементаризатор, COND – кондигионал (условная форма), CVB – дееспричастие, DAT – датив, DETR – детранзитиватор (понижающая актантная деривация), EMPH – эмфатическая частица (=OK), EQU – экватив (падеж сравнения), GEN – генитив, ILL – иллатив, IN – инессив, IN2 – «старый» инессив (на серийных послелогох), INF – инфинитив, LOC – локатив, NEG – отрицание, NMZ – номинализация, NPST – непрошедшее время, OBL – косвенная основа, OPT – оптатив, PFCT – перфект, PL – множественное число, POSS – посессивный показатель, PRET – претерит (прошедшее II), PRS – настоящее время, PST – прошедшее время, REFL – рефлексив, SG – единственное число.

англ. – английский, вост.-мар. – восточно-марийский, г-мар. – горномарийский, к.-зыр. – коми-зырянский, луг.-мар. – луговой марийский, нем. – немецкий, тат. – татарский, чув. – чувашский.

Благодарности

Автор благодарит носителей удмуртского, горномарийского, лугового марийского, чувашского и татарского языков за неоценимую помощь в проведении исследования, А. В. Дыбо и А. В. Савельева за комментарии к предыдущей версии этого текста и консультации по вопросам исторической тюркологии, а также рецензента, чьи замечания помогли существенно улучшить текст работы. Исследование поддержано грантом РФФИ №20-512-14003 «Языковое разнообразие в Поволжском языковом союзе. Типология грамматических явлений и языковые контакты».

ЛИТЕРАТУРА

- Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1964. 204 с.
- Дмитриева Л. В. Язык барабинских татар: материалы и исследования. Ленинград: Наука, 1981. 226 с.
- Закирова А. Н. Частицы эмфатической идентичности в поволжском языковом союзе. Дипломная работа, НИУ ВШЭ. М., 2019. 75 с.
- Зубова Ю. Н. Вариации в использовании модальных частиц в литературном удмуртском языке и в бесермянском диалекте // Урало-алтайские исследования. 2019. № 4 (35). С. 71–90.
- Иванов И. Г., Тужаров Г. М. Диалекты марийского языка, Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1970. Т. 1: Северо-западное наречие марийского языка. 216 с.
- Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка. Образцы речи. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 581 с.
- Кашкин Е. В., Сидорова М. А., Мордашова Д. Д., Гарейшина А. Р., Учитель И. К. Всё =ok: о семантике одной горномарийской энклитики. Доклад на конференции «Малые языки в большой лингвистике». Москва, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2–3 ноября 2017 г.
- Коведяева Е. И. Кунгурский (пермский) диалект марийского языка // Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica. 1991. Heft 9. 176 s.
- Козлов А. А. Горномарийская частица =ok и грани эмфатической идентичности // Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 4. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2017». Под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2017. С. 240–254.

- Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов: мишарский диалект татарского языка. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Нуриева Ф. Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. Казань: КГУ, 2004. 376 с.
- Пуцек-Григорович В. Г. а. Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка. СПб.: Императорская Академия наук, 1775. 113 с.
- Пуцек-Григорович В. Г. б. Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка. СПб.: Императорская Академия наук, 1775. 136 с.
- Савельев А. В. Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века (на материале Словаря Палласа). Дисс.... канд. филол. наук. ИЯз РАН, 2014. 445 с.
- Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 301 с.
- Тенишев Э. Р. (ред.) Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988. 560 с.
- Тенишев Э. Р. (ред.) Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М.: Наука, 2002. 767 с.
- Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Саранского университета, 1990. 336 с.
- Юлдашев А. А. Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981. 495 с.
- Agyagási K. Language contact in the Volga-Kama Area // *Studia uralo-altaica*. 2012. Т. 49, P. 21–37.
- Beke Ö. *Mari szövegek*. Т. 1. Budapest: Akadémiai kiadó, 1957. 693 p.
- Boeschoten H., Vandamme M. Chaghatay. *The Turkic Languages*. Johanson L., Csató E. A. (eds). London-New York: Routledge, 1998. P. 166–178.
- Erdal M. *Die Sprache der wolgalbolgarischen Inschriften*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1993. 172 p.
- Erdal M. *A grammar of Old Turkic*. Brill, 2004. 575 p.
- Helimski E. Areal groupings (Sprachbünde) within and across the borders of the Uralic language family: a survey // *Nyelvtudományi Közlemények*. 2003. P. 156–167.
- Johanson L. Linguistic convergence in the Volga area // *Studies in Slavic and General Linguistics*. 2000. Vol. 28. P. 165–178.
- König E. Identical values in conflicting roles: The use of German *ausgerechnet*, *eben*, *genau* and *gerade* as focus particles // *Descriptive and theoretical investigations on the logical, syntactic and pragmatic properties of discourse particles in German*. Amsterdam-Philadelphia, 1991. P. 11–36.
- Kulonen U.-M. *Kielitiede ja Suomen väestön juuret* // *Ennen muinoin: miten menneisyyttämme tutkitaan*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2002. S. 102–116.
- Şahin E. Tatar türkçesinde *uk/ük* kuvvetlendirme edati // *Türk Dünyasi Arastirmalari*. 2009. № 180. P. 1–12.
- Sebeok T., Ingemann F. *An Eastern Chermis manual* // *Uralic and Altaic Series*. Т. 5. Bloomington: Indiana University, 1961. 109 p.
- Wichmann Y. J. *Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen*. Т. 21. Druckerei der Finnischen litteraturgesellschaft, 1903. 171 p.
- Wichmann Y., Korhonen M., Uotila T. E. *Wotjakischer Wortschatz*. Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. 423 s.
- Роулинг Дж. К. Харри Поттер һәм Фэлсэфәче ташы (пер. А. Шәйхин). URL: <http://potter.tatar/2017/08/28/harri-potter-hem-felsafache-tasy> (Дата обращения 8.02.2022). 219 p.
- Корпус бесермянского удмуртского. <http://beserman.ru/corpus> (дата обращения 8.02.2022)

Поступила в редакцию 8.08.2022

Закирова Айгуль Наилевна,
 младший научный сотрудник
 Институт языкознания РАН
 125009, Российская Федерация, г. Москва,
 Большой Кисловский пер. 1, стр. 1, к. 44
aigul.n.zakirova@gmail.com

A. N. Zakirova

THE PARTICLE =OK IN THE VOLGA-KAMA LANGUAGES: HISTORY OF BORROWING

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-39-51

The article focuses on the history of borrowing of the Turkic particle *=ok, which spread from Chuvash into the adjacent Finno-Ugric languages of the Volga-Kama Sprachbund, namely Hill Mari, Meadow Mari, and Udmurt. First, the possible contexts of use of this particle are listed, namely those of identity of referent, emphatic, scalar and, finally, lexicalized and pleonastic uses with an unclear semantic contribution. As the borrowing process had been accomplished by the time the first written sources in Mari and Udmurt appeared, the borrowing process was traced with the help of indirect evidence. In the paper, data from comparative works on Turkic and Finno-Ugric languages are analyzed, as well as data drawn from synchronic grammars and the data from the author's own fieldwork. For most languages of the Volga-Kama Sprachbund several dialects are investigated. The phonetic processes observed in the particle under study and the periodization of the Volga-Kama contacts are taken into account in order to reconstruct the borrowing process of =OK. As it turns out, the particle *=ok was inherited by Kipchak dialects (ancestors of modern Tatar and Bashkir) and Bulgar dialects (ancestors of modern Chuvash). Then, as the Mari-Chuvash contacts began, in 13th-15th centuries the particle in question was borrowed into some of the Mari dialects as =ok, into others as =ak, =ak being a chronologically later variant. Still later, the particle =ok was borrowed into Udmurt, where the two Chuvash harmonic variants =ax and =ex gave rise to two different morphemes, a suffix -ak and a particle =ik.

Keywords: Volga-Kama Sprachbund, grammatical borrowings, language contact, focus particles, Finno-Ugric languages, Hill Mari, Meadow Mari, Udmurt, Turkic languages, Chuvash, Tatar, Bashkir, Old Turkic, Chaghatay, Middle Kipchak.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 1, pp. 39-51. In Russian.

REFERENCES

- Galkin I. S.** *Istoricheskaja grammatika marijskogo jazyka. Morfologija* [A comparative grammar of the Mari language]. Joshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964. 204 p. In Russian.
- Dmitrieva L. V.** *Jazyk barabinskih tatar: materialy i issledovanija* [The language of the Baraba Tatars: materials and investigations]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1981. 226 p. In Russian.
- Zakirova A. N.** *Chasticy emfaticheskoj identichnosti v povolzhskom jazykovom sojuze* [Emphatic identity particles in the Volga-Kama Sprachbund]. MA thesis, HSE University. M., 2019. 75 p. In Russian.
- Zubova Ju. N.** *Variacii v ispol'zovanii modal'nyh chastic v literaturnom udmurtskom jazyke i v besermjanskom dialekte* [Variations in the use of modal particles in standard Udmurt and Beserman Udmurt]. *Uraloaltajskie issledovanija* [Ural-Altai Studies], 2019, №. 04 (35), pp. 71–90. In Russian.
- Ivanov I. G., Tuzharov G. M.** *Dialekty marijskogo jazyka* [Dialects of the Mari language]. Joshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970. T. 1: *Severo-zapadnoe narechie marijskogo jazyka* [The Northwestern dialect of Mari]. 216 p. In Russian.
- Karпова L. L.** *Srednechepeckij dialekt udmurtskogo jazyka. Obrazy rechi* [The middle Chepts dialect of Udmurt. Speech samples]. Udmurt Institute of history, language and literature UrO RAS, 2005. 581 p. In Russian.
- Kashkin E. V., Sidorova M. A., Mordashova D. D., Garejshina A. R., Uchitel' I. K.** *Vsjo =ok: o semantike odnoj gornomarijskoj jenklitiki* [All =ok: on the semantics of one Hill Mari enclitic] Talk on the conference «Malye jazyki v bol'shoj lingvistike [Small languages in the big linguistics]». Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2–3 Nov. 2017. In Russian.
- Kovedjaeva E. I.** *Kungurskij (permskij) dialekt marijskogo jazyka* [The Kungur (Perm) dialect of Mari]. *Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica*, Heft 9, 1991. 176 p. In Russian.
- Kozlov A. A.** *Gornomarijskaja chastica =ok i grani jemfaticheskoj identichnosti* [The Hill Mari particle =ok and the nuances of emphatic identity] // *Tipologija morfosintaksicheskikh parametrov* [Typology of morphosyntactic parameters], №4. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute, 2017, pp. 240–254. In Russian.
- Mahmutova L. T.** *Opyt issledovanija tjurkskikh dialektov: misharskij dialekt tatarskogo jazyka* [A sketch study of Turkic dialects: the Mishar dialect of Tatar]. Moscow: Nauka, 1978. 272 p. In Russian.
- Nurieva F. Sh.** *Istoricheskie i lingvisticheskie uslovija formirovanija tjurko-tatarskogo literaturnogo jazyka zolotoordynskogo perioda* [The historical and linguistic circumstances of forming of the Turkic-Tatar literary language of the Golden Horde period]. Kazan: Kazan State University, 2004. 376 p. In Russian.
- Pucek-Grigorovich V. G.** *Sochinenija, prinadlezhashhie k grammatike vot'skogo jazyka* [Works on the matters of the Votyak grammar]. St. Petersburg, Emperor's Academy of Sciences, 1775. 113 p. In Russian.
- Pucek-Grigorovich V. G.** *Sochinenija, prinadlezhashhie k grammatike cheremisskogo jazyka* [Works on the matter of the Cheremis grammar]. St. Petersburg, Emperor's Academy of Sciences, 1775. 136 p. In Russian.

Savel'ev A. V. *Otazhenie dialektnykh osobennostej v staropis'mennyh pamjatnikah chuvashskogo jazyka XVIII veka (na materiale Slovarja Pallasa)*. Diss.... kand. filol. nauk. [The reflection of dialectal traits in old written Chuvash records of the 18th century (study based on the Pallas dictionary). Cand. phil. sci. diss.] Institute of Linguistics RAS, 2014. 445 p. In Russian.

Serebrennikov B. A. *Kategorii vremeni i vida v finno-ugorskih jazykah permskoj i volzhskoj grupp* [The categories of tense and aspect in the Finno-Ugric languages of Permian and Volga branches]. Moscow: USSR Academy of Sciences Press, 1960. 301 p. In Russian.

Tenishev Je. R. (red.) *Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Morfologija* [A comparative grammar of the Turkic languages. Morphology.]. Moscow: Nauka, 1988. 560 p. In Russian.

Tenishev Je. R. (red.) *Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Regional'nye rekonstrukcii* [A comparative grammar of the Turkic languages. Regional reconstructions.]. Moscow: Nauka, 2002. 767 p. In Russian.

Fedotov M. R. *Chuvashsko-marijskie jazykovye vzaimosvjazi* [Chuvash-Mari language contacts]. Saransk: Saransk University Press, 1990. 336 p. In Russian.

Juldashev A. A. *Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo jazyka* [A grammar of Modern standard Bashkir]. Moscow: Nauka, 1981. 495 p. In Russian.

Agyagási K. *Language contact in the Volga-Kama Area*. *Studia uralo-altaica*. T. 49, 2012, pp. 21–37.

Beke Ö. *Mari szövegek*. T. 1. Budapest: Akadémiai kiadó, 1957. 693 p. In Hungarian.

Boeschoten H., Vandamme M. *Chaghatay*. *The Turkic Languages*. Johanson L., Csató E. A. (eds). London-New York: Routledge, 1998. pp. 166–178.

Erdal M. *Die Sprache der wolgalbolgarischen Inschriften*, T. 13. Otto Harrassowitz Verlag, 1993. 172 p. In German.

Erdal M. *A grammar of Old Turkic*, T. 3. Brill, 2004. 575 p.

Helimski E. *Areal groupings (Sprachbünde) within and across the borders of the Uralic language family: a survey*. *Nyelvtudományi Közlemények*, 2003, pp. 156–167.

Johanson L. *Linguistic convergence in the Volga area* // *Studies in Slavic and General Linguistics*, 2000. Vol. 28, pp. 165–178.

König E. *Identical values in conflicting roles: The use of German *ausgerechnet*, *eben*, *genau* and *gerade* as focus particles* // *Descriptive and theoretical investigations on the logical, syntactic and pragmatic properties of discourse particles in German*. Amsterdam-Philadelphia, 1991, pp. 11–36.

Kulonen U.-M. *Kielitiede ja Suomen väestön juuret* // *Ennen muinoin: miten menneisyyttämme tutkitaan*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2002, pp. 102–116.

Şahin E. *Tatar türkçesinde uk/ük kuvvetlendirme edati* // *Türk Dünyasi Arastirmalari*, 2009, №. 180, p. 1–12. In Turkish.

Sebeok T., Ingemann F. *An Eastern Chereemis manual* // *Uralic and Altaic Series*. T. 5. Bloomington: Indiana University, 1961. 109 p.

Wichmann Y. J. *Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen*. T. 21, Druckerei der Finnischen litteraturgesellschaft, 1903. 171 p. In German.

Wichmann Y., Korhonen M., Uotila T. E. *Wotjakischer Wortschatz*. Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. 423 p. In German.

Rowling J. K. *Harri Potter häm Fälsäfäche tashy* (per. A. Shajhin). <http://potter.tatar/2017/08/28/harri-potter-häm-fälsäfäche-tashy> (accessed: 8.02.2022). 219 p. In Tatar.

Beserman Udmurt corpus. <http://beserman.ru/corpus> (accessed: 8.02.2022)

Received 8.08.2022

Zakirova Aigul Nailevna,

junior researcher

Institute of Linguistics, RAS, Department of Ural-Altai Languages

Bolshoy Kislovsky Lane, 1/1, 44, Moscow 125009,

Russian Federation

aigul.n.zakirova@gmail.com

А. Ф. Уткина

**СИНТАКСИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ
ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ
ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА)¹**

В статье рассматривается явление синтаксической синонимии сложноподчиненных предложений, выражающих изъяснительные отношения, на материале письменных памятников первой половины XIX в., а также современной Библии. На сегодняшний день в лингвистике имеются различные подходы по отношению к данному явлению. Вопросы синтаксической синонимии поднимаются в трудах отечественных и зарубежных лингвистов (А. М. Пешковский, Г. А. Золотова, В. Ю. Копров, Л. Ю. Максимов, K. Gugán, S. Kiss, J. Findra и др.). Также выделены формальные признаки данного явления: тождественность лексического состава; общность грамматического значения; разноструктурность. Синтаксическая синонимия характеризуется возможностью возникновения в языке предикативных единиц, близких по семантике и способных заменять друг друга в условиях контекста. В данной статье мы основываемся на концепции, которая рассматривает синтаксические синонимы на разных уровнях и выделяет синонимические конструкции одного уровня. Отдельное внимание уделяется синонимии сложноподчиненных предложений, придаточные части которых могут быть преобразованы в простые предложения при помощи причастных и деепричастных оборотов. На основе сопоставления и анализа лингвистических данных были получены следующие результаты: изъяснительные придаточные предложения современного удмуртского языка могут вступать в синонимичные отношения с отглагольными беспослеложными и послеложными конструкциями, а также с бессоюзными предложениями; рассматривая замену отглагольных беспослеложных и послеложных конструкций на изъяснительные придаточные предложения в диахроническом аспекте, частотность употребления сложноподчиненных предложений увеличилась; в примерах прослеживается многократное использование лексем *шу* и *бонь*.

Ключевые слова: синтаксическая синонимия, сложноподчиненные предложения, изъяснительные придаточные, письменные памятники, Библия, диахрония, беспослеложные отглагольные обороты, послеложные отглагольные обороты.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-52-59

Удмуртские письменные памятники первой половины XIX в., а именно Евангелия от Матфея и Марка, переведенные на Глазовское и Сарапульское наречия [ЕвангМк. Гл. 1847; ЕвангМф. Гл. 1847; ЕвангМф. Сар. 1847] до недавнего времени уже были изучены с точки зрения их графических, фонетических, морфологических и лексических особенностей [Кельмаков 2004; 2007; Ившин 2008; 2010; 2019; 2022; Безенова 2014; 2015]. Однако синтаксические характеристики этих трудов все еще не исследованы. В нашей статье мы рассмотрели явление синтаксической синонимии на примере сложноподчиненных предложений с изъяснительными придаточными на материале Евангелий на Сарапульском и Глазовском наречиях.

Принято считать, что синтаксическая синонимия впервые была подробно рассмотрена и описана А. М. Пешковским в работе «Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы» [Пешковский 1927]. Ученый определяет грамматические синонимы, которые делит на морфологические и синтаксические, как «значения слов и словосочетаний, близкие друг другу по их грамматическому смыслу» и приводит перечень важнейших разрядов синтаксических синонимов: различные предлоги, союзы, предложные и беспредложные конструкции, союзные и бессоюзные сочетания, глагол и причастие, глагол и деепричастие, глагол и инфинитив, обособленные и необособленные группы, обособленные группы и отдельные придаточные, необособленные члены и отдельные придаточные, сочинение и подчинение, личные и безличные типы предложений, повелительное наклонение, личная форма глагола в 1-м и 2-м лице в единственном и множественном числе, полные и неполные предложения, порядок слов и др., – выделяя всего 32 конструкции [Пешковский 1927, 57–62].

Вопросы синтаксической синонимии поднимаются и в трудах Г. А. Золотовой, которая обращается к данному аспекту в связи вопросами культуры речи. По мнению исследователя, всякая синтаксическая конструкция в системе языка существует в ряду других конструкций, более или менее близких

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ № МК-1631.2022.2 «Корпус первых удмуртских переводов Евангелий».

по смыслу и по стилевой окраске. Г. А. Золотова полагает, что синтаксическими синонимами можно назвать те конструкции, которые однородны с точки зрения структурно-смысловой и функциональной, но различаются семантическими оттенками (в пределах общего их значения) и стилистической окраской. Критерием для выделения синонимов необходимо считать их смысловую и конструктивную общность [Золотова 1970, 179].

Рассматривая вопросы синтаксической синонимии, исследователи выделяют следующие формальные признаки [Копров 2010, 57]:

- 1) тождественность лексического состава;
- 2) общность грамматического значения;
- 3) разноструктурность.

Отдельные исследователи к данным признакам относят также взаимозаменяемость конструкций, под которой понимается предопределенная общностью их грамматической семантики способность быть употребленными в идентичных функциях [Шведова 1967, 209–210].

Синонимия синтаксических конструкций предоставляет богатые возможности с точки зрения стилистики, основное – это изменения стилевой окраски единиц и конструкций, а также с точки зрения коммуникативной организации высказывания – это постановка логического ударения, смыслового усиления или ослабления того или иного компонента предложения, актуальное членение предложения [Синелева 2019, 294].

В зарубежной лингвистике синтаксические синонимы определяются как конструкции, «семантическая сущность» которых одинакова, но они различаются по своей синтаксической роли в предложении и по своим грамматическим маркерам [Gugán 2002, 31]. Венгерский ученый Ш. Киш различает четыре типа синтаксической синонимии на основе двух критериев: 1) изменяет ли структурное различие иерархическую конструкцию предложения или влияет на его тематику; 2) являются ли целые предложения синонимичными (глобальная синонимия) или только составные части (локальная синонимия). Конструкции с неопределенными формами глагола входят в группу локальных синонимов, а внутри нее – в подгруппу конструкций, различающихся по своей иерархической структуре. Вслед за этим он указывает, что именные словосочетания и словосочетания с не финитными формами глагола отличаются от клаузуальных синонимов по степени их объяснимости [Kiss 1993, 117]. Словенский лингвист Ж. Финдра в своей работе отмечает, что предпосылкой синонимии является синонимический ряд, который является местом, где выражение находится в различных семантических и стилистических отношениях с другими членами предложения. На основе стилистических и прагматических аспектов ученый рассматривает системный и функциональный потенциал синтаксических вариантов синонимического ряда, учитывая их семантические модификации, но особенно их стилистические нюансы и функциональный потенциал [Findra 2008].

Важно подчеркнуть, что в современной лингвистике по отношению к данному явлению имеются различные подходы, поскольку разные исследователи руководствуются разными критериями при выделении синтаксических синонимов.

В данной статье мы основываемся на концепции Л. Ю. Максимова, который рассматривает синтаксические синонимы на разных уровнях и выделяет синонимические конструкции одного уровня: это синонимы на морфологическом уровне, на уровне словосочетаний, на уровне простого предложения, на уровне сложного предложения, синонимы на уровне синтагматического членения; и синонимы разного уровня, к которым относит синонимию обособленных оборотов и придаточных предложений, предложно-падежных конструкций и придаточных предложений [Максимов 1966, 8–9].

Иными словами, мы исходим из того, что синтаксическая синонимия – это лингвистическое явление, которое характеризуется возможностью возникновения в языке предикативных единиц, близких по семантике и способных заменять друг друга в условиях контекста.

В русском языкознании синтаксическая синонимия сложноподчиненных предложений встречается в трудах таких ученых, как Г. С. Плотниковой [Плотникова 2003], Г. А. Яковлевой [Яковлева 2004], Л. А. Качановой [Качанова 2006] и др. В их работах прослеживается одна параллель – преобразование сложноподчиненных предложений в простые, при этом могут использоваться причастные или деепричастные обороты. Так, Г. С. Плотникова и Л. А. Качанова рассматривают сложноподчиненные предложения с присубстантивно-атрибутивными, местоименно-соотносительными, изъяснительно-объектными, обстоятельственными, а также с придаточными следствия и подчинительно-присоединительной придаточной частью. Г. А. Яковлева в своей работе изучает возможность замены придаточных определительных, условных, уступительных, времени, причины, цели и образа действия.

В нашей статье мы рассмотрели сложноподчиненные предложения, выражающие изъяснительные отношения. Чтобы выявить наличие синтаксической синонимии в грамматическом строе удмуртского языка, мы проанализировали тексты переводов Евангелий Глазовского и Сарапульского наречий 1847-го г., а также их соответствия из современной Библии 2013-го г., переведенной М. Атамановым [Библия 2013].

На основе сопоставления и анализа лингвистических данных были получены следующие результаты:

1. В структуре изъяснительных придаточных предложений союз *шуыса* широко представлен во всех трех исследуемых текстах: ...*что помышляете въ себѣ, маловѣрные, что хлѣбовъ не взяли?* ‘...марь малпаськóды асьтэ кожэ, нянь эдь-бáсьтэ **шусà**, лябь оськысьиòсь?’ [ЕвангМф. Гл. 1847, 121] – ‘...марь малпаськóды асьтэ кóжэ, нянь эдь-бáсьтэ **шусà**, лябь-оськись-иòсь?’ [ЕвангМф. Сар. 1847, 121] – ‘Öжыт оськисьёс, малы асьтэ куспын малпаськóды, нянь òм бáсьтэ **шуыса**?’ [Библия 2013, 1278]; *Тогда Иисусъ запретилъ ученикамъ Своимъ, чтобы никому не сказывали, что Онъ Иисусъ Христосъ* ‘Сокы́ Иисусъ юнмáтызь ась дышетскисьиòсь-сэ, не нокинъ-лы-но вераны, Со Иисусъ Христосъ, **шуисà**’ [ЕвангМф. Гл. 1847, 124] – ‘Со-кы́ Иисусъ юнмáтызь дышетскись-иòссэ, не нокинъ-лы-но верянтэмъ медь-лò, Ассэ Иисусъ Христосъ, **шусà**’ [ЕвангМф. Сар. 1847, 124] – ‘Соку Иисус Аслэсьтыз дышетскисьёссэ нокинлы но вераны òз лэзы, Со Иисус Христос луэ **шуыса**’ [Библия 2013, 1279]; *Пришедши же первые, думали, что они получают больше...* ‘Лыктысà ношъ, азьлòось малпáзы, уногэмъ басьтòзы **шуиса...**’ [ЕвангМф. Гл. 1847, 151] – ‘Лыктысà ношъ, азьлòось малпáзы, уногэмъ басьтòзы **шуисà...**’ [ЕвангМф. Сар. 1847, 151] – ‘Нырысь лыктэмъёс малпало вылэм, соос трогес басьтòзы **шуыса...**’ [Библия 2013, 1284].

2. В Евангелии от св. евангелиста Марка, которое переведено на Глазовское наречие, присутствуют также изъяснительные сложноподчиненные предложения, переведенные при помощи русского союза *что*: *И вдругъ остановилось теченiе крови ея; и она почувствовала въ тѣлѣ, что выздоровѣла отъ болѣзни сей* ‘Соку́икъ вiръ вiаньэ́зъ солэ́нь дугды́зъ, со шедскiзъ-но мугорáзъ, **что** висемь-лэ́сь кать-яскiзъ-ини́’ [ЕвангМк. Гл. 1847, 34] – ‘Со куспын ик вирыз виямысь дугдiз, висёнэз быриз ни шуыса, мугорыз шòдiз’ [Библия 2013, 1308]; *Не уже ли не разумѣете, что все, извнѣ входящее въ челоуѣка, не можетъ осквернить его?* ‘Удà вáласькэ, **что** вицкэ́к мáкэ педлòсь пырè ады́м-пучкэ́; сò шетэмъ узь-каръ ады́мизè’ [ЕвангМк. Гл. 1847, 52] – ‘Оло, уд валаське, «ады́ми пушкы педлòсь пырыса номыр но сое саптаны уг быгаты» шуэмез?’ [Библия 2013, 1312]; *Знаете, что почитающiеся князьями народовъ, господствуютъ надъ ними, и вельможи ихъ властвуютъ ими* ‘Тодцкóды тi, **что** бáдзимъ Э́ксэ́йиòсь вормò калыкэ́зъ, куньиòсьы́зъ-но соиòсьлэ́сь аслы́зъ влaсьэ́зъ басьтò’ [ЕвангМк. Гл. 1847, 83] – ‘Тодiськóды ук, калыкэ́слэн кивалтiсьёссы шуыса лыдзiськисьёс соосын кузёя́ско, кузёйы́рьёссы соосты киулазы возè’ [Библия 2013, 1319]; *Мы знаемъ, что Ты справедливъ, и не льстиши́ никому* ‘Мi тодцкóмъ, **что** Тòнь шонэръ муртъ, удъ-но пýяски нокинè-но’ [ЕвангМк. Гл. 1847, 95] – ‘Ми тодiськомы, Тон шонер лэсьтiсь шуыса, кинлы но солы гинэ кельшыны туртгыса уд улiськы’ [Библия 2013, 1321]; *Истинну сказалъ Ты, что единъ есть Богъ, и нѣтъ инаго кромѣ Его* ‘Зэмъ шонерзè Тонъ верáдь, **что** оды́г гинэ Инмаръ, мукэтъ-но Сò лесянá эвэлъ’ [ЕвангМк. Гл. 1847, 99] – ‘Зэмез верад Тон: Инмар одiг гинэ, Со сяна, мукетыз òвòл’ [Библия 2013, 1322]. Аналогичных примеров в Сарапульском наречии не наблюдается.

3. Во всех трёх источниках употребляются отглагольные обороты, чаще беспослеложные, которые являются синонимичными изъяснительным придаточным предложениям: *Ты же раздавай милостынню такъ, чтобы лъвая рука твоя не вѣдала, что дѣлаетъ правая* ‘Тонъ бөнъ милостиня-зэ ози сiòтъ, палля́нь киэдъ тына́дъ меда́зъ-тодь-ва́ль бурэ́дь-лэ́нь карэм-зэ́’ [ЕвангМф. Гл. 1847, 32] – ‘Тонъ бөнъ дэулетъ-эзэ ози каръ, палля́нь киэдъ меда́зъ-тодь-ва́ль, бурэ́дь-лэ́сь карэм-зэ́’ [ЕвангМф. Сар. 1847, 32] – ‘Тынад нош, ёрмисьлы сётыкуд, паллян кийд медаз тоды, мар лэсьтэ бур кийд’ [Библия 2013, 1261]; *...Не сказывайте никому, что вы видѣли, пока Сынъ челоуѣческой не воскреснетъ изъ мертвыхъ* ‘...не нокинълы-но энъ вералэ адзэмь-дэ́сь, ады́мй Пи кулэмьы́ улзитòзъ’ [ЕвангМф. Гл. 1847, 128] – ‘...не-нокинъ-лы-но энъ вералэ адзэмь-дэ́сь, ады́мй Пi кулэмьы́ улзитòзъ’ [ЕвангМф. Сар. 1847, 128] – ‘...Та адзэмдэ́с, Ады́ми Пи кулэмьы́ улзыса султытозъ, нокинлы но эн вералэ’ [Библия 2013, 1280]; *...и пришедши рассказали Государю своему все, что случилось* ‘...лыктысà-но вицкэ́к луэмзэ́ верáзы ась кузиòлы́’ [ЕвангМф. Гл. 1847, 141] – ‘...лыктысà-но воцъ луэмз-зэ́ веря́зы ась кузиò-лы́’ [ЕвангМф. Сар. 1847, 141] – ‘...соос мыныса, мар луэм сярисъ асьсэлэн кузёзылы ваньзэ вераллям’ [Библия 2013, 1282]; *Когда ты зналъ, что я жну, гдѣ не стѣялъ, и собираю, гдѣ не расточалъ* ‘Тоды́дь-кэ́ тонъ, монъ араськò шусà, кыты́нь-кэ́ эй-кiзъ, люкаськò-но кыты́нь-кэ́ эй-сiòтка’ [ЕвангМф. Гл. 1847, 200] – ‘Тоды́дь-кэ́ тонъ,

мынэсьтымь кизёмьтэ-эзь арамьме сіоткамьтэ-эзь, люкамьме' [ЕвангМф. Сар. 1847, 200] – 'Тон тодісь-код вал кизьымтэ интысьс арамме, кисьтымтэ интысьс бичамме' [Библия 2013, 1294]. В последнем примере из Библии также наблюдается замена придаточной части отглагольным оборотом.

4. Важно подчеркнуть, что в Евангелии на Сарапульском наречии гораздо шире представлены предложения с отглагольными беспослеложными оборотами, в отличие от Евангелия, переведенного на Глазовское наречие, и текста современного перевода, в которых употребляется союз *шуыса*: *Услышавъ же Исусъ, что Иоаннъ отданъ подь стражу, удалился въ Галилею* 'Кылыса бонь Исусъ, Иоаннъ караулэ сіотэмьинъ шуиса, кошкызъ Галилея-э' [ЕвангМф. Гл. 1847, 17] – 'Кылыса бонь Исусъ, Иоаннъ-лэсь караулэ усёмь-зэ, кошкызъ Галилея-э' [ЕвангМф. Сар. 1847, 17] – 'Иоанн пытсэтэ сюремын шуыса, Исус кыліз но Галилея кошкызъ' [Библия 2013, 1258]; *Тогда поняли, что Онъ говорилъ имъ, чтобы беречься не закваски хлѣбной...* 'Соқы валазы, со вера шуса возматскыны не нянь цирсатэмь-лэсь...' [ЕвангМф. Гл. 1847, 122] – 'Соқы валазы, верямтэ-зэ, сакъ улыны нянь цирсатэмь-лэсь...' [ЕвангМф. Сар. 1847, 122] – 'Соку соос валазы, Со нянь шомлэсь утиськыны уг косы <...> шуыса' [Библия 2013, 1278]; *Тогда ученики поняли, что Онъ говорилъ имъ о Иоаннѣ Крестителѣ* 'Соку дышетскисьіодъ валазы, Со вера, шуса, Иоаннъ пыртъсь сяръсь (ласянь)' [ЕвангМф. Гл. 1847, 129] – 'Со-ку дышетскись-іодъ валазы, Солэсь верямь-зэ Иоаннъ чукундрысь ласянь' [ЕвангМф. Сар. 1847, 129] – 'Соку дышетскисьёсыз валазы, Со Иоанн Пылатъсь сяръсь соослы вераз шуыса' [Библия 2013, 1280]; *...знаемъ, что Ты справедливъ и истинно пути Божію учишь...* '...тодыськомь, Тонъ шонэръ шуыса, зэмь-но Инмарь-лэнь косэмь-лы дышетъськодъ...' [ЕвангМф. Гл. 1847, 172] – '...тодыськомь Тынэсьтыдъ шонэръ-дэ, зэмь-но Инмарь-лэнь косэмь-лы дышетъськодъ...' [ЕвангМф. Сар. 1847, 172] – 'Ми тодіськомы, Тон шонер лэсьтысь шуыса, Инмарлэн сюресэзлы шонер дышетъськодъ...' [Библия 2013, 1288]; *...то знаетъ, что близко лгто* '...тодыськыды, гужэмь матынъ шуса' [ЕвангМф. Гл. 1847, 192] – '...тодыськыды, гужэмь-лэсь матынъ-зэ' [ЕвангМф. Сар. 1847, 192] – '...гужем матын ни шуыса тодіськыды' [Библия 2013, 1292].

Аналогичная тенденция характерна и для изъяснительных предложений с союзом *что* в текстах Евангелия, переведенного на Глазовское наречие, например: *Исусъ тотчасъ, почувствовавъ Самъ въ Себѣ, что изъ Него вышла сила...* 'Сокуикъ Исусъ Ацизь шедскызъ Ась-понназъ, чтô Солэсь кужимэзъ потызь...' [ЕвангМф. Гл. 1847, 34] – 'Со дыре ик Исус Ас пушкысьтыз кужмызлэсь потэмзэ шодъиз...' [Библия 2013, 1308]; *Исусъ видя, что сбѣгается народъ, запретилъ духу нечистому...* 'Исусъ адзиса калыкълэсь люкаськэмьзэ, алызь шайтанъ лульзэ...' [ЕвангМф. Гл. 1847, 68] – 'Калыклэсь люкаськемзэ адзыса, Исус перилы алыса вераз...' [Библия 2013, 1316]; *Поутру, проходя мимо, увидѣли, что смоковница засохла до корня* 'Чукна-угъ, орцикузь адзызы смôква пузэ выжытôзь квасъмэмьзэ' [ЕвангМф. Гл. 1847, 89] – 'Чукна, смоквапу вôзтй орчкыкузы, адзызы: со выжыозяз куасъмемын' [Библия 2013, 1320]; *Исусъ видя, что онъ отвѣчалъ разумно, сказалъ ему: не далеко ты отъ царствія Божія* 'Исусъ адзиса, что со визьмоэсь вераськызъ, пумитазъ веразъ солы: тонъ эвэлъ кыдідокынъ Инмарьлэнь дзець улоннилэсь' [ЕвангМф. Гл. 1847, 99] – 'Исус, талэсь визьмо ответ сётыны быгатэмзэ кылыса, солы шуиз: «Инмар Эксэйлыкълэсь кыдѣкын ôвôл ни тон»' [Библия 2013, 1322].

5. Также для Евангелия на Сарапульском наречии характерно более частое опущение союза *шуыса*: *Не думайте, что Я пришелъ нарушитъ Законъ или Пророковъ...* 'Энь малпалэ, Монъ законъ-эзь быттынъ-понна, шуиса, лыкты, Пророкъ-іодсызь но...' [ЕвангМф. Гл. 1847, 23] – 'Энь малпалэ, Монъ законъ-эзь курланъ понна лыкты, Пророкъ-іодсызь но...' [ЕвангМф. Сар. 1847, 23] – 'Эн малпалэ, Мон законэз яке пророкъёсты туганы-тарканы лыктй шуыса...' [Библия 2013, 1260]; *...и тутъ вспомнишь, что братъ твой имѣеть нѣчто на тебѣ* '...отысэнь-но тодадь-кэ тыныдъ лыктôзь, бецэ тынадъ, шуиса, макэ тонъ-выладъ уродъ малпá' [ЕвангМф. Гл. 1847, 25] – '...отысэнь-но тодадь-кэ лыктôзь, бироу-эдъ, тонъ вылэ марь-кэ малпá' [ЕвангМф. Сар. 1847, 25] – '...отысен тодад лыктйз ке, братэдлэн тыныд кыче ке но кôтжожез ванъ шуыса...' [Библия 2013, 1260]; *И говоритъ имъ Исусъ: вѣруете ли, что Я могу это сдѣлать?* 'Исусъ-но вера соосъ-лы: осыкыськыды-а, мынамъ лудозъ, шуиса, тае быгатыны?' [ЕвангМф. Гл. 1847, 60] – 'Вера-но соосъ-лы Исусъ: осыкыськыды-а, мынамъ лудозъ, тае быгатыны?' [ЕвангМф. Сар. 1847, 60] – 'Исус соослы шуиз: «Осыкыськыды-а, Мон тае лэсьтыны быгатъсько шуыса»' [Библия 2013, 1267]; *Въ тотъ день приступили къ Нему Саддукеи, которые говорятъ, что нѣтъ воскресенія* 'Со нуналэ лыктызы Со-дорэ Саддукейіодъ, кудыіодъ вералô, кулэмьіодъслэнь улзіонъ угъ-лү-шуиса' [ЕвангМф. Гл. 1847, 173] – 'Со нуналэ матэтскызы Со-дорэ Саддукёосъ, кудыіодъ вералô, улзіонъ угло' [ЕвангМф. Сар. 1847, 173] – 'Со нуналэ Исус доры улзыса султон ôвôл шуисъ саддукейёс лыктыса...' [Библия 2013, 1288]. В последнем примере из Библии наблюдается замена придаточной части отглагольным оборотом.

6. В отличие от современного удмуртского литературного языка, в текстах Евангелий обоих наречий представлены лексемы *шу* или *бонь* вместо современного *шуыса*, например: *...знайте, что*

близко, при-дверяхъ ‘...тодэ, матынь шусà, эсь-дорынь’ [ЕвангМф. Гл. 1847, 192] – ‘...тодэ, матынь, шу, эсь-дорынь’ [ЕвангМф. Сар. 1847, 192] – ‘...тодэлэ, матэ, өс выжые, вуиз ини шуыса’ [Библия 2013, 1292]; ...я зналь тебѣ, что ты человекъ жестокой... ‘...монь тоды тонэ, тонь лёкъ адямй шусà...’ [ЕвангМф. Гл. 1847, 200] – ‘...монь тоды тонэ, тонь лёкъ адямй **бонь**...’ [ЕвангМф. Сар. 1847, 200] – ‘Мон тодйско вал, тон лек адями шуыса...’ [Библия 2013, 1294]; *Ибо онъ зналь, что предали Его изъ зависти* ‘Тодызь бень, вожьякисà солы сiотызы, шу, Соэ’ [ЕвангМф. Гл. 1847, 221] – ‘Тодызь бонь, вожьякисà Солы сiотызы Соэ’ [ЕвангМф. Сар. 1847, 221] – ‘Со тодэ вал уго, Иисусэз вожьясь-кеменызы сэрэн кутыса сѣтйзы шуыса’ [Библия 2013, 1298].

7. Имеется также ряд примеров, где союз *шуыса* не используется ни в одном из источников: *Какъ не разумѣете, что Я не о хлѣбѣ сказалъ вамъ...* ‘Кызи бень удь вáласькэ ти, Монь нянь-ласянь эй вѣра тилѣдлы...’ [ЕвангМф. Гл. 1847, 122] – ‘Кызи удь вáласькэ, Монь нянь-ласянь эй-вѣра тилѣдлы...’ [ЕвангМф. Сар. 1847, 122] – ‘Кызы уд валаське, нянь сярись ой вера ук Мон тиледлы...’ [Библия 2013, 1278]; *Но я вамъ сказываю, что Илія уже пришель...* ‘Монь бень вераськò тиледь-лы, Илія лыктызь-иний...’ [ЕвангМф. Гл. 1847, 129] – ‘Монь бонь вераськò тиледь-лы, Илія лыктызь-иний...’ [ЕвангМф. Сар. 1847, 129] – ‘Но тиледлы верасько: Илія ветлиз ини...’ [Библия 2013, 1280]; *Потому сказываю вамъ, что отнимется отъ васъ Царствіе Божіе...* ‘Со понна вераськò тилѣдлы, бастськòзь тилесьтѣдъ Инмарь-лѣнь дуньяэзь...’ [ЕвангМф. Гл. 1847, 168] – ‘Со понна вераськò тиледлы, бастськòзь тилесьтѣдъ Инмарь-лѣнь дунья-эзь...’ [ЕвангМф. Сар. 1847, 168] – ‘Соин ик тиледлы верасько: тй дорысь Инмар Эксэйлык бастйськоз...’ [Библия 2013, 1287]; *Сказываю же вамъ, что не буду отнынѣ пить отъ плода сего винограднаго до того дня...* ‘Вераськò бень тиледлы, угь-ю-ни таберэ та виноградъ эмышь-лэсь со нуналь-òзь...’ [ЕвангМф. Гл. 1847, 209] – ‘Вераськò бонь тиледлы, угь-ю-ни таберэ та виноградъ эмышь-лэсь со нуналь-òзь...’ [ЕвангМф. Сар. 1847, 209] – ‘Тиледлы верасько: <...> та виноград эмышлэсьсэ винаез Мон уг ни юы’ [Библия 2013, 1296].

Сопоставительный анализ письменных памятников первой половины XIX в. с современным текстом перевода Библии позволяет сделать следующие выводы:

а) изъяснительные придаточные предложения современного удмуртского языка могут вступать в синонимичные отношения с отглагольными беспослеложными и послеложными конструкциями, а также с бессоюзными предложениями, где под синтаксическими синонимами рассматриваются, как отмечает Е. М. Галкина-Федорук, «конструкции, в которых содержится тождественное общесмысловое значение, создаваемое словами, лексически близкими по значению, выполняющими одинаковую функцию, но структурно различно организованных, одинаково способных замещать одна другую» [Галкина-Федорук 1958, 8];

б) с точки зрения диахронии, в связи с заменой отглагольных беспослеложных и послеложных конструкций на изъяснительные придаточные предложения, что особенно характерно для южноудмуртского ареала, в современном литературном языке частотность употребления сложноподчиненных предложений увеличилась;

в) в первой половине XIX в. помимо используемых в грамматическом строе удмуртского языка средств выражения изъяснительных отношений использовались также лексемы *шу* и *бонь*.

Таким образом, синтаксическая синонимия активно используется в разных языковых ситуациях, в частности, при замене сложноподчиненных изъяснительных предложений синонимическими конструкциями.

ЛИТЕРАТУРА

Безенова М. П. Фонетические особенности памятников удмуртской письменности религиозного характера первой половины XIX века в сопоставлении с современными диалектами // Урало-алтайские исследования. 2014. №1 (12). С. 22–43.

Безенова М. П. Удмуртский вокализм первого слога в историческом аспекте (на материале памятников письменности и современных диалектов): Автореф. дис. канд. фил. наук. Москва, 2015. 21 с.

Библия. Хельсинки: Библиез берыктонъя Институт. Ижкар, 2013. 1696 с.

Галкина-Федорук Е. М. О синонимии в русском языке. Москва: Просвещение, 1958. 135 с.

ЕвангМф. Гл. 1847; ЕвангМк. Гл. 1847 – Господа нашего Иисуса Христа Евангелия отъ св. Евангелистовъ Матфея и Марка на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія. Казань, 1847. 138 с.

ЕвангМф. Сар. 1847 – Господа нашего Иисуса Христа Евангелие отъ св. евангелиста Матфея: на рус. и вотяцкомъ яз., сарапул. наречія. Казань: печ. в тип. Императ. Казан. ун-та, 1847. 234 с.

Золотова Г. А. Синтаксическая синонимия и культура речи // Актуальные проблемы культуры речи. Москва: Наука, 1970. С. 178–217.

Ившин Л. М. Традиционное и диалектное в памятниках удмуртской письменности первой половины XIX века // Вестник Чувашского университета. 2008. № 1. С. 169–173. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnoe-i-dialektnoe-v-pamyatnikah-udmurtskoj-pismennosti-pervoy-poloviny-xix-veka> (дата обращения: 22.02.2022).

Ившин Л. М. Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века. Екатеринбург; Ижевск: УрО РАН, 2010. 234 с.

Ившин Л. М. Еще раз к вопросу о времени публикации первых книг на удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. № 2. С. 216–222.

Ившин Л. М. О некоторых названиях деревьев в письменных памятниках удмуртского языка XVIII века // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16. № 3. С. 387–396.

Качанова Л. А. Синтаксическая синонимия русских предложений в пределах изофункционального ряда «сложноподчиненное-простое предложение» (Когнитивно-синтаксический аспект): Дисс. ... канд. фил. наук. Ставрополь, 2006. 145 с.

Кельмаков В. К. О языке и стиле первопечатного Евангелия от Матфея на «сарапульском наречии» удмуртского языка I // Permiek, finnek, magyarok. Írások Szij Enikő 60. születésnapjára (Urálisztikai Tanulmányok 14). Budapest, 2004. С. 537–546.

Кельмаков В. К. Об «орфографии» первопечатного Евангелия от Матфея на «сарапульском наречии» удмуртского языка // Вестник Удмуртского университета: Филологические науки. 2007. № 5. Вып. 1. С. 17–24.

Копров В. Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. Воронеж: Издатель О. Ю. Алейников, 2010. 328 с.

Максимов Л. Ю. О грамматической синонимии в русском языке // Русский язык в национальной школе. 1966. № 2. С. 6–10.

Пешковский А. М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы. Москва: Гос. акад. художеств. наук, 1927. 68 с.

Плотникова Г. С. Синонимия сложноподчиненных и простых предложений в современном русском языке: Дисс. ... канд. фил. наук. Таганрог, 2003. 150 с.

Синелева А. В. Синтаксическая синонимия: описание синонимии словосочетаний и предложений на материале художественных текстов // Вестник российского культурного центра в Будапеште: Сборник материалов XXIV Международной научно-практической конференции «Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания». Будапешт: Российский центр науки и культуры в Будапеште, 2019. С. 285–295. URL: <http://www.ruscenter.hu/uploads/content/hash80/415.pdf> (дата обращения: 08.02.2022).

Шведова Н. Ю. О понятии синтаксического ряда // Историко-филологические исследования: сб. ст. к 75-летию акад. Н. И. Конрада. Москва: Наука, 1967. С. 209–213.

Яковлева Г. А. Использование грамматической синонимии при изучении синтаксиса. Псков: ПГПИ, 2004. 56 с.

Findra J. From functional potential of syntactic synonymy // Slovenská reč (Slovak Language). 2008. Vol. 73. Iss. 1. P. 7–14.

Gugán K. Syntactic synonymy: A case study // Acta Linguistica Hungarica. 2002. Vol. 49. № 1. P. 23–49. URL: <https://www.jstor.org/stable/26189790> (дата обращения: 10.03.2022).

Kiss S. A mondatnyi szinonímia szerkezete és átépülésének tényezői // Állapot és történet – szinkrónia és diakrónia – viszonya a nyelvben. 1993. P. 115–119.

Поступила в редакцию 01.11.2022

Уткина Александра Филипповна,

кандидат филологических наук, младший научный сотрудник,

Удмуртский институт истории, языка и литературы

УдмФИЦ УрО РАН

426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

E-mail: sandra199608@rambler.ru

A.F. Utkina

**SYNTACTIC SYNONYMY OF EXPLANATORY SUBORDINATE CLAUSES
(ON THE MATERIAL OF WRITTEN MONUMENTS OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY)**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-52-59

The article examines the phenomenon of syntactic synonymy of complex sentences, which express explanatory relations, based on the material of written monuments of the first half of the XIX century, as well as the modern Bible. There are

various approaches in linguistics in relation to this phenomenon. The issues of syntactic synonymy are raised in the works of Russian and foreign linguists (A. M. Peshkovsky, G. A. Zolotova, V. Yu. Koprov, L. Yu. Maksimov, K. Gugán, S. Kiss, J. Findra, etc.). Formal peculiarities of this phenomenon are also highlighted: the identity of lexical composition; common grammatical meaning; difference in structure. Syntactic synonymy is characterized by the possibility of the emergence of predicative units in the language, which are similar in semantics and capable of replacing each other in the context. In this article, we are based on a concept that considers syntactic synonyms at different levels and identifies synonymous constructions of the same level. Special attention is paid to the synonymy of complex sentences, the subordinate parts of which can be transformed into simple sentences using participial and adverbial phrases. On the basis of comparison and analysis of linguistic data, the following results were obtained: explanatory subordinate clauses of the modern Udmurt language can enter into synonymous relations with verbal non-syllabic and post-syllabic constructions, as well as with [conjunctionless](#) sentences; the frequency of the use of complex sentences increased, considering the replacement of verbal non-syllabic and post-syllabic constructions with explanatory subordinate clauses in the diachronic aspect; the examples show the multiple use of the tokens *shu* and *bon*.

Keywords: syntactic synonymy, complex sentences, explanatory subordinate clauses, written monuments, the Bible, diachrony, verbal non-syllabic constructions, verbal post-syllabic constructions.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 1, pp. 52-59. In Russian.

REFERENCES

Bezenova M. P. *Foneticheskie osobennosti pamyatnikov udmurtskoi pis'mennosti religioznogo kharaktera pervoi poloviny XIX veka v sopostavlenii s sovremennymi dialektami* [Phonetic features of the Udmurt religious texts of the first half of the XIX century in comparison with the modern dialects]. *Uralo-altaiskie issledovaniya* [Ural-Altai Studies], 2014, no. 1 (12), pp. 22–43. In Russian.

Bezenova M. P. *Udmurtskii vokalizm pervogo sloga v istoricheskom aspekte (na materiale pamyatnikov pis'mennosti i sovremennykh dialektov): Avtoref. dis. kand. fil. nauk.* [Udmurt vocalism of the first syllable in the historical aspect (based on the material of monuments of writing and modern dialects). Extended abstract of Cand. phil. sci. diss.]. Moscow, 2015. 21 p. In Russian.

Bibliya – Bibliya [The Bible]. Helsinki, Bibliyazet beryktonya Institut Publ. Izhevsk, 2013. 1696 p. In Udmurt.

Galkina-Fedoruk E. M. *O sinonimii v russkom yazyke* [About synonymy in Russian]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1958. 135 p. In Russian.

EvangMf. Gl. 1847; EvangMk. Gl. 1847 – *Gospoda nashego Iisusa Khrista Evangeliya ot sv. Evangelistov Matfeya i Marka na russkom i votyatskom yazykakh, Glazovskago narechiya* [Our Lord Jesus Christ the Gospel of St. of the Evangelists Matthew and Mark in Russian and Votsk languages, of Glazov dialect]. Kazan, 1847. 138 p. In Russian and in Udmurt.

EvangMf. Sar. 1847 – *Gospoda nashego Iisusa Khrista Evangelie ot sv. evangelista Matfeya: na rus. i votyatskom yaz., sarapul. narechiya* [Our Lord Jesus Christ the Gospel of St. of the Evangelist Matthew in Russian and Votsk languages, of Sarapul dialect]. Kazan, pech. v tip. Imperat. Kazan. un-ta Publ., 1847. 234 p. In Russian and in Udmurt.

Zolotova G. A. *Sintaksicheskaya sinonimiya i kul'tura rechi* [Syntactic synonymy and speech culture]. *Aktual'nye problemy kul'tury rechi* [Actual problems of speech culture]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 178–217. In Russian.

Ivshin L. M. *Traditsionnoe i dialektnoe v pamyatnikakh udmurtskoi pis'mennosti pervoi poloviny XIX veka* [Traditional and dialectological elements in the monuments of written Udmurt of the first half of the XIX century]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2008, no. 1, pp. 169–173. In Russian. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnoe-i-dialektnoe-v-pamyatnikah-udmurtsoy-pismennosti-pervoy-poloviny-xix-veka> (accessed 22 February 2022).

Ivshin L. M. *Stanovlenie i razvitie udmurtskoi grafiki i orfografii v XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Formation and development of Udmurt graphics and orthography in the XVIII – first half of the XIX century]. Ekaterinburg; Izhevsk, UrO RAN Publ., 2010. 234 p. In Russian.

Ivshin L. M. *Eshche raz k voprosu o vremeni publikatsii pervykh knig na udmurtskom yazyke* [Revisiting the question about the time of publication of the first books in the Udmurt language]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2019, vol. 13, iss. 2, pp. 216–222. In Russian.

Ivshin L. M. *O nekotorykh nazvaniyakh derev'ev v pis'mennykh pamyatnikakh udmurtskogo yazyka XVIII veka* [On some names of trees in written monuments of the Udmurt language of the XVIII century]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2022, vol. 16, iss. 3, pp. 387–396. In Russian.

Kachanova L. A. *Sintaksicheskaya sinonimiya russkikh predlozhenii v predelakh izofunktsional'nogo ryada «slozhnopodchinennoe-prostoe predlozhenie» (Kognitivno-sintaksicheskii aspekt): Diss. ... kand. fil. nauk.* [Syntactic synonymy of Russian sentences within the isofunctional series "compound-simple sentence" (Cognitive-syntactic aspect). Cand. phil. sci. diss.]. Stavropol', 2006. 145 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *O yazyke i stile pervopechatnogo Evangeliya ot Matfeya na «sarapul'skom narechii» udmurtskogo yazyka I* [About the language and style of the first printed Gospel of St. Matthew in the "Sarapul dialect" of the Udmurt language I]. *Permiek, finnek, magyarok. Írások Szij Enikő 60. születésnapjára (Uralisztikai Tanulmányok 14)* [Permians, Finns, Hungarians. To the 60th anniversary of Szij Enikő (Uralistic Studies 14)]. Budapest, 2004, pp. 537–546. In Russian.

Kel'makov V. K. *Ob «orfografii» pervopechatnogo Evangeliya ot Matfeya na «sarapul'skom narechii» udmurtskogo yazyka* [About the "spelling" of the first printed Gospel of St. Matthew in the "Sarapul dialect" of the Udmurt language]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta: Filologicheskie nauki* [Bulletin of Udmurt University: Philological sciences], 2007, no. 5, iss. 1, pp. 17–24. In Russian.

Koprov V. Yu. *Semantiko-funktsional'nyi sintaksis russkogo yazyka v sopostavlenii s angliiskim i vengerskim* [Semantic and functional syntax of the Russian language in comparison with English and Hungarian]. Voronezh, Izdatel' O. Yu. Aleinikov Publ., 2010. 328 p. In Russian.

Maksimov L. Yu. *O grammaticheskoi sinonimii v russkom yazyke* [About grammatical synonymy in the Russian language]. *Russkii yazyk v natsional'noi shkole* [The Russian language in the national school], 1966, no. 2, pp. 6–10. In Russian.

Peshkovskii A. M. *Printsipy i priemy stilisticheskogo analiza i otsenki khudozhestvennoi prozy* [Principles and techniques of stylistic analysis and evaluation of fiction]. Moscow, Gos. akad. khudozhestv. nauk Publ., 1927. 68 p. In Russian.

Plotnikov G. S. *Sinonimiya slozhnopodchinennykh i prostykh predlozhenii v sovremennom russkom yazyke: Diss. ... kand. fil. nauk.* [Synonymy of complex and simple sentences in the modern Russian language. Cand. phil. sci. diss.]. Taganrog, 2003. 150 p. In Russian.

Sineleva A. V. *Sintaksicheskaya sinonimiya: opisanie sinonimiki slovosochetanii i predlozhenii na materiale khudozhestvennykh tekstov* [Syntactic synonymy: description of synonymy of phrases and sentences based on the material of literary texts]. *Vestnik rossiiskogo kul'turnogo tsentra v Budapeshte: Sbornik materialov XXIV Mezhunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sovremennyi russkii yazyk: funktsionirovanie i problemy prepodavaniya»* [Bulletin of the Russian Cultural Center in Budapest: Collection of materials of the XXIV International Scientific and Practical Conference "Modern Russian: functioning and problems of teaching"]. Budapest, Rossiiskii tsentr nauki i kul'tury v Budapeshte Publ., 2019, pp. 285–295. In Russian. URL: <http://www.ruscenter.hu/uploads/content/hash80/415.pdf> (accessed 8 February 2022).

Shvedova N. Yu. *O ponyatii sintaksicheskogo ryada* [About the concept of a syntactic line]. *Istoriko-filologicheskie issledovaniya: sb. st. k 75-letiyu akad. N. I. Konrada* [Historical and philological research: collection of articles on the 75th anniversary of the Academician N. I. Konrad]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 209–213. In Russian.

Yakovleva G. A. *Ispol'zovanie grammaticheskoi sinonimii pri izuchenii sintaksisa* [The use of grammatical synonymy in the study of syntax]. Pskov, PGPI Publ., 2004. 56 p. In Russian.

Findra J. From functional potential of syntactic synonymy. *Slovenská reč (Slovak Language)*, 2008, vol. 73, iss. 1, pp. 7–14. In English.

Gugán K. Syntactic synonymy: A case study. *Acta Linguistica Hungarica*, 2002, vol. 49, no. 1, pp. 23–49. In English and Hungarian. URL: <https://www.jstor.org/stable/26189790> (accessed 10 March 2022).

Kiss S. *A mondattani szinonímia szerkezete és átépülésének tényezői* [Structure and factors of reconstruction of syntactic synonymy]. *Állapot és történet – szinkronia és diakronia – viszonya a nyelvben* [State and history – synchrony and diachrony – relationship in language], 1993, pp. 115–119. In Hungarian.

Received 01.11.2022

Utkina Alexandra Filippovna,

PhD in Philology, Research Assistant, Department of Philological Researches, Udmurt Institute of History, Language and Literature;

UdmFRC, Ural Branch, Russian Academy of Sciences
4, Lomonosova str., Izhevsk, Russian Federation, 426004;
E-mail: sandra199608@rambler.ru

Фольклористика

УДК: 398(=511.131)(045)

И. В. Пчеловодова, А. В. Анисимов

АЛНАШСКИЙ КОМПОНЕНТ В ПЕСЕННОЙ ТРАДИЦИИ КРАСНОЯРСКИХ УДМУРТОВ¹

Статья посвящена анализу музыкально-песенной традиции красноярских удмуртов, относящихся к сибирской группе удмуртов. Основное внимание сосредоточено на сравнительном исследовании материнской и переселенческой традиций выходцев из Алнашского района Удмуртии. Материалом послужили экспедиционные записи за 1974, 1983, 1989, 2005, 2009 и 2020 гг. в Красноярский край и Алнашский район Удмуртской Республики, хранящиеся в Научно-отраслевом архиве Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН. Методология исследования опирается на филологические и этномузыковедческие подходы.

Как показали результаты, одним из архаичных напевов, зафиксированных в песенной традиции красноярских удмуртов, является календарный напев *Быдӟым куалаын вӧсь гур* – напев моления в Великом святилище. Сравнительный анализ с двумя аналогичными напевами материнской традиции (д. Кузубаево Алнашского района УР) показал их идентичность при некоторых вариантах на уровне ритмики и мелодии. Гостевые напевы, зафиксированные в 1974 г. в Красноярском крае, не удалось обнаружить в коренной традиции, что объяснимо особенностями бытования песен гостевой традиции: каждая хозяйка при встрече гостей исполняла свой напев. Кроме того, сама обстановка при встрече с близкими людьми способствовала открытости системы и включения в нее разных по эмоциональному наполнению песен. Общие черты гостевых напевов обеих традиций прослеживаются на уровне мотивов поэтического текста, музыкальных особенностей (звукоряда, ритмики, типа исполнительского мышления). Среди необрядовых песен в обеих традициях зафиксировано три одинаковых образца. Остальные песни необрядового пласта сибирских удмуртов построены на традиционных мотивах прошлой молодости, но с характерными для данной территории образами, а также на мотивах социалистического характера.

В целом в песенной традиции красноярских удмуртов, выходцев из Алнашского района УР (д. Кузубаево), зафиксированы характерные для южноудмуртского музыкального фольклора песенные жанры, но со своими “сибирскими” чертами.

Ключевые слова: удмурты, сибирские удмурты, музыкально-песенный фольклор, переселенческая традиция, материнская традиция, обрядовые напевы, необрядовые песни

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-60-76

Красноярские удмурты, согласно этнографическим данным, относятся к сибирской группе удмуртов [Владыкин 1976; Атаманов 2004; Атаманов 2008]. Основными причинами обретения новой родины стали аграрная реформа П. А. Столыпина в начале XX столетия (1910–1912 гг.) и раскулачивание в период коллективизации (конец 20-х–30-е гг. XX века). Третья причина связана с добровольным переселением (середина прошлого столетия).

Основную массу прибывших в Красноярский край составили переселенцы с северных районов Удмуртской Республики (далее УР) – Шарканского, Игринского, Красногорского, Юкаменского и Глазовского районов. Если шарканские удмурты были в потоке первых поселенцев (1910–1913 гг.), то игринские удмурты составили второй и третий потоки (1921–1925 гг., 1930–1939 гг.). Компактно удмурты расселились в Козульском, Бирилюсском и Большеулуйском районах Красноярского края (в Козульском районе удмуртских деревень на сегодняшний день нет). В настоящее время в Бирилюсском и Большеулуйском районах проживают в основном выходцы из Игринского района Удмуртии. В 30-е и 60-е годы прошлого столетия в эти места переселились также выходцы из южных районов УР – это Алнашский, Граховский районы. Однако Граховские удмурты вскоре вернулись

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10113 «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов», рук. Шахов П. С.).

на родину [Атаманов 2004: 79]. Выходцы из Алнашского района (бывшая Варзи-Ятчинская волость Елабужского уезда) основали свою деревню в Бирилюсском районе Красноярского края – это д. Володарка (сегодня ее не существует) [Атаманов 2008: 188]. В настоящее время потомки переселенцев проживают в разных населенных пунктах Красноярского края.

Песенная традиция красноярских удмуртов нами рассмотрена в статьях «Из “России” в Сибирь... Современные экспедиционные заметки об удмуртах Красноярского края» [Пчеловодова, Анисимов 2021], «Музыкально-песенный фольклор переселенческой традиции удмуртов Красноярского края» [Пчеловодова, Анисимов, Софронова 2021]. Основное внимание акцентировалось на музыкальном фольклоре выходцев из северных районов УР, так как именно они преобладают в Красноярском крае. В настоящем исследовании мы сосредоточим свое внимание на музыкально-песенной традиции выходцев из Алнашского района УР – это дд. Кузебаево, Муважи, Черный Ключ, Варзи-Пельга [Атаманов 2008: 188]. При этом подавляющее большинство составляют удмурты из д. Кузебаево.

Материалом для исследования послужили экспедиционные записи 1974 и 2020 гг. в Красноярский край, которые хранятся в Научно-отраслевом архиве (далее НА) Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН (далее УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН) под №№ МЛ 34 и 218. Участниками экспедиции 1974 г. (это преподаватели и студенты Удмуртского государственного университета под руководством В. Е. Владыкина и сотрудники Удмуртского научно-исследовательского института (ныне УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН) были обследованы поселок Рассвет и д. Камышовка Бирилюсского района, д. Шарыповка и станция Кытат Большеулуйского района Красноярского края. В 2020 г. экспедиция научных сотрудников УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН совместно с сотрудниками Института филологии Сибирского отделения РАН и Эстонского литературного музея (г. Тарту) посетила два западных района по следам прошлой экспедиции – Бирилюсский (с. Суриково, куда переселились удмурты из дд. Камышовка, Верх-Суразово, Володарка и др., и пос. Рассвет) и Большеулуйский (пос. Кытат, д. Шарыповка) районы. В этой экспедиции удалось пообщаться с некоторыми потомками южных удмуртов из д. Кузебаево Алнашского района УР в д. Шарыповка Большеулуйского района и с. Суриково Бирилюсского района. Открытием данной экспедиции стала информация о проживании удмуртов-переселенцев в Дзержинском районе (д. Чемурай и пос. Орловка), расположенном в восточной части Красноярского края.

В д. Кузебаево Алнашского района УР сотрудниками УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН было совершено пять фольклорно-этнографических экспедиций: в 1983 (МЛ 52), 1989 (МЛ 104), 2005 (МК 195), 2009 (коллекция под № 207) и 2020 гг. (коллекция под № 220). Наряду с сотрудниками и аспирантами института, в состав экспедиций вошли преподаватели Удмуртского государственного университета, Пермского института культуры, сотрудники Эстонского литературного музея (г. Тарту).

Песенная традиция красноярских удмуртов

Ярким наследием музыкально-песенной традиции красноярских удмуртов (выходцев из Алнашского района) является календарный напев *Быдзым куалаын вось гур* – напев моления в Великом святилище, который был зафиксирован в 1974 г. от жителей станции Кытат Большеулуйского района Красноярского края. Это единственный образец календарно-обрядовой традиции, а потому остановимся на нем подробнее. Для сравнительного анализа этого образца обратимся к материнской традиции.

Согласно научным исследованиям, в д. Кузебаево Алнашского района УР проживают представители трех родов: *Быдзым Куала*, *Булда* и *Луд*. Каждый из них раньше проводил моление своему покровителю: *Луд* – хозяину Дикой Природы *Луд*, *Быдзым Куала* – семейно-родовому покровителю, *Булда* – родовому божеству *Булда* [Шутова 2001: 49-55]. Сегодня в традиции д. Кузебаево сохранился только один напев рода *Быдзым Куала* (у красноярских удмуртов напев также обозначен как напев рода *Быдзым Куала*). Были ли напевы других представителей (*Луд* и *Булда*), остается неясным. В нашем распоряжении имеются записи данного напева из д. Кузебаево, сделанные в двух экспедициях – 1989 и 2020 гг.

В текстах всех трех напевов встречаются характерные для южноудмуртской традиции мотивы дружных родственных отношений:

Вõсям но(й) вõсьёсымы кабыл ке но
лу(в)из, Уз лу меда весь валче но(й),
ой,

улэммы?

Уз(ы) лу меда весь валче но(й), ой,
улэммы?

Пар(ы)сы но дурьёсын/дур(ы)ёсын
Будзымкxуаламы,

«Зеч юэлэ» шуылыса, ой(ы),
лэзъылйз.

«Зеч юэлэ» шуылыса, ой(ы),
лэзъылйз.

Освященное да наше моление если будет приня-
то/услышано [Богом],

Не сможем ли вечно вместе, ой, прожить?

Не сможем ли вечно вместе, ой, прожить?

Наше Великое святилище на [реке] Варзи,

«Хорошо торжествуйте» сказав, ой, отправило [нас].

«Хорошо торжествуйте» сказав, ой, отправило [нас].

Никонова Марфа Даутовна, ур. д. Кузубаево Алнашского района УР
Гаранькина Нина Игнатьевна, ур. д. Кузубаево Алнашского района УР
Пос. Кытат Большеулуйского района Красноярского края, 1974 г.
НА УИИЯЛ, МЛ 34, № 11

[Вõсям] но вõсьёсымы кабыл ке но лусал,

Уз лу меда весь валче но бон, ой,
улэммы?

Уз лу меда весь(ы) валче но бон, ой,
улэммы?

[Вõсям] но вõсьёсымы кабыл ке но луиз,

Ум(ы) люкиське, туганьёсы, но
даурамы,

Ум(ы) люкиське, туганьёсы, но
даурамы.

Освященное да наше моление
если бы было принято/услышано [Богом],

Не сможем ли вечно вместе да, ой, прожить?

Не сможем ли вечно вместе да, ой, прожить?

Освященное да наше моление
если будет принято/услышано [Богом],

Не расстанемся, любимые, до конца нашей жизни,

Не расстанемся, любимые, до конца нашей жизни.

Зямбекова Екатерина Зямбековна, 1918 г.р., местн.
д. Кузубаево Алнашского района УР, 1989 г.
НА УИИЯЛ, МЛ 104, № 8

В 2020 г. в д. Кузубаево нами был записан более полный текст напева. В данном образце тот же мотив родственных отношений раскрывается посредством разных образов и ситуаций:

Парсы но(й) гыркьёсын пукылйсь
вõсьёсымы,

«Зеч улэлэ, зеч ужалэ», – со шуылйз,

«Зеч улэлэ, зеч ужалэ», – со шуылйз.

Духи нашего моления, располагающиеся в
долине [реки] Варзи,

«Хорошо живите, хорошо работайте», – они
сказали,

«Хорошо живите, хорошо работайте», – они
сказали.

Асьмен но(й) та валче, ой, но (й)улэммы
Адямлэсь өвёл ук но, ой, Иньмарлэсь,
Адямлэсь өвёл ук но, ой, Иньмарлэсь.

Наше да это совместное, ой, да житьё-бытьё
Не от человека да, ой, от Иньмара² [даровано],
Не от человека да, ой, от Иньмара [даровано].

Иньмын но(й) кизьыли, ву вылын бубыли,
Эн люк, Иньмаре, та яратон
бöлякьёслэсь,

На небосклоне да звезды, [а] над водой бабочки,
Не разлучи, мой Иньмар, с любимыми
родственниками,

Эн люк, Иньмаре, та яратон
бöлякьёслэсь.

Не разлучи, мой Иньмар, с любимыми
родственниками.

Вõсям но(й) вõсьёсымы кабыл ке луылйз,

² Иньмар – теоним верхнего бога-небожителя.

Уз лу меда, весь валче но, ой, улэммы?
Уз лу меда, весь валче но, ой, улэммы?

Парсы но(й) гырѣсын пукылїсь
воршудмы,

«Ѕеч улэлэ», – шуылыса со лэзьылїз,
«Ѕеч улэлэ(й)», – шуылыса со лэзьылїз.

Асьмен кадъ но йѣно вѣсьнерге бѣлякѣс,
Шер анайлэн, шер атайлэн, ой, луылоз,

Шер анайлэн, шер атайлэн, ой, луылоз.

Освященное да наше моление если будет принят
благодарно,
Не сможем ли всегда вместе да, ой, прожить?
Не сможем ли всегда вместе да, ой, прожить?

Наш воршуд³, располагающийся в долине [реки]
Варзи,
«Хорошо живите», – сказав, отправил [нас],
«Хорошо живите», – сказав, отправил [нас].

Как наша да статная родня на обряде моления,
У редкой матери, у редкого отца, ой, найдется
(букв. будет),
У редкой матери, у редкого отца, ой, найдется.

Фольклорный ансамбль «Берекет»
д. Кузубаево Алнашского района УР, 2020 г.
НА УИИЯЛ, коллекция 220, № 89

Музыкальный анализ напевов подтвердил их родственность. В основе звукоряда – тетрахорд в объеме квинты (условно обозначим как с-d-e-g). Ритмический период складывается из сочетаний 3-4-х слоговых групп. Если первая половина периода напевов ритмически стабильна (варианты наблюдаются лишь в увеличении длительностей в ритмоформуле), то начальная 4-х слоговая группа второй половины отличается. В целом по ритмической структуре наиболее близки друг другу напевы 1989 и 2020 гг. записи:

1974 г.

1989 г.

2020 г.

Мелодический контур напевов аналогичен, однако каждый из них имеет свое исполнительское воплощение. Последний вариант отличается от предыдущих более «упрощенной» мелодией, исчезает распев в конце первого музыкального периода-строки (пример 3). Еще одной особенностью двух первых образцов является так называемое архаичное интонирование третьей ступени. В нашем случае это вторая повышенная ступень (примеры 1, 2):

³ Воршуд – дух-покровитель рода.

Пример 1

Быдзым куалаын вось гур Напев моления в Великом святилище

♩ = 66

Вõ-сям но(й) вõсь-ёс-мы ка-был ке но лу - (в)из,
 уг лу ме - да весь вал - че но(й), ой, у - лэм - мы,
 уг(ы) лу ме - да весь вал - че но(й), ой, у - лэм - мы.
 дурь - ё - сын Пар(ы)-сы но дур(ы)-ё - сын Буд - зым куа - ла - мы
 "Зеч ю - э - лэ", шу - ы - лы - са, ой(ы) лэ - зы - лйз,
 "Зеч ю - э - лэ", шу - ы - лы - са, ой(ы) лэ - зы - лйз.

Никонова Марфа Даутовна, ур. д. Кузубаево Алнашского района УР
 Гаранькина Нина Игнатьевна, ур. д. Кузубаево Алнашского района УР
 Пос. Кытат Большеулуйского р-на Красноярского края, 1974 г.
 НА УИИЯЛ, МЛ 34, № 11

Пример 2

Вõсьнерге гур Напев моления

♩ = 114

Вõ-сям] но вõсь-ёс-мы ка-был ке но лу - сал,
 уз лу ме - да весь вал - че но бон, ой, у - лэм - мы,
 уз лу ме - да ве-сь(ы) вал - че но бон, ой, у - лэм - мы.
 Вõ-сям но вõсь-ёс-мы ка-был ке но лу - из,
 ум(ы) лю - кись - ке, ту - гань - ё - сы, но да - у - ра - мы,
 ум(ы) лю - кись - ке, ту - гань - ё - сы, но да - у - ра - мы.

Зямбекова Екатерина Зямбековна, 1918 г.р.
 д. Кузубаево Алнашского района УР, 1989 г.
 НА УИИЯЛ, МЛ 104, № 8

Пример 3

Вось гур

Напев моления

♩ = 96

Пар-сы но(й) гыр-кьё-сын пу- кы- лйсь вё-сьёс-мы,
 «Эеч у - лэ - лэ, эеч у - жа - лэ», - со шу - ы - лйз,
 «Эеч у - лэ - лэ, эеч у - жа - лэ», - со шу - ы - лйз.

Фольклорный ансамбль «Берекет»
 д. Кузубаево Алнашского района УР, 2020 г.
 НА УИИЯЛ, коллекция 220, № 89

Песни гостевого этикета представлены несколькими образцами. В традиции красноярских удмуртов эти напевы обозначены термином *юон гур* (букв.: напев пиршества), для материнской традиции более характерно определение *куно гур* – гостевой напев.

Экспедицией 1974 г. записано три гостевых напева *юон гур* (один из них не имеет народного определения, но текст явно гостевого характера). Содержание поэтического текста традиционно для южноудмуртской традиции. Здесь встречаются мотивы родственных отношений, совместной дружной жизни, полного накрытого стола, употребления алкогольных напитков как обязательной составляющей гостевания:

*Жёк вылады пуктылэм но
 Шыдды али но няньды.
 Со шыдды-(й)а, ой, няньды-(й)а,*

Мылды али но кыдды?

Поставленные на вашем столе да
 Яства (букв. суп сейчас да хлеб).
 Эти яства ли, ой, ваши [таковы] (букв. суп ли,
 хлеб ли),

Ваши сейчас да чувства-настрой?

Антонов Анатолий Николаевич, Антонова Валентина Никитична, местные
 пос. Кытат Большеулуйского района Красноярского края, 1974 г.
 НА УИИЯЛ, МЛ 34, № 9

[Ческыт сиеме] потэ,
 Чебер(ы) нулдэмэ потэ.
 Ческыт(ы) сиеме ке но(й),
 Чебер нулдэмэ потэ.
 Тй, яратон(ы) туганэным,
 Валче улэме потэ.
 Тй, яратон(ы) тугангёсын,
 Валче(й) улэме потэ.

[Вкусно поесть] хочется,
 Красиво одеваться хочется.
 Если даже вкусно кушать,
 Красиво одеваться хочется.
 С вами, любимые родные,
 Хочется в дружбе/вместе жить.
 С вами, любимые родные,
 Хочется в дружбе/вместе жить.

...
 Зар(ы)ни манет(ы) басьтылэм вал(ы),
 Чабей кидыс(ы) вузаса.
 Зар(ы)ни манет(ы) басьтылэм вал(ы),
 Чабей кидыс(ы) вузаса.
 Кур[ы]са басьтй, кур[ы]са басьтй
 Тй, туганме, Иньмарлэсь.
 Кур[ы]са басьтй, кур[ы]са басьтй
 Тй, туганме, Иньмарлэсь.

...
 Золотую монету получил,
 Продав пшеничное зерно.
 Золотую монету получил,
 Продав пшеничное зерно.
 Выпросила ведь, выпросила
 Вас, родные, у Иньмара.
 Выпросила ведь, выпросила
 Вас, родные, у Иньмара.

Григорьева Дарья Ивановна, 1919 г.р., ур. д. Кузебаево Алнашского района, здесь с 1965 г.
 пос. Рассвет Большеулуйского района Красноярского края, 1974 г.
 НА УИИЯЛ, МЛ 34, № 3

Ой, усьтэлэ, усьтэлэ капкадэс милемлы,
 Одйг чар(ы)ка винадэс валче юом.
 Одйг чар(ы)ка винадэс валче юом.

Ой, открывайте, открывайте свои ворота для
 нас, Одну стопку вашего вина совместно выпь-
 ем. Одну стопку вашего вина совместно выпь-
 ем.

Григорьева Дарья Ивановна, 1919 г.р., ур. д. Кузебаево Алнашского района, здесь с 1965 г.
 пос. Рассвет Большеулуйского района Красноярского края, 1974 г.
 НА УИИЯЛ, МЛ 34, № 4

Помимо вышеперечисленных мотивов, особенностью текстов песен обряда гостевания переселенческой традиции являются мотивы тоски по прежней родине:

Ой, мөз(ы)мисько, туж мөз(ы)мисько,
 Мак сяськалэсь мөзмисько.
 Мак сяськалэсь уг мөз(ы)миськы,
 Росси калыклэсь мөзмисько.

Ой, тоскую, очень тоскую,
 По цветам мака тоскую.
 Не по цветам мака я тоскую,
 [А] по российскому⁴ народу я тоскую.

Антонов Анатолий Николаевич, Антонова Валентина Никитична, местные
 пос. Кытат Большеулуйского района Красноярского края, 1974 г.
 НА УИИЯЛ, МЛ 34, № 9

Те же мотивы характерны и для гостевых напевов д. Кузебаево Алнашского района УР:

⁴ «Россией» сибирские удмурты, как и другие переселенческие народы Сибири, называют европейскую часть России до Уральских гор, в том числе располагающуюся на этой территории свою историческую родину Удмуртию.

Жӧк(ы)вылды но шаер боры,
Асьтэс но кашамер.
Шун(ы)тйды но либатйды,
Сюлэмме буйгатйды.

Уко-чуко бурччинь путо,
Улэ жсажы пумьёсам.
Тау, туган, отем(ы)дылы,
Рахатланйз лульёсы.

Угощения на вашем столе да [словно] клубника
из [дальних] стран,
И сами вы [дороги, словно] кашемир.
[Меня] согрели да утешили,
Мое сердце успокоили.

Шелковый кушак с кистями,
Лежит на краях моих полок.
Спасибо, родной, за ваше приглашение,
Насладилась моя душенька.

Шахтина Раиса Кузьминична, 1963 г.р.
д. Кузубаево Алнашского района УР, 2020 г.
НА УИИЯЛ, коллекция 220, № 1

Также можно выделить мотив обязательного пения:

Тй ке гынэ косылйды,
Мон кырзало(й) (й)ук али.
Уг кушты (й)али, (й)уг кушты (й)али
Тйлесьтыд но кыллэстэс.

Если только вы меня попросите,
Я сейчас [для вас] спою.
Не откажусь сейчас, не откажусь сейчас
От вашей просьбы.

Евдокимова Лукерья Николаевна, 1913 г.р.
д. Кузубаево Алнашского района УР, 1983 г.
НА УИИЯЛ, МЛ 52-1, № 6

Напевы, исполненные красноярскими удмуртами-переселенцами, не зафиксированы в материнской традиции (примеры 4-6). Лишь один из них бытует в качестве неприуроченной лирической или застольной песни с текстом «Сьӧд дэрэмме жаль уг поты...» («Черного платья мне не жаль...») (пример 5):

Пример 4

Юон гур Гостевой напев

♩ = 84

Тй я - ра- тон ту - га- нэ - ным вал-че(й) у-лэм-ме по - тэ.

Тй я - ра- тон ту- га- ньё - сын вал-че(й) у- лэм-ме по - тэ.

Григорьева Дарья Ивановна, 1919 г.р., ур. д. Кузубаево Алнашского района, здесь с 1965 г.
пос. Рассвет Бирлюсского района Красноярского края, 1974 г.
НА УИИЯЛ, МЛ 34, № 3

Пример 5

Юон гур

Гостевой напев

$\text{♩} = 84$

Жӱк вы - ла - ды пук-ты - лэм но шыд-ды а-ли но нянь-ды.

Со шыд - ды-(й)а, ой, нянь - ды-(й)а, мыл-ды а-ли, ой, кыд - ды.

Со шыд - ды-(й)а, ой, нянь - ды-(й)а, мыл-ды а-ли, ой, кыд-ды.

Антонов Анатолий Николаевич, Антонова Валентина Никитична, местные
пос. Кытат Большеулуйского района Красноярского края, 1974 г.
НА УИИЯЛ, МЛ 34, № 9

Пример 6

$\text{♩} = 78$

Ва-ло но кӯ - зя (й)ук вась - кон но ся - ин
 сю - роз(ы) ме - да пы - ры - ны, ой, пась кап - ка.
 Сю - роз ме - да пы - ры - ны, ой, пась кап - ка.
 Пы - ры - лы - ны но пась кап - ка ма-лы бон уз сю - ры?
 На - рош гы - нэ ве - рась - ко, ой, кыль - ёс - ме.
 На - рош гы - нэ ве - рась - ко, ой, кыль - ёс - ме.
 Ой, усь - тэ - лэ, усь - тэ - лэ кап-ка-дэс ми - лем - лы(й),
 о - дйг чар(ы)-ка ви - на - дэс вал-че ю - ом.
 О - дйг чар(ы)-ка ви - на - дэс вал-че ю - ом.

Григорьева Дарья Ивановна, 1919 г.р., ур. д. Кузубаево Алнашского района, здесь с 1965 г.

Второй исполнитель неизвестен
 пос. Рассвет Большеулуйского района Красноярского края, 1974 г.

НА УИИЯЛ, МЛ 34, № 4

Разнообразие гостевых напевов / песен объяснимо особенностями их бытования в южноудмуртской традиции: каждая хозяйка при встрече гостей в своем доме исполняла свой, отличный от других, напев. Кроме того, сама ситуация гостевания вызывала особенные чувства от встречи с родными, близкими людьми, которые выражались при помощи большого количества песен (не разговоров): каждый участник имел возможность озвучить свою любимую песню (примеры 7, 8). Неслучайно именно гостевые напевы преобладают среди песен обрядового пласта в удмуртской традиции.

Пример 7

Жӱксьӱр кырӱан

Застольная песня

♩ = 144

Тй ке гы - нэ ко - сы - лй - ды, мон кыр-за-ло (й)ук а - ли.
 Уг куш-ты (й)а- ли, уг куш-ты (й)а-ли тй-лесь-тыд но кыл-лӱс-тӱс.
 Уг куш-ты (й)а- ли, уг куш-ты (й)а-ли тй-лесь-тыд но кыл-лӱс-тӱс.

Евдокимова Лукерья Николаевна, 1913 г.р.
 д. Кузубаево Алнашского района УР, 1983 г.
 НА УИИЯЛ, МЛ 52-1, № 6

Пример 8

Куно гур

Гостевой напев

♩ = 228

Жӱк(ы) выл-ды но ша - ер бо - ры, ась - тэ - ёс но ка - ша - мер.
 Шун(ы)-тй - ды но ли - ба - тй - ды, сю - лэм - ме буй-га - тй - ды.
 Шун(ы)-тй - ды но ли - ба - тй - ды, сю - лэм - ме буй-га - тй - ды.

Шахтина Раиса Кузьминична, 1963 г.р.
 д. Кузубаево Алнашского района УР, 2020 г.
 НА УИИЯЛ, коллекция 220, № 1

В целом в музыкальной характеристике гостевых напевов обеих традиций можно выделить следующие общие черты: неспешный темп исполнения; ангемитонные звукоряды; типичный завершающий ритмический рисунок, построенный на трехслоговой группе с долготой на последнем слоге (бакхическая ритмоформула); гетерофонный тип многоголосия; мелодическая строфа напева складывается из двух-трех музыкальных строк повторного (АА) или неповторного (АВ) строения.

Из песен необрядового пласта экспедицией 1974 г. и 2020 г. записано несколько лирических песен, в том числе авторские песни, и частушки.

Обращает на себя внимание песня, записанная от сибирских переселенцев из д. Кузубаево экспедицией 1974 г. Она обозначена как песня уезжающего в Сибирь. Жительница д. Кузубаево Никола-

ева Анна Дмитриевна (1934 г.р.) подтвердила данную информацию, уточнив, что так пели уехавшие в Сибирь («Сибьре кошкэмъёс озьы кырзало вал») (НА УИИЯЛ, 2020, коллекция 220, № 52). В данном тексте встречается устойчивый для коренной и в целом для южноудмуртской традиции образ дерева со срубленной верхушкой, реальное воплощение которого долгое время сохранялось в рекрутском обряде. Как пишет удмуртский фольклорист Владыкина Т.Г., «Дерево со срубленной верхушкой в качестве атрибута (и лишь позднее – образа) появляется в проводных обрядах как заместитель души уходящего человека» [Владыкина 2004: 56]. То есть человек тем самым оставляет память о себе, что и объясняет появление этого образа в данной песне:

<i>Зарни меда Кызёбай но, Азвесь меда, ой, Кызёбай? Куать писпулэсь йылзэ чогса</i>	Золотое ли мое Кузебаево, Серебряное ли мое Кузебаево? Если срубить верхушки шести деревьев,
<i>Адскоз меда, ой, Кызёбай?</i>	Покажется ли за ними мое Кузебаево?
<i>Куать писпулэсь йылзэ чогса</i>	Если срубить верхушки шести деревьев,
<i>Адскоз меда, ой, Кызёбай?</i>	Покажется ли за ними мое Кузебаево?
<i>Неноку но мон ой малпа, Италмас но төлзоз шуса. Неноку но мон ой малпа, Сибьре лыкто, ой, шы(в)ыса. Неноку но мон ой малпа, Сибьре лыкто, ой, шывыса.</i>	Никогда я не думал(а), Что купава отцветет. Никогда я не думал(а), Что в Сибири буду жить. Никогда я не думал(а), Что в Сибири буду жить.
<i>Гөгöрсинни медаз(ы) но пуза, Пизэ но медаз но потта. Нянь ке кылдэм – Сибьрэ кылдэм,</i>	Голубь яиц пусть не откладывает, Птенцов пусть не высиживает. Если жить (букв.: хлеб есть) суждено – пусть в Сибири, Лишь бы умереть здесь не пришлось.
<i>Сюй таччы медаз но(й) кылды.</i>	
<i>Нянь ке кылдэм – Сибьрэ кылдэм,</i>	Если жить (букв.: хлеб есть) суждено – пусть в Сибири, Лишь бы умереть здесь не пришлось.
<i>Сюй таччы но медаз кылды.</i>	
<i>Пось аранэз араны но, Пось турынэз, ой, тур(ы)наны. Жаль(ы), Росси, люкиськыны, Кылдэм, дыр, но люкиськыны. Жаль(ы), Росси, люкиськыны, Кылдэм, дыр, но люкиськыны.</i>	Жарко жать да, Жарко сено, ой, косить. Жаль, Россия, расставаться, Суждено, наверное, да расстаться. Жаль, Россия, расставаться, Суждено, наверное, да расстаться.

Антонова Валентина Никитична
Пос. Кытат Большеулуйского района Красноярского края, 1974 г.
НА УИИЯЛ, МЛ 34, № 7

Из записанных песен у красноярских удмуртов в 1974 г. в коренной традиции нам удалось обнаружить только две: «Юг-юг жуужалоз...» («Белым-бело расцветет...»), «Кукэ но мон вал, дыр...» («Когда-то и я был(а), наверно...»), а в 2020 г. в обеих традициях зафиксирована авторская песня «Чыдонтэм тулыс уй...» («Ненасладимая весенняя ночь...», сл. И. Гаврилова, муз. И. Галкина). Если две последние песни встречаются на территории всей Удмуртии, то первая песня характерна для южноудмуртской традиции. Николаева Анна Дмитриевна (1934 г.р.) сообщила, что в д. Кузебаево она звучала во время молодежных гуляний (*шудон пöлын*):

<i>Юг-юг жсужалоз Тодьы льбмпу но сяська. Соку тодад лыктоз Гужемлэн но вуэмез. Соку тодад лыктоз Гужемлэн но вуэмез.</i>	Белым-бело расцветут Белой черемухи да цветы. Тогда осознаешь (букв.: вспомнишь), Что наступило лето. Тогда осознаешь, Что наступило лето.
<i>Їыж-йыж жсутйськоз Бакча шорын максяська. Соку тодад лыктоз Вордылэм но анаед. Соку тодад лыктоз Вордылэм анаед. Їуж-йуж усьтйськоз Возь вылын италмас. Соку тодад лыктоз Яратоно туганэд. Соку тодад лыктоз Яратон туганэд.</i>	Красным-красно зацветут Посреди огорода цветы мака. Тогда вспомнишь Свою да матушку. Тогда вспомнишь Свою да матушку. Желтым-желто расцветет На лугах купава. Тогда вспомнишь Своего любимого. Тогда вспомнишь Своего любимого.
<i>Вож-вож жсужалоз <Невнятно> дурын вож турын. Соку тодад лыктоз Турнаны но потонэд. Соку/соку тодад лыктоз Турнаны но потонэд.</i>	Зеленым-зелено взойдет Возле <невнятно> зеленая трава. Тогда осознаешь (букв.: вспомнишь), Что пришла пора сенокоса. Тогда осознаешь, Что пришла пора сенокоса.
<i>Лыз-лыз жсутйськоз Сюрес дуре лыз сяська. Соку/Соку тодад лыктоз Араны но потонэд. Соку/Соку тодад лыктоз Араны но потонэд.</i>	Синим-синим зацветет У дороги василек (букв.: синий цветок). Тогда осознаешь, Что пришла пора жатвы. Тогда осознаешь, Что пришла пора жатвы.
<i>Їыштыр(ы)-йаштыр(ы) карылоз Писпулэсь куарьёсыз. Соку тодад лыктоз Гужемлэн но (й)орччемез. Соку тодад лыктоз Гужемлэн но орччемез.</i>	Зашуршат-зашуршат Листья деревьев. Тогда поймешь, Что лето прошло. Тогда поймешь, Что лето прошло.
<i>Сьод-сьод йырсие Тодьы пурисьтаз. Соку тодад лыктоз Дауредлэн орччемез. Соку тодад лыктоз Дауредлэн орччемез.</i>	Черные-черные [мои] волосы Поседали. Тогда поймешь, Что жизнь прошла. Тогда поймешь, Что жизнь прошла.

Никонова Марфа Даутовна, ур. д. Кузубаево Алнашского района, Гаранькина Нина Игнатьевна, ур. д. Кузубаево Алнашского района, Антонов Анатолий Николаевич, Антонова Валентина Никитична, местные
Пос. Кытат Большеулуйского района Красноярского края, 1974 г.
НА УИИЯЛ, МЛ 34, № 10

Помимо названных песен в переселенческой традиции красноярских удмуртов в 1974 г. записаны две необрядовые песни, разные по сюжетному наполнению. В одной из них раскрываются мотивы прошедшей молодости. Наряду с традиционными образами (красная костяника – молодость, пожелтевшие листья – старость) здесь весьма интересен образ прыгающей плотвы как образ молодой удали. Кроме того, можно выделить редкие для коренной традиции мотивы, связанные с процессом рубки дров, актуальные, видимо, для сибирской территории:

[Ураме но мон] потій но,
Почта но валэ мон пукси.
Ой, ураме но мон потій но,
Почта но валэ но мон пукси.

Та вальёсме утёбылыны
Одйг но б(ы)ратэ мед лы(в)оз вал.
Ой, та вальёсме утётыны
Одйг но б(ы)ратэ мед лы(в)оз вал.

Мынам бамы горд намер кадь вал но,

Їуж куар кадь ик їужектїз.
Ой, мынам бамы горд намер кадь вал
но,
Їуж куар кадь ик їужектїз.

Ву вылын но тэччась чабаклэн кадь-
Пинял но мылкыды ой-а вал?
Ой, ву вылын но тэччась чабаклэн кадь

Пинял но мылкыды ой-а вал?

Сике мынї, пу корай но,
Корам но пуэ но туж тодмо.

Ой, сике мынї, пу корай но,
Корам но пуэ но туж тодмо.

Та пуосме, та корьёсме,
Ачим но ву(в)этэк эн исалэ.

Та пуосме, та корьёсме,
Ачим но ву(в)этэк эн исалэ.

Ачим вутэк исады ке,
Муртэзлэн но шедьылоз.
Ой, ачим вутэк исады ке,
Муртэзлэн но шедьылоз.

[На улицу да я] вышла да,
На почтовую лошадь я села.
Ой, на улицу да я вышла да,
На почтовую лошадь я села.

За этими лошадьми ухаживать
Был бы у меня хоть один брат.
Ой, за этими лошадьми ухаживать
Был бы у меня хоть один брат.

Мои щеки были словно красная
костяника да,
Пожелтели словно желтые листья.
Ой, мои щеки были словно красная
костяника да,
Пожелтели словно желтые листья.

Словно прыгающая да над водой плотва
Не была ли у меня молодая удаль?
Ой, словно прыгающая да над водой
плотва
Не была ли у меня молодая удаль?

Пошла в лес дрова рубить да,
Вырубленные да мною дрова очень
заметны.
Ой, пошла в лес дрова рубить да,
Вырубленные да мною дрова очень
заметны.

Эти мои дрова, эти мои бревна,
Не трогайте до моего
прихода/возвращения.
Эти мои дрова, эти мои бревна,
Не трогайте до моего
прихода/возвращения.

Если тронете без меня,
В чужие да попадутся [руки].
Ой, если тронете без меня,
В чужие да попадутся [руки].

Григорьева Дарья Ивановна, 1919 г.р., ур. д. Кузубаево Алнашского района, здесь с 1965 г.
пос. Рассвет Большеулуйского района Красноярского края, 1974 г.
НА УИИЯЛ, МЛ 34, № 5

Еще один образец своим содержанием отправляет нас в советский период существования колхозов, когда социализм воспринимался как единственно правильный вектор развития деревни. Эта песня отражает характерное для того времени настроение общества, а именно – процветание коммунистического строя:

<i>Паськыт но шур(ы) дурын Милям колхозмы. Вож-вож чебер сад(ы) Мерттом котыраз.</i>	У широкой да реки [Расположен] Наш колхоз. Зеленые-зеленые красивые сады Разобьем вокруг.
<i>Вож-вож чебер сад(ы) Мерттом котыраз. Шулдыр-шулдыр тулыс Чебер пушыйлоз.</i>	Зеленые-зеленые красивые сады Разобьем вокруг. Красна весна Красиво расцветет.
<i>Гурт выльёсмь сяськаен(ы) Шул(ы)дыр(ы)тоз. Гурт выльёсмь сяськаен(ы) Шул(ы)дыр(ы)тоз.</i>	Над нашей деревней цветами Украсит. Над нашей деревней цветами Украсит.
<i>Социализм(ы) но гуртлы(й) Вож сад(ы), горд(ы) сяська. Дан соланьлы, выль даурлы, Сад сяська. Дан соланьлы, выль даурлы, Сад сяська.</i>	Социализм для [нашей] деревни [Словно] Зеленый сад, красный цветок. Слава тому [направлению], новому веку, [Который словно] Садовый цветок. Слава тому [направлению], новому веку, [Который словно] Садовый цветок.

Григорьева Дарья Ивановна, 1919 г.р., ур. д. Кузубаево Алнашского района, здесь с 1965 г.
пос. Рассвет Большеулуйского района Красноярского края, 1974 г.
НА УИИЯЛ, МЛ 34, № 1

Выводы

Как показали результаты исследования, в песенной традиции красноярских удмуртов, выходцев из Алнашского района УР (д. Кузубаево), зафиксированы характерные для южноудмуртского музыкального фольклора песенные жанры. Одним из архаичных является календарный напев *Быдзым куалаын вёсь гур* – напев моления в Великом святилище, соответствующий аналогичному напеву коренной традиции. Анализ напевов показал их родственность при некоторых вариантах. Гостевые напевы отличаются большим разнообразием, что объясняется особенностями их бытования в южноудмуртской музыкальной культуре. Хотя в обеих традициях идентичных напевов мы не встретили, схожие черты проявляются на уровне мотивов поэтического текста и музыкальных черт. Основное количество записанных необрядовых песен в переселенческой традиции приходится на 1974 г., среди которых в коренной традиции удалось обнаружить только две песни, распространенные на территории Удмуртии («Юг-юг жужалоз...» («Белым-бело расцветет...»), «Куже но мон вал, дыр...» («Когда то и я был(а), наверно...»)), а в 2020 г. в обеих традициях зафиксирована авторская песня «*Чыдонтэм тулыс уй...*» («Ненасладимая весенняя ночь...», сл. И. Гаврилова, муз. И. Галкина). Остальные песни отличаются наличием мотивов, не зафиксированных в коренной традиции.

В целом при одинаковом жанровом наборе песен для переселенческой традиции характерно своеобразие музыкально-песенного фольклора, которое проявляется на уровне мотивов поэтического текста и некоторых музыкальных особенностях.

ЛИТЕРАТУРА

- Атаманов М. Г. Сибирская группа удмуртов // Вордскем кыл. 2004. 10. С. 76–95.
Атаманов М. Г. Сибирская группа удмуртов // Феномен Удмуртии. Т. 8. Удмуртская диаспора. М.-Ижевск: Удмуртия, 2008. С. 186–194.
Владыкин В. Е. Сибирская группа удмуртов // Этническая история народов Урала и Поволжья: (Препр. докл. и сообщ). Уфа, 1976. С. 28–30.
Владыкина Т. Г. Фольклорный текст в мифологическом контексте // Удмуртская мифология. Ижевск, 2004. С. 54–66.

Пчеловодова И. В., Анисимов Н. В. Из «России» в Сибирь... Современные экспедиционные заметки об удмуртах Красноярского края // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Вып.1. С. 45–59.

Пчеловодова И. В., Анисимов Н. В., Софронова Е. А. Музыкально-песенный фольклор переселенческой традиции удмуртов Красноярского края // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 31–49.

Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2001. 304 с.

Поступила в редакцию: 20.01.2023

Пчеловодова Ирина Вячеславовна

кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра
Уральского отделения Российской академии наук,
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: orimush@mail.ru

Анисимов Николай Владимирович

PhD/кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Институт филологии Сибирского отделения
Российской академии наук,
630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8;
научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра
Уральского отделения Российской академии наук,
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4;
научный сотрудник,
Эстонский литературный музей,
51003, Эстония, г. Тарту, ул. Ванемуйзе, д. 42.
E-mail: kyldysin@yandex.ru

I. V. Pchelovodova, N. V. Anisimov

ALNASHSKY COMPONENT IN THE SONG TRADITION OF THE KRASNOYARSK UDMURTS

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-60-76

The article analyzes musical and song tradition of the Krasnoyarsk Udmurts belonging to the Siberian group of the Udmurts. Particular attention is paid to comparative research of maternal and resettlement traditions of migrants from Alnashsky district of Udmurtia. The paper is written on expeditionary materials from Krasnoyarsk Krai and Alnashsky district taken in 1974, 1983, 1989, 2005, 2009 and 2020 years, that are stored in the Archive of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. The research methodology is based on philological and ethnomusicological approaches.

As the results showed, one of the archaic tunes recorded in the song tradition of the Krasnoyarsk Udmurts is the calendar chant *Bydgyrn kualayn vos gur* (lit. 'the great kualayn chant') - the chant of prayer in the Great Holy. Comparative analysis with two similar tunes of the maternal tradition (Kuzebaev village of Alnashsky district) showed their identity in some variants at the level of rhythm and melody. Guest melodies, recorded in 1974 in Krasnoyarsk Krai, could not be found in the indigenous tradition. It can be explained by the peculiarities of the guest tradition songs: each hostess sang her own melody when meeting guests. In addition, the atmosphere itself when meeting with close people contributed to the openness of the system and the inclusion of songs with different emotional content. Common features of guest melodies of both traditions can be traced at the level of motifs of the poetic text, musical features (scale, rhythm, type of performing thinking). Among the non-ritual songs in both traditions, three identical samples were recorded. The remaining songs of the non-ritual layer of the Southern Udmurts are built on traditional motifs of past youth, but with images characteristic of this territory, as well as on motifs of a socialist nature.

In general, song genres characteristic to south Udmurt musical folklore have been found among the Krasnoyarsk Udmurts, though with their own 'Siberian' features.

Keywords: Udmurts, Siberian Udmurts, musical and song folklore, resettlement tradition, maternal tradition, ritual melodies, non-ritual songs.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 1, pp. 60-76. In Russian.

REFERENCES

Atamanov M. G. Sibirskaja gruppa udmurtov [Siberian group of Udmurts]. *Vordskem kyl* [Native language]. 2004, n. 10, pp. 76–95. In Russian.

Atamanov M. G. Sibirskaja gruppa udmurtov [Siberian group of Udmurts]. *Fenomen Udmurtii* [The phenomenon of Udmurtia]. V. 8. Udmurt Diaspora. M.-Izhevsk: Udmurtia, 2008, pp. 186–194. In Russian.

Vladykin V. E. Sibirskaja gruppa udmurtov [Siberian group of Udmurts]. *Etnicheskaya istoriya narodov Urala i Povolzh'ya* [Ethnic history of the peoples of the Urals and the Volga region]. Ufa, 1976, pp. 28–30. In Russian.

Vladykina T. G. Fol'klornyj tekst v mifologicheskom kontekste [Folklore text in a mythological context]. *Udmurtskaya mifologiya* [Udmurt mythology]. Izhevsk, 2004, pp. 54–66. In Russian.

Pchelovodova I. V., Anisimov N. V. Iz «Rossii» v Sibir'... Sovremennyye jekspedicionnyye zametki ob udmurtah Krasnojarskogo kraja [From "Russia" to Siberia ... Modern expeditionary notes about the Udmurts of the Krasnoyarsk region]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2021, no. 1, pp. 45–59. In Russian.

Pchelovodova I. V., Anisimov N. V., Sofronova E. A. Muzykal'no-pesennyj fol'klor pereselencheskoj tradicii udmurtov Krasnojarskogo kraja [Musical and song folklore of the resettlement tradition of the Udmurts of the Krasnoyarsk Territory]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Philological Journal], 2021, № 2, pp. 31–49. In Russian.

Shutova N. I. Dohristianskie kul'tovye pamyatniki v udmurtskoj religioznoj tradicii: Opyt kompleksnogo issledovaniya [Pre-Christian religious monuments in the Udmurt religious tradition: Comprehensive research experience]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2001. 304 p. In Russian.

Received 20.01.2023

Pchelovodova Irina Vyacheslavovna

Candidate of Philological sciences, Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS,
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation
E-mail: orimush@mail.ru

Anisimov Nikolai Vladimirovich

PhD/ Candidate of Philological sciences, Research Associate, Institute of Philology, Siberian Branch of the
RAS, 8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation;
Researcher Associate, Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS, 4, Lomonosova str., Izhevsk, 426004, Russian Federation;
Researcher, Estonian Literary Museum, Vanemuise 42, 51003 Tartu, Estonia
E-mail: kyldysin@yandex.ru

Н. В. Горинова

**КОМИ ДРАМАТУРГИЯ В ЗЕРКАЛЕ РЕВОЛЮЦИИ:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОГО ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ИСКУССТВА
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА ¹**

Аннотация: статья посвящена изучению драматургии коми первой трети XX в. Здесь представлен обобщенный материал о развитии национальной драмы в период кардинальных общественных преобразований 1920-х гг. Автор концентрирует внимание на факторах, способствовавших становлению зырянской драмы и собственно коми национального театра, прежде всего выявляя значимость Социалистической революции в развитии культуры Коми края. В статье раскрывается роль действовавших в дореволюционном Усть-Сысольске любительских театров, а также воздействие фольклора народа коми на формирование основ театрального искусства в Коми. Ключевыми фигурами в развитии традиций коми драматургии в постреволюционное время становятся В. Савин, Н. Попов, В. Чисталев и М. Лебедев, зачинатели коми литературы и просветители своего народа. В статье выделены художественные направления, жанры, характерные для зырянской драматургии в 1920-1930-е гг., а также наиболее значимые в художественно-эстетическом плане пьесы. Исследователем раскрыты идейно-тематическое своеобразие пьес авторов первой трети XX в., связанные, прежде всего, с их агитационно-пропагандистской деятельностью. На начальном этапе становления коми драматургии писатели обличают традиционный образ жизни коми народа, представителей высших сословий, подвергают переосмыслению религиозные взгляды зырянина. Особое место в коми пьесах этого периода занимает женская тема, драматурги раскрывают изменение роли женщины в постреволюционном обществе, обретение ею независимости от догм прежней морали. Автор статьи выявляет эволюцию драматургии коми в отображении характера героя, ее постепенного перехода от показа готового и статичного характера к показу процесса становления советского человека.

Ключевые слова: коми драматургия, коми театр, первая треть XX в., В. Савин, Н. Попов, В. Чисталев, М. Лебедев, художественное направление, жанр, герой, двоемирие, женская тема, диалогия В. Савина, агитационно-пропагандистская деятельность, антирелигиозная тема.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-77-86

История драматургии коми насчитывает более полутора столетия. Первая пьеса на коми языке была создана еще в середине XIX в., ее автором является Иван Куратов (1839–1875), один из основоположников зырянской литературы, поэт, переводчик, исследователь коми языка. К сожалению, до читателя дошли лишь фрагменты его единственного драматургического опыта – пьесы «Пама» (1859–1860), поэтому периодом становления коми сценического искусства по праву считается первая треть XX в. 1920-е гг. ознаменованы чрезвычайно ярким и интенсивным развитием коми драматургии. К этому времени относится драматургическая деятельность Виктора Савина (Нёбдинса Виттор, 1888–1943), Николая Попова (Жугыль, 1901–1971), Вениамина Чисталева (Тима Вень, 1890–1939), Михаила Лебедева (Юсь, 1877–1951), зачинателей литературы коми и просветителей своего народа. Их творческие искания, рожденные во времена кардинальных революционных преобразований и во многом обусловленные социалистической революцией, в полной мере раскрыли эстетический потенциал коми слова, его возможности как в отображении эпохальных событий, так и в выражении тонких чувств, личных переживаний зырянина.

Становлению коми драмы в первой трети XX в. способствовала не только Великая Октябрьская Социалистическая революция. Ее расцвету также способствовали различные виды театральной деятельности, имевшие место в Коми крае еще до революции. К примеру, уже в 20-е гг. XIX в. в Усть-Сысольске (ныне г. Сыктывкар) имели место любительские театральные постановки. Их инициатором была семья сосланного в Коми край тобольского чиновника О. Ф. Ишимова. Под руководством его

¹ Работа подготовлена в рамках плановой темы «Коми литература: особенности художественного воссоздания картины мира» (FUUU-2022-0090)

дочери, Александры, местная молодежь сыграла в одном из купеческих домов комическую оперу в одном действии «Филаткина свадьба» по пьесе А. Княжина «Девушник, или Филаткина свадьба, следствии Яма и Посиделок», постановка имела успех у немногочисленного зрителя. В 1840–1850-е гг., с разрешения вологодского губернатора, в доме разорившегося усть-сысольского купца И. А. Еремеева, а затем и в здании бывшей ратуши, проходили любительские театральные представления для небольшого количества зрителей. Участниками этих спектаклей были учителя, чиновники, их жены и дочери, а также молодые люди, представители купеческих и мещанских слоев. В репертуаре этого самодеятельного театра преобладали одноактные комедии-фарсы и водевили. Позднее спектакли с участием актеров-любителей стали проходить в здании Общественного благородного семейного собрания, а в ярмарочные и праздничные дни – в Народном доме, количество зрителей, таким образом, увеличивалось. В начале XX в. репертуар театра обогатился пьесами А. Островского, Ж.-Б. Мольера, В. Шекспира, М. Горького, инсценировками рассказов А. Чехова. Кроме того, в Народном доме Усть-Сысольска давали представления приезжие артисты из Вологды и Санкт-Петербурга.

К началу XX в. относится творческая деятельность Агнии Сухановой (1884–1925), первой коми детской писательницы, переводчицы и общественного деятеля. Закончив Небдинское двухклассное училище и Усть-Сысольскую прогимназию, она долгое время преподавала в сельских школах Усть-Сысольского уезда (в нынешнем Корткеросском и Усть-Куломском районах РК). В школе с. Корткерос ею был создан драматический кружок, участниками которого – учениками и учителями – были поставлены любительские спектакли на коми языке. С этой целью писательницей были переведены на родной язык пьесы для детей Кл. Лукашевич «Веселые дни», «Дед Мороз» и «Трубочист». Вместе с друзьями А. Суханова перевела на коми две драмы А. Островского – «Бедность не порок» («Гольдун абу омольтор») и «Не так живи, как хочется» («Эн ов ас окоа серти»), позднее совместно с В. Савиным и А. Чеусовой она перевела пьесу А. Неверова «Бабы».

Роль самодеятельных театров в Коми крае трудно переоценить: они способствовали ускорению создания коми профессионального театра, развитию переводческой деятельности, написанию понятных для местного населения коми драматургических произведений.

В историко-культурном контексте зырянская драма первой половины XX в. отличалась агитационно-пропагандистской направленностью, однако ее авторы были движимы не столько идеей распространения революционных лозунгов, сколько стремлением создать литературу на родном языке и заниматься просвещением народа коми, который на тот момент большей частью был неграмотным. С этой целью в Коми крае были сформированы различные комиссии, объединения, культурно-просветительские кружки, членами которых являлись и вышеперечисленные писатели. Например, В. Савин, В. Чисталев и М. Лебедев были членами Коми комиссии (Комиссия по собиранию и созданию зырянской литературы и народа), Н. Попов – организатором, позднее руководителем Коми ассоциации пролетарских писателей, В. Чисталев – одним из представителей Группы коми автономистов-социалистов и т.п. Организация культурно-просветительских комиссий и групп в Коми крае, их активная деятельность во многом содействовали качественному и количественному росту национальной литературы, в том числе драматургических произведений [Ельцова 2020], и вместе с этим способствовали развитию сценического искусства зырян. Лидирующее положение среди перечисленных художников занимает В. Савин, преуспевший как в сфере организационной деятельности, так и в написании драматургических произведений: его перу принадлежит большее количество пьес (около двадцати), к тому же он первым из коми авторов написал драматургический текст на родном языке. Более того, он выступал идейным вдохновителем своих соплеменников в создании коми пьес и собственно коми театра: писатель понимал активную коммуникативную функцию театра, его обращенность к зрителю и высокую степень эмоционального воздействия. В Сыктывкаре под руководством В. Савина был организован хор, участники которого проводили в столице и ее окрестных селах и деревнях так называемые «Коми рытьяс» (Коми вечера). Программа этих вечеров включала исполнение коми, русских, украинских народных песен, революционных песен, выступление оркестра народных инструментов и постановки небольших представлений, основанных на переводных или оригинальных коми пьесах. В 1921 г. участниками хора во главе с Нёбдинса Виттором был создан передвижной любительский театр «Сыкомтевчук» («Сыктывкарса коми театрын ворсысь чукор» – Усть-Сысольское коми театральное объединение), в дальнейшем послуживший основой Коми инструктивно-передвижного профессионального театра (КИППТ), который в 1931 г. был переименован в Коми государственный драматический театр. Сыкомтевчук и КИППТ также функционировали под руководством Нёбдинса Виттора. Сегодня Коми государственный драматический театр носит его имя – Академический театр им. Виктора Савина.

«Коми рыгыяс», а затем и «Сыкомтевчук», КИПТ и Коми государственный драматический театр остро нуждались в национальном репертуаре. Изначально эту потребность участники указанных объединений восполняли переводами различных произведений на коми язык. Так, В. Савин, отталкиваясь от украинской комедии «Бувальщина», пишет первую пьесу «Корасьсьсь» («Сватающийся», 1918), далее также на основе украинского произведения писатель создает водевиль «Гудрасьём» («Смуты», 1918). И в первых попытках создания оригинальной коми пьесы Нёбдінса Виттора – в драме «Ыджыд мыж» («Большая вина», 1918) – также «чувствуется еще большое влияние украинских драматургов и в какой-то мере она носит подражательный характер» [Попова 1965]. На основе произведений российских авторов В. Чисталевым были написаны пьесы «Кодзув пи» («Сын звезды», 1922) по мотивам произведения И. Ломакина «Мальчик-звезда»; «Кыдз вöлі видзöдöны велöдчöм былö важöн» («Как смотрели на учебу в прежние времена», 1922) по пьесе Д. Фонвизина «Недоросль»; «Медводдза вина вöчысь» («Первый винодел», 1923) по пьесе Л. Толстого «Первый винокур, или как чертенок краюшку заслужил»; «Рöштво войö» («В рождественскую ночь», 1922) и «Украинаса вой» («Украинская ночь», 1923) по рассказам Н. Гоголя «Ночь перед рождеством» и «Майская ночь». Переводческая деятельность коми драматургов в начале XX в. – важный этап развития литературы коми, в освоении авторами драматургического жанра и литературного жанра вообще, в осмыслении законов сценического искусства, строении сюжетных коллизий и характеров героев, раскрытии душевных переживаний персонажей. Вместе с этим постановки спектаклей по текстам, переведенным коми драматургами, знакомили коми зрителя не только с произведениями различных авторов, но и с самим понятием театрального действия.

На первоначальном этапе своего развития коми драма испытала глубокое воздействие устного народного творчества. В календарной и семейной обрядности зырян наличествовали базовые элементы театрального действия, например, актерская игра, диалоги, монологи, распределение ролей при исполнении определенного обрядового действия, наличие реквизита, декораций и пр. Зрелищностью обладали исполняемые на различных празднествах песни-пляски, хороводы, игры, ритуальные танцы. Особое место в жизни коми-зырян занимали теш – «драматические инсценировки, представляющие собой сценки юмористического характера на темы крестьянского быта, например, о начале земледельческих работ в поле («Старик»), о выборе и приобретении рабочего скота («Покупка лошади») [Микушев 1986, 140]. Располагая глубоким художественным потенциалом, народный драматургический опыт во многом послужил основой зарождающейся литературы, придавая пьесам национальное своеобразие. В начале XX в. воздействие народных традиций на пьесы выявляется на всех уровнях: идейно-тематическом, образном, стилистическом, сюжетном и т.п. Так, основу сюжетов многих произведений М. Лебедева, не только драматургических, составляют народные предания, также «почти во все оперетки входят цельные отрывки разных фольклорных жанров: это причитание-плач девушек в «Красавице» перед свадьбой Маши и хоровод; это преобладающий частушечный ритм хора в оперетке «Колдун»; и хвала жрецов богу Войпелю в оперетке «Добрая женщина» [Латышева 1968, 81]. В сюжетную канву дилогии В. Савина «Инасьтöм лов» («Неприкаянная душа», 1924, 1926) вплетены народные сказки о похождениях мужика в раю. Более того, непосредственно из фольклора в комедию Нёбдінса Виттора перешли «условность, драматизм событий, близкий драматизму народных похоронных обрядов, оптимизм народного воззрения на мир, типичный для народной поэзии» [Латышева 1968, 38]. Этнографический материал лег в основу пьесы В. Чисталева «Ныв сетöм» («Выданье девушки», 1937), воспроизводящей основные этапы и различные ритуалы свадебного обряда коми.

Существенным явлением в развитии национального театра становится первая оригинальная коми пьеса – революционно-романтическая драма «Шондi петiгöн дзоридз косьмис» («На восходе солнца цветок увял»). Она написана В. Савиным в 1919 г. и в этом же году поставлена им на сцене. Драма имела широкий успех у зрителя, спектакль по ней был представлен зрителям 200 населенных пунктов. Художественная и идейная значимость драматургического произведения В. Савина подчеркивается многими исследователями [Вежев 1958, 50–51], [Латышева 1968, 17–28], [Мартынов 1980, 177–178], [Федорова 1968, 52–53], [Микушев 1986, 145–147]. В. Савину удалось создать произведение, передававшее трагическую тональность и острую конфликтность переходного времени, раскрывавшее противостояние разных поколений, основанное на выборе ими нового пути. Драма, «пронизанная революционным пафосом, пафосом борьбы, верой в силу народа, в лучшее будущее» [Вежев 1958, 50–51], выявляет значимый этап в развитии коми народа, пришедшего «к осознанию нетерпимости к существующим порядкам и необходимости революционного переустройства жизни» [Вежев 1958, 50–51]. Пьеса В. Савина «Шондi петiгöн дзоридз косьмис» положила начало осмыслению коми драматургией революционного времени, характера борца за справедливость, а также национальной жизни, быта и нравов зырян, через его произведение

революционная действительность, а также собственно жизнеописание народа входит в оригинальные драматургические тексты коми. Позже его современниками был написан ряд пьес, в которых авторы остро реагируют на царившую в России начала XX в. социальную несправедливость и призывают к борьбе за новое общественное устройство. Сам В. Савин продолжил работу над написанием актуальных для своего времени пьес.

Драматургия зырян в момент своего формирования развивается в нескольких художественных направлениях. Доминирующее положение среди прочих в этот период занимает реалистическое: почти всем авторам характерны обращение к предметно-аналитическому отображению действительности, создание типических характеров, действующих в типических ситуациях. Постановки по этим драмам были понятны и близки коми зрителю, они отражали известную ему тяжелую и безрадостную крестьянскую жизнь, быт и нравы коми крестьянина. Социалистическая революция содействует яркому выражению в национальной драматургии романтического направления. Как уже было отмечено, в романтическом ключе написана первая коми драма «Шонді петігӧн дзоридз косьмис», в которой В. Савин отобразил соответствующего героя, романтическую личность – Григория Сигерова, бунтаря, вдохновленного идеями переустройства прежнего общества и погибшего во имя утверждения нового справедливого мира. Романтическим духом овеяна драма В. Чисталева «Изкар» (1926). Она обращена к событиям эпохи великого князя московского Ивана III, здесь автор интерпретирует, а вместе с этим романтизирует события 1471 г. – покорение пермских земель боярином Федором Пестрым. Произведение Тима Веня иллюстрирует падение древнего города Изкара под натиском московских войск, выражая глубокие переживания побежденного пермского царя Кора, тревожные чувства его близких. По мысли В. А. Латышевой, романтизации подвергаются чувства героев, сценическое пространство пьесы – «средневековый интерьер великолепного дома, охотничьи трофеи, оружие на стенах – копыя, стрелы, мечи, луки, топоры, – национальная еда, одежда», создается ощущение таинственности (замедленный занавес, лунная ночь, дремучий лес, загадочный крик совы, темно-синие дали) [Латышева 2000, 274]. По мнению французского исследователя С. Каньоли, В. Чисталев «не стремится представить сцены, вдохновленные политическими новостями страны, а, наоборот, идентифицировать неотъемлемые элементы, составляющие самобытность коми народа» («ne cherche pas à représenter des scènes inspirées de l'actualité politique du pays mais, bien au contraire, à dégager des caractéristiques intrinsèques qui font l'originalité du peuple komi») [Cagnoli 2018, 139]. Писателя характеризует любовь к старине, ему импонирует архаика, его пьеса пронизана любовью к патриархальной жизни народа коми, чувством тоски по той эпохе, по «зырянской самостоятельности» [Латышева 2000, 275]. Отсюда романтические настроения в его произведении.

В 1920-е гг. получают свое развитие и многие драматургические жанры в литературе коми: агитационная драма, революционно-романтическая драма, историческая драма, социально-бытовая драма, бытовая комедия, сатирическая комедия, оперетка.

Тема революции, доминировавшая в драматургии коми в 1920–1930-е гг., разрабатывалась путем противопоставления двух миров – мира, уходящего в прошлое, негативно оцениваемого писателями, как исполненного драматизма, угнетения, бесправия, несправедливого отношения к трудящимся, и нового строящегося советского мира, разумно и справедливо устроенного, всячески воспеваемого в литературе и культуре. Идея двоемирия, имевшая место еще в пьесе «Шонді петігӧн дзоридз косьмис», продолжает развиваться в социально-бытовых драмах В. Савина, В. Чисталева и Н. Попова, оперетках М. Лебедева. При этом по большей части в указанных произведениях старый мир иллюстрируется в темных тонах, а новый упоминается редко. Такими являются, например, пьесы Н. Попова «Коді мыжа» («Кто виноват», 1923), «Олыштан да муса лоӧ» («Поживешь – полюбишь», 1923), «Чурка Нина» («Незаконнорожденная Нина», 1928). В них писатель открывает зрителю неприглядную действительность, изображая жизнь бедняков, социальных низов, акцентируя внимание на описаниях безысходной нищеты, «натуралистически сгущая краски, чрезмерно уделяя внимание дикости деревенской жизни» [Вежев 1958, 53]. Не изображая новый мир, пьесы Жугыля все же подводят к мысли о нем, о том, что сложившийся в царской России уклад жизни крестьян необходимо изменить. Отображение двух миров в драматургических произведениях позволяет зачинателям национальной драмы отобразить противоречивость и нестабильность общественно-политической ситуации в постреволюционном Коми крае, формируя средствами советской риторики негативное отношение зрителей к уходящему в прошлое самодержавию.

Тема двоемирия в драматургии коми первой трети XX в. тесно связана с темой борьбы за свободу. В первой коми пьесе «Шонді петігӧн дзоридз косьмис» борцом за светлое будущее своего народа

выступает Григорий Сигеров. В. Савин создает характер героя-коммуниста, который цель своей жизни «видит в активном участии в борьбе трудящихся против своих угнетателей, против ненавистного самодержавного строя» [Федорова 1968, 52-53]. Характер этого героя складывается за пределами собственно пьесы. Автор показывает его уже состоявшимся членом социал-демократической партии в конце своего произведения, из разговоров персонажей и самого Григория мы узнаем о его революционной деятельности, тюремном заключении и каторжных работах после царского суда. После многолетних скитаний он возвращается в отчий дом тяжело больным, родная мать не узнает его. В день революции он умирает у нее на руках... Кончина героя придает пьесе трагическое звучание: смерть Григория Сигерова символизирует утверждение высоких социальных идеалов советского общества, за которые он боролся всю сознательную жизнь. Тема борьбы продолжает развиваться в исторической драме В. Савина «Кулёмдинса бунт» («Усть-Куломское восстание», 1927). Пьеса обращена к реальным событиям в 1841–1843 гг., когда усть-куломские крестьяне отказались платить высокие подати государству и сместили с должностей старшину и писаря. Восстание было жестоко подавлено, некоторые его участники были отправлены в Сибирь, некоторые – наказаны розгами. Драматург, восстанавливая события прошлых лет, акцентирует внимание на тяжелых условиях жизни крестьян при власти царя, а также духовной силе восставших крестьян, не побоявшихся бороться за свои права. Тема борьбы доминирует в оперетках М. Лебедева «Мича ныв» («Красавица», 1919), «Тун» («Колдун», 1920), «Бур ань» («Добрая женщина», 1920). По словам А. А. Вежева, они насыщены мотивами борьбы: «Борьба вырастает из столкновения доброго начала со злым. Автор исходит из стремления утвердить торжество человечности, высокой нравственности над низменными инстинктами и страстями» [Вежев 1968, 89]. В оперетке «Мича ныв» героиня активно противостоит своим родителям (а вместе с этим и домостроевским взглядам на женщину), которые заставляют ее выйти замуж за богатого, но старого односельчанина. Их дочь решительно отказывается связывать свою судьбу с ним и выходит замуж за своего любимого человека. В оперетке «Тун» юноше удается освободить свою любимую из плена колдуна. В третьей оперетке героиня помогает своему народу избавиться от лживых и жадных жрецов языческого божества Войпеля. Несмотря на то, что пьесы М. Лебедева не отражают советскую действительность, разрабатываемая в них тема борьбы является актуальной для идеологии строящегося государства. В этих произведениях воспеваются решительность и твердость героев в отстаивании как своей личной свободы от пережитков прошлого, так и свободы своего народа.

Казалось бы, тема борьбы абсолютно не характерна для пьес Н. Попова. Его герои живут (скорее существуют) в тяжелых, часто невыносимых условиях, но редко стремятся их изменить. Их негероичность выявляет особенность гуманизма Жугыля, постоянно обращающегося к искалеченной, страдающей человеческой душе. Драматург не устает подчеркивать, что бедность и несправие в царской России ущемляют человеческое достоинство. По мысли Р. И. Куклиной, «для Н. Попова революция предстала, как закономерное явление, но явление с иллюзорной перспективой и трагической повседневностью, которая виделась ему сквозь обновленческую идею. В драмах писатель отступает от революционного пафоса борьбы и вражды. В своих произведениях автор предстает как человек с тонкой душевной организацией, понимающий, что в духовной жизни коми народа происходит активное замещение идей милосердия, терпения и терпимости, присущих христианскому учению, идеями вражды и непримиримой борьбы с инакомыслящими. В драмах «Кто виноват?», «Поживешь – полюбишь» происходит напоминание о нравственных нормах жизни, заложенных в христианских заповедях. В пьесе «Незаконнорожденная Нина» звучит призыв к милосердию и содержится предостережение» [Куклина 2000, 268].

Одной из сквозных тем драматургии коми первой трети XX в. является женская тема. Возникновение этой темы обусловлено особенностями переживаемой эпохи, специфической чертой которой становится активное участие женщины в создании нового быта, в социальном переустройстве, а также ее борьбы за равноправие. Женщина становится главной героиней в оперетках М. Лебедева, его пьесы раскрывают раскрепощение женщины, обретение ею собственного голоса. Героини автора стремятся изменить веками устоявшийся уклад жизни крестьян, они решительно отстаивают свое мнение, противостоят воле родителей и почитаемых в народе жрецов Войпеля. Именно женские персонажи вступают в необходимый для драматургического произведения конфликт и вместе с этим содействуют движению сюжета. Особенно ярко женская тема воплощается в социально-бытовой драме В. Савина «Парма ныв» («Дочь пармы», 1929). Если характеры героинь Н. Лебедева раскрыты как уже сложившиеся, то Нёбдинса Виттор в своей пьесе отображает постепенное раскрепощение женщины. Первые эпизоды драмы «Парма ныв» наглядно демонстрируют условия жизни молодой коми девушки Клавдии: она

запугана отчимом, который, напиваясь, всячески измывается над ее матерью, желая поскорее избавиться от супруги и жениться на красивой падчерице, став таким образом полноправным хозяином в доме, где он пока является сожителем. Мать и дочь в отчаянном положении, т. к. домостроевские постулаты запрещают женщинам перечить мужьям, испокон веков женщинам следует быть терпеливыми, покорными, послушными. Героини В. Савина долгое время терпят унижение, пока Клавдия не попадает в женотдел. Общаясь с его представительницами, борющимися за права женщины в обществе, она переосмысливает свою жизнь, обретая уверенность в себе, понимая, что законы советского государства защитят ее от какого-либо угнетения. В конце драмы уже не боясь сожителя матери, Клавдия выгоняет его из отчего дома, позже она становится комсомолкой, выходит замуж за любимого человека, тоже комсомольца. Пьеса «Парма ныв», вполне убедительно показывая, «как завоевания революции проникают в самые отдаленные углы, самые глубокие человеческие пласты и вызывают глубочайшие изменения в душе человека» [Федорова 1968, 59], раскрывает рождение нового человека, формирование характера советского человека, его закалку не столько в процессе классовой борьбы, сколько в постепенном обретении уверенности. Открытая М. Лебедевым и В. Савиным женская тема, разработка ими характера женщины с активной жизненной позицией находят продолжение в пьесах последующих поколений драматургов. Уже в 1940-е гг. С. Ермолиным и Н. Дьяконовым была написана драма «Домна Каликова» (1939) о легендарной коми девушке-партизанке, героически сражавшейся с белогвардейцами и отдавшей жизнь за революционные идеалы, за свой народ.

На начальном этапе становления коми драматургии авторы не только обличают традиционный образ жизни и представителей эксплуатационных классов, но и подвергают переосмыслению религиозные взгляды своего народа. Так, представители духовного сословия становятся объектом высмеивания в социально-бытовых комедиях В. Савина «Знаменьё» («Знамение», 1929), «Ва шыр» («Водяная крыса», 1928) и переведенном им водевиле «Гудрасьём» («Смуть», 1918). Исследователи находят в перечисленных пьесах жесткое бичевание художником различных пороков священнослужителей, например, В. И. Мартынов, исследуя комедии Нёбдінса Виттора, выявляет беспощадное разоблачение автором антинародной сути духовенства, в отображенных драматургом церковниках он обнаруживает жадность, тупость, невежество, эгоизм [Мартынов 1980, 179]. Но так ли это? На наш взгляд, в этих пьесах показывается, как служители церкви, переживая финансовые затруднения в связи с нарастанием антирелигиозных настроений в советском обществе (количество прихожан в церкви уменьшается, пожертвований, соответственно, тоже), пытаются как-то держаться на плаву. Духовные лица комедии «Знаменьё», стремясь привлечь новых и прежних прихожан на богослужения, переделывают церковные песни, придавая им более «светскую» тональность. В комедии «Ва шыр» церковнослужители пытаются «обогатиться», охотясь на водяных крыс, борьбу с которыми объявила Главная пушно-сырьевая контора, пообещав выплатить 20 копеек за каждую шкурку. В своих комедиях В. Савин высмеивает даже не корыстолюбие представителей церковного сословия, а их неумение жить в новых государственных условиях.

Более обличительный пафос имеет диалогия Нёбдінса Виттора «Инасьтём лов», казалось бы, полностью посвященная антирелигиозной тематике. Здесь, на первый взгляд, высмеиваются как земные служители Бога, так и небесные, а даже Сам Саваоф. Исследователи нередко обращали на это внимание, например, А. А. Вежев утверждал, что диалогия «направлена против религии, церкви. В ряде острокомедийных сцен подвергается обличению лживость и лицемерие попов, христианское учение о загробном мире» [Вежев, 1958, 52]. По мнению А. К. Микушева, «Диалогия являет собой острую сатиру на церковь, на церковные предрассудки, власть которых в 20-е гг. была еще далеко не преодолена» [Микушев 1986, 153]. Действительно, пьесы В. Савина раскрывают служителей церкви не в лучшем свете. В первой части диалогии, комедии «Райын» («В раю»), которая начинается с поминок недавно преставившегося Сюзь Матвея, поп и дьякон объедаются, злоупотребляют спиртными напитками, ссорятся, сквернословят, требуют у вдовы слишком большую плату за отпевание покойного, в общем, всячески порочат высокое имя духовного наставника. В постсоветский период развития литературоведения, однако, складывается другой взгляд на персонажей драматурга. Так, по мнению В. А. Лимеровой, карикатурно вылепленные характеры попа и дьякона взяты Нёбдінса Виттором из народных театрализованных сенок народа коми, в которых духовные лица зачастую принимали скомороший облик, тем самым веселя и развлекая зырянскую публику. В 1920-е гг., во времена написания драмы, эти образы были еще узнаваемы, их скоморошье поведение воспринималось зрителями как обычное для народных празднеств театрализованное представление [Лимерова 2005, 25-33], что снимало «сатирическую остроту смеха» в диалогии [Лимерова 2000, 277].

Действие второй части комедии «Райын» разворачивается в раю – сюда попадает преставившийся Сюзь Матвей и, разгуливая по небесам, играя на сигудке, веселит обитателей рая, чем приводит в ярость апостола Петра и Саваофа. Интерес вызывают характеристики, данные А. К. Микушевым небожителям: «Главными чертами апостола Петра и Ильи Пророка в изображении драматурга оказывается злость, мелочность и деспотизм. Оба они вечно на кого-то злятся, вечно чем-то недовольны... Главный Бог Саваоф даже рукоприкладствует, дерется с гостем. В таком сниженном, заземленном бытовом плане рисуются те, кого веками возвеличивала церковь» [Микушев 1986, 154-155]. Сегодня взгляд на показанных В. Савиным обитателей рая также меняется. В отображении автором озлобленных героев библейских преданий выявляется уже не антирелигиозные аспекты, а раскрытие драматургом современной ему советской действительности, точнее, отношение существовавшей власти к творческой личности. Так, Сюзь Матвей сталкивается в раю с бесконечным количеством правил, которым праведники непременно должны следовать: сюда можно попасть только по определенному документу, здесь нельзя говорить о земной жизни, крестьянском труде, здесь нельзя сквернословить, петь не богопрославляющие песни, нельзя плясать, играть на сигудке² здесь во всем нужно слушаться апостола Петра. Особенно часто герою запрещают играть на сигудке... Строго регламентированный рай в пьесе Нёбдинса Виттора во многом соотносится с той административной системой, куда попадает автор, будучи сначала секретарем, а затем и председателем уездной Чрезвычайной комиссии. Именно здесь он столкнулся с рядом запретов, касающихся, прежде всего, художественного творчества – создания литературных и музыкальных произведений, разработкой театральных постановок, «игры на сигудке». По словам Р. И. Куклиной, В. Савин «постоянно добивался того, чтобы его освободили от многочисленных партийных и общественных поручений, просил, чтобы ему позволили заниматься только творческой деятельностью. Образ души Сюзь Матвея явился художественным отражением творческих устремлений автора... Душа Сюзь Матвея, как и душа самого автора, – душа песенная, тяготеющая к лирическим чувствам и излияниям... Логично предположить, что в комедии «Райын» драматург пытается отстоять свои творческие устремления, напомнить о своих душевных желаниях в то время, когда в жизни обострялась революционная борьба и когда песенное животворное слово вытеснялось словом-оружием...» [Куклина 2005, 102, 104]. Как можно убедиться, в XXI в. взгляд на антирелигиозные пьесы В. Савина меняется, демократизация общественных отношений позволяет раскрыть новые грани творческого наследия писателя, вывести его из узких рамок сугубо антирелигиозного понимания пьес. Вместе с этим нельзя отрицать наличие антирелигиозной тематики в коми драме постреволюционного периода. В определенной степени названные выше произведения сеяли сомнения в необходимости религиозной догматики в жизни советского человека, тем самым утверждая разумность и целесообразность набирающей силы новой идеологии. В дальнейшем зырянские авторы снова будут обращаться к этой теме, но в основном осмысливая воздействие христианского вероучения на характер коми человека, например, пьеса А. Попова «Туналём ордым» («Заколдованная тропа», 1997), драма А. Лужикова «Ыджыд висьём» («Большая болезнь», 1997), а также интерпретируя роль Крестителя Коми края Стефана Пермского в истории зырян – драма О. Уляшева «Енколаяс йылысь поэма» («Поэма о Храмах», 1989).

Дилогия В. Савина – знаковое событие как в творчестве писателя, так и в драматургии коми в целом. Она – одна из немногих пьес коми, которая переведена не только на русский язык (ее отметил и перевел на эстонский язык Арво Валтон [Valton 2016]). Она отражает изменение восприятия автором советской действительности, а также самобытного характера коми народа. Первая пьеса «Шонді петігён дзоридз косьмис» выявляет восторженное принятие драматургом Социалистической революции, раскрывает его чаяния и надежды в связи с государственными преобразованиями, а также отображает тяжелые условия жизни коми крестьянства, безграмотность и духовную слепоту народа в дореволюционный период, вызывая жалость к его угнетенному состоянию. В дилогии «Инасьтём лов» В. Савин, наоборот, не воспекает и не возвеличивает новые общественные условия, не утверждает идеалы нового мироустройства. Теперь ему присуще почтительное отношение к веками формировавшемуся народному мировосприятию, в своей дилогии он воспекает свободный дух народа и его любовь к труду, к творчеству, уже выявляя притеснение своих соплеменников законами новой государственной системы.

Драматургия коми первой трети XX в. – значимое явление в литературной жизни края. Писатели, вдохновленные идеями Социалистической революции, самоотверженно и инициативно приступили к со-

² Музыкальный инструмент с волосяным и струнами // Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-русский словарь. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 2000. С. 589.

зданию литературы на родном языке, что привело к яркому и насыщенному развитию национальной литературы, национального театрального искусства в рассматриваемый период. Мы можем пронаблюдать тенденцию роста коми драмы, которая находит выражение в расширении тематического диапазона, накоплении художественных средств отображения действительности, создании сложных характеров и обстоятельств. К сожалению, к середине XX в. коми драматургия испытывает спад, который обусловлен прежде всего начавшимися в 1930-е гг. репрессиями. Как известно, чинимая государством борьба с так называемыми контрреволюционерами привела к тюремному заключению, а также к гибели многих талантливых людей, в том числе и коми драматургов: в 1937 г. были репрессированы В. Савин, Н. Попов, В. Чисталев. Только Н. Попову удастся вернуться на родину живым... Перед нами выступает величественная и вместе с этим трагическая эпоха. Движение коми театрального искусства, порожденное яркими талантами зачинателей коми литературы во многом определило развитие национальной драмы в последующие времена, дав необходимый творческий импульс новым поколениям писателей.

ЛИТЕРАТУРА

- Вежев А. А.* Драматургия // Очерки истории коми литературы. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958. С. 50–54.
- Вежев А. А.* Лебедев Михаил Николаевич // Коми советские писатели. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1968. С. 66–116.
- Ельцова Е. В.* Как все начиналось: писательская организация в 1920-е гг. // Арт. 2020. № 3. С. 11–13.
- Куклина Р. И.* Сюзь Матвей как образ человеческой души в дилогии В. Савина «Райын» (В раю) и «Инасьтӧм лов» (Неприкаянная душа) // III Савинские чтения: материалы республиканской научно-практической конференции (Сыктывкар, 20–21 ноября 2003 г.). Сыктывкар, 2005. С. 101–106.
- Латышева В. А.* Зарождение драматургии и театра народа коми. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1968. 104 с.
- Лимерова В. А.* Над чем смеется зритель в комедиях Нёбдинса Виттора? // III Савинские чтения: материалы республиканской научно-практической конференции (Сыктывкар, 20–21 ноября 2003 г.). Сыктывкар, 2005. С. 25–33.
- Мартынов В. И.* Виктор Алексеевич Савин // История коми литературы. Т.2. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1980. С. 167–182.
- Микушев А. К.* Сельские вечера. Драматургия // Микушев А.К. На таежных просторах. М.: Современник, 1986. С. 139–171.
- Попова С.* У истоков коми театра // Попова С. Страницы истории коми театра. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965. <http://foto11.com/komi/theatre/history1.php>. (дата обращения: 27.08.2021).
- Федорова А. Н.* Савин Виктор Алексеевич // Коми советские писатели. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1968. С. 20–65.
- Куклина Р. И.* Христианские мотивы в коми драматургии // Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum (7-13.08.2000). Pars III. Summaria acroasium in sectionibus et symposiis factrum. Folkloristica, Etnologia, Litteratura, Archaeologia, Antropologia, Genetica. Tartu, 2000. P. 268–269.
- Латышева В. А.* Романтическое в повести, рассказе и драме коми на сюжет предания (из творчества М. Лебедева, К Жакова, В. Чисталева, Н. Фролова) // Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum (7-13.08.2000). Pars III. Summaria acroasium in sectionibus et symposiis factrum. Folkloristica, Etnologia, Litteratura, Archaeologia, Antropologia, Genetica. Tartu, 2000. P. 274–275.
- Лимерова В. А.* Природа комического в дилогии В. Савина «В раю» и «Неприкаянная душа» // Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum (7-13.08.2000). Pars III. Summaria acroasium in sectionibus et symposiis factrum. Folkloristica, Etnologia, Litteratura, Archaeologia, Antropologia, Genetica. Tartu, 2000. P. 277.
- Cagnoli S.* Lever de rideau sur le pays komi. Paris: L'Harmattan, 2018. 519 p.
- Valton A.* Rahutu hing // Paljajalu pilvedel. valik some-ugri rahvaste näidendied. Tallin: Kirjastuskeskus, 2016. Lk. 4–29.

Поступила в редакцию 18.01.2023

Горина Наталья Васильевна,
кандидат филологических наук,
Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
167000, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: ngorinova@mail.ru

N. V. Gorinova

KOMI DRAMA IN THE MIRROR OF THE REVOLUTION: SOME ASPECTS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF NATIONAL STAGE ART IN THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-77-86

The article is devoted to the study of the Komi drama of the first third of the twentieth century. Here is a generalized material on the movement of national drama during the cardinal social transformations of the 1920s. The author focuses on factors that contributed to the formation of Zyryan drama and Komi national theater, primarily revealing the significance of the Socialist Revolution in the development of Komi people's culture. The article reveals the role of amateur theaters operating in pre-revolutionary Ust-Sysolsk, as well as the impact of Komi folklore on the formation of the foundations of theater art in Komi. The key figures in the development of Komi drama traditions in post-revolutionary times are V. Savin, N. Popov, V. Chistalev and M. Lebedev, who were the instigators of Komi literature and enlighteners of their people. The article highlights the artistic directions, genres characteristic of Komi drama in the 1920-1930s, as well as the most significant plays in artistic and aesthetic terms. The researcher reveals the ideological and thematic preferences of the authors of the first third of the twentieth century, related primarily to their propaganda activities. At the initial stage of the formation of Komi drama, writers denounce the traditional lifestyle of Komi people, representatives of oppressing classes, and rethink the religious views of Zyryans. A special place in Komi plays of this period is occupied by a female theme, playwrights reveal the emancipation of a woman in a changing reality, her independence from the dogmas of former morality. The author of the article reveals the evolution of Komi drama in depicting the character of the hero, her gradual transition from showing a ready-made and static character to showing the process of the formation of a Soviet man.

Keywords: Komi drama, Komi theater, first third of the twentieth century, V. Savin, N. Popov, V. Chistalev, M. Lebedev, art direction, genre, hero, dual-world, female theme, V. Savin's dilogy, agitation and propaganda activity.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 1, pp. 77-86. In Russian.

REFERENCES

- Cagnoli S.** Lever de rideau sur le pays komi. Paris: L'Harmattan, 2018. 519 p. In French
- Eltsova E. V.** Kak vse nachinalos': pisatel'skaya organizaciya v 1920-e gg. [How everything began: a writing organization in the 1920s] Art [Art], 2020, no 3, pp. 11-13. In Russian
- Fedorova A. N.** Viktor Alekseevich Savin [Viktor Alekseevich Savin] Komi sovetskie pisateli [Komi Soviet writers]. Syktyvkar, Komi book publ., 1968, pp. 20-65. In Russian
- Kuklina R. I.** Hristianskie motivy v komi dramaturgii [Christian motives in Komi drama]. Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum (7-13.08.2000). Pars III. Summaria acroasium in sectionibus et symposiis factrum. Folkloristica, Etnologia, Litteratura, Archaeologia, Antropologia, Genetica. Tartu, 2000, pp. 268-269.
- Kuklina R. I.** Syuz' Matvej kak obraz chelovecheskoj dushi v dilogii V. Savina «Rajyn» (V rayu) i «Inas'töm lov» (Neprikayannaya dusha) [Susy Matvey as an image of the human soul in V. Savin's dilogy "Райын" (In Paradise) and "Инас'тöm лов" (The restless soul)] III savinskie chteniya: materialy respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Syktyvkar, 20-21 noyabrya 2003 g.). III Savin readings: materials from the Republican Scientific and Practical Conference (Syktyvkar, November 20-21, 2003). Syktyvkar, 2005, pp. 101-106. In Russian
- Latysheva V. A.** Romanticheskoe v povesti, rasskaze i drame komi na syuzhet predaniya (iz tvorchestva M. Lebedeva, K. Zhakova, V. Chistaleva, N. Frolova). [Romanticism in the story, short story and drama of Komi on the plot of legend (from the works of M. Lebedev, K Zhakov, V. Chistalev, N. Frolov)]. Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum (7-13.08.2000). Pars III. Summaria acroasium in sectionibus et symposiis factrum. Folkloristica, Etnologia, Litteratura, Archaeologia, Antropologia, Genetica. Tartu, 2000, pp. 274-275.
- Latysheva V. A.** Zarozhdenie dramaturgii i teatra naroda komi [The birth of drama and theater of the Komi people]. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1968. 104 pages. Syktyvkar, Komi book publ., 1968. 104 p. In Russian
- Limerova V. A.** Nad chem smeetsya zritel' v komediyah Nyobdinsa Vittora? [What does the viewer laugh about in the comedies of Nebdins Vittor?] III savinskie chteniya: materialy respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Syktyvkar, 20-21 noyabrya 2003 g.). III Savin readings: materials from the Republican Scientific and Practical Conference (Syktyvkar, November 20-21, 2003). Syktyvkar, 2005, pp. 25-33. In Russian
- Limerova V. A.** Priroda komicheskogo v dilogii V. Savina «V rayu» i «Neprikayannaya dusha» [The nature of the comic in V. Savin's dilogy "In Paradise" and "The restless soul"]. Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum (7-13.08.2000). Pars III. Summaria acroasium in sectionibus et symposiis factrum. Folkloristica, Etnologia, Litteratura, Archaeologia, Antropologia, Genetica. Tartu, 2000, p. 277.
- Martynov V. I.** Viktor Alekseevich Savin [Viktor Alekseevich Savin] Istoriya komi literatury. T.2 [History of Komi literature. V.2]. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1980, pp. 167-182. In Russian

Mikushev A. K. Sel'skie vechera. Dramaturgiya [Rural evenings. Drama] Mikushev A. K. Na taezhnyh prostorah [In the taiga], Moscow, Sovremennik, 1986, pp. 139-171. In Russian

Popova S. U istokov komi teatra [At the origins of the Komi Theater] // Popova S. Stranicy istorii komi teatra [Pages of the history of the Komi Theater]. Syktyvkar, Komi book publ., 1965. <http://foto11.com/komi/theatre/history1.php> (accessed: 27 august 2021). In Russian

Valton A. Rahutu hing // Paljajalu pilvedel. valik some-ugri rahvaste näidendied. Tallin: Kirjastuskeskus, 2016, pp. 4-29. In Estonian.

Vezhev A. A. Dramaturgiya [Dramaturgy]. Ocherki istorii komi literatury [Essays on the history of Komi literature]. Syktyvkar, Komi book publ., 1958, pp. 50-54. In Russian

Vezhev A. A. Lebedev Mihail Nikolaevich [Lebedev Mikhail Nikolaevich] Komi sovetskie pisateli [Komi Soviet writers]. Syktyvkar, Komi book publ., 1968, pp. 66-116. In Russian

Received 18.01.2023

Gorinova Natalia Vasilievna,

Candidate of Philology,
scientific secretary

Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre,
Urals Branch, Russian Academy of Sciences (ILLH KSC UB RAS)

26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, 167982,

Russian Federation

E-mail: ngorinova@mail.ru

Zuzana Pavelcová

**HUNGARIAN-SLOVAK SYNTHESSES IN THE LIFE
AND LITERARY WORKS OF JÁN SEKERKA**

The territory of today's Hungary was inhabited by Slovaks three centuries ago. Slovaks abroad also showed their originality through their artistic work, which is also represented by Lowland Slovak literature. The phenomenon of Slovak folk authors was born in the cradle of the Hungarian environment – the so-called folk writers. Their first literary attempts can be found in calendars and compatriot periodicals, which were the most accessible reading for the general public. The motherland was provided with *Čabiansky kalendár* [The Csaba calendar], where the first works of this kind began to appear in the 1930s. Folk authors, often without higher education, without good knowledge of the Slovak language, by profession mainly peasants and workers addressed their ideas using simple poetic language and uncomplicated poetic form of the general population. These authors came out of the people and created for them, and that is why they have their irreplaceable importance in literature. The work of folk authors focused on various world themes. These included the nation, life, agriculture, nature, love, the diseases of the people and work. Ján Sekerka (1904 – 1984) is one of the lowland writers from Békešská Čaba (Hungarian Békéscsaba, another phenomenon of folk authors). As a builder – technician, he was primarily engaged in collecting folk songs and their notation. On the pages of *Čabiansky kalendár* and the periodicals *Slovenská rodina* [The Slovak family] and *Evanjelický hlásnik* [The Lutheran Herald], we can find his poetic and journalistic work scattered. His work has not yet been published in any separate collection. Manuscript notes can also be found in the archives of the specialized workplace of Matica slovenská – in the Compatriot's Museum in Martin. Sekerka's work in Hungarian and Slovak is mainly focused on current social issues. He published a dictionary work – *Malá slovenská mluvnica a krátky maďarsko-slovenský slovník / Kis szlovák nyelvtan és rövid magyar-szlovák szótár* [A small Slovak grammar and a short Hungarian-Slovak dictionary], which represents the communication manual of a compatriot in the Hungarian environment. The aim of the paper is a literary historical presentation and interpretive analysis of Sekerka's (especially poetic) work with special emphasis on the Hungarian and Slovak context, taking into account the past, present and future.

Keywords: Slovak literature in Hungary, Slovak folk authors in Hungary, the phenomenon of folk writers in Hungary, Ján Sekerka

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-87-96

Slovaks living abroad are considered an integral part of the Slovak nation by the current legislation of the Slovak Republic. Their (not only artistic) work has confirmed that the national cultural and social contribution of their compatriots cannot be limited only by the physical borders of the Slovak Republic. A special component of the corpus of Slovak literature consists of the literature of the Lowland Slovaks, which originated in the geographical territory of present-day Hungary, Romania and Serbia. The Slovak diaspora has lived and worked in these localities for almost three centuries. *"From this aspect the role of language and language use play an important part in the formation of personal identity, similarly, the language use and culture of the diaspora plays a crucial role in the formation of the cultural and literary identity of a nation"* [For more details see: Puskás 2014, 54 – 57].

The year 1918 resonates significantly when evaluating Slovak literature in specific geographical units. During the time of the Austro-Hungarian Monarchy, the various nationalities moved freely, influenced and interacted with each other. After the dissolution of the Austro-Hungarian Empire (1918), three separate state formations – Hungary, Romania and Yugoslavia – were established in the Lower Countries, which practically from one day to the next determined new social and political conditions for Slovaks. In no small measure, they influenced the artistic output of Slovaks, who from that moment on were given the label "living abroad". *"A citizen of one's own country, a member of one's own nation, becomes a citizen of another country as a member of a national minority"* [Andruška 2008, 3].

In the new conditions, the literature of compatriots began to be created, which, apart from its undeniable aesthetic value, completed the overall image of the Slovak Low Countries society and its culture. The pertracted themes of the works, their formal construction and the choice of artistic means created testimonies about the authors' way of life in the environment that inspired them, which they reflected in their writing and for which they created. The work of Slovak authors in non-Slovak environments has irreplaceably filled the

original mosaic of the diversity of Slovak literary production and demonstrated the lively (not only literary) Slovak life in a foreign environment.

Yugoslavia created favourable conditions for the promotion of cultural and artistic activities of the Slovak diaspora by allowing the establishment of Matica slovenská (1932) and by founding the literary magazines *Svit* [The Shine] and *Nový život* [The New Life]. Slovaks in Hungary found themselves in more difficult conditions. In addition to the lack of Slovak intelligentsia, the situation was complicated by the unfavourable politics of the Horthy regime. The Slovaks living in Hungary maintained their pro-national activity with the help of the Evangelical Church. They spread cultural expressions thanks to the Evangelical Church Bookshop, which was able to distribute mass-read calendars and periodicals among the countrymen. In this way, the intelligentsia was able to concentrate at least partially and aroused interest in the Slovak printed word among the peasants as well. *Čabiansky kalendár* [The Csaba calendar] (1920–1948) was closest in content to this widely represented social stratum. It met their needs and was adapted to their demands in the choice of topics and content. Gradually, a unique group of folk writers – the so-called "writers of letters" – began to form in its pages. This phenomenon developed naturally in the broadest strata of the population (peasants, workers) out of the need to create artistic texts in the environment of the Low Countries addressed to their own social class. According to Šenkár, their work can be considered one of the initial sources of Slovak literary production in Hungary: "*The beginnings of literary production by Slovaks in Hungary date back to the period before the Second World War, and were considerable especially among the so-called folk authors*" [Šenkár 2015, 11]. Andruška gives a deeper context: "*We have come to believe that the beginnings of the literary production of Slovaks in Hungary go back to the period before the Second World War. We were led to this by the activity of folk authors, presented in the pages of Čabiansky kalendár, Slovenská rodina* [The Slovak family] and *Evanjelický hlásnik* [The Lutheran Herald], and partly the Slovak Unity, and finally by several independent books published at that time. However, in historical sources we can also find older data on the Slovak written word, especially in the Čabian area" [Andruška 2013, 29].

We find their early works published on the pages of the first periodicals of Slovaks in Hungary, which were well spread among the broad strata of the countrymen: "*It is common knowledge that for the majority of the Slovak population in the Lower Lands before 1918, the only available literature was a prayer book and a bible. The only secular literature were calendars. At first they were ordered from Slovakia. As soon as the opportunity arose, they began to publish their own. By giving up calendars, the intelligentsia was in a sense closer to the needs of the people. The editors published calendars and the people accepted them because they found themselves in them. And here, too, stemmed the desire of the peasants and workers – Slovaks in Hungary – to express their ideas in a simple language for those who could understand them*" [Bartalská 1985, 7–8]. They began to publish their works in the 1930s. They addressed the people with simple words in an unpretentious form on the topics they lived by. Connection with it was also supported by the simple form of the authors' works, which the folk authors achieved without proper education and knowledge of spelling and grammar. Writers created out of their own desire. They improved themselves independently, often supported by local bookshops, where they "under-the-counter" acquired for their own inspiration book works of Slovak classics. Through their efforts, they self-educated, expanded their knowledge and improved their own work. The editorial board of *Čabiansky kalendár* also joined in the promotion of the verse writing of the writers, inviting every Slovak to literary creation on its pages.

Ján Gerči and Ján Sekerka were among the first folk authors from the environment of Békéšská Čaba. Later, the group of folk authors expanded to other Slovak communities, and authors from Sarvaš (Szarvas) and Slovenský Komlós took part in the calendar.

Our ambition is to map the Hungarian-Slovak syntheses of the life and work of the folk author Ján Sekerka, a descendant of Slovaks who immigrated to the Low Countries, a native of Békéšská Čaba (Hungary). Already in the coordinates of the place of his birth, the first synthesis of the Hungarian environment with the Slovak origin is formed. Judging by his life's work, Sekerka was born into a conscious Slovak family. Only a little information about his life has survived. His work is scattered in the regional periodicals, calendars and the archives of Matica slovenská.

In the National Biographical Institute of the Slovak National Library in Martin, biographical data of Ján Sekerka (1904–1984) are preserved only in very fragmentary form. However, they represent one of the few comprehensive sources of his biography. Sekerka is listed as an important historical personality, cultural worker, folk artist, collector of Slovak songs, photographer of monuments of folk architecture in Békéšská Čaba and founder of the Antifascist Front for Slavs in Hungary [Archive of the National Biographical Institute of the National Library of the Slovak Republic in Martin, fund (Ján Sekerka), HA 3615/2000]. He was a

co-founder and for two years an editor of the Slovak magazine in Hungary *Slovenská rodina*. Despite the fact that his civil occupation was a construction engineer [Tušková 2021, 44], his biography clearly declares that he strongly supported and developed the Slovak question in the Hungarian environment and claimed the Slovak identity. We can also read about his personality in *Čabiansky kalendár* for 1936, where it says: "*Sekerka Ján (1904) ethnographer and musician. He was born in Csaba. After finishing folk schools and burgher school, he attended a higher construction school in Pest. He collected a large number of Csabian folk songs. He wrote and set to music several poems. He is the founder and main contributor to the magazine "Slovenská rodina" published in Csaba. He established more amateur performances*" [Szeberényi 1936, 54].

His artistic work is difficult to access. It is scattered in the various editions of *Čabiansky kalendár* and in the regional periodicals called *Slovenská rodina* and *Evanjelický hlásnik*. A few author's manuscript notes are kept in the Museum of Matica slovenská in Martin. Only one bilingual work, *Malá slovenská mluvnica and krátky maďarsko-slovenský slovník* [A small Slovak grammar and short Hungarian-Slovak dictionary] / *Kis szlovák nyelvtan és rövid magyar-szlovák szótár*, was published in book form, dated 1946 (published by the Antifascist Front of Slavs at the Puškáš and Blahul printing house in Békésskál Csaba). Despite the fact that he almost closed his work with this work, the dictionary is perhaps the most tangible synthesis of his Slovak existence in the Hungarian environment.

The brief dictionary work (88 pp.) is introduced by two poems by Karol Kuzmány, an evangelical pastor, a writer and a vice-president of Matica slovenská. Kuzmány is one of the most important personalities of the Slovaks in the 19th century. Sekerka, in the introduction of the dictionary, reached for a characteristic selection of poems with the titles *Mládeži* [For youth]/ *Az ifjusághoz* and *Slováci, hýbme sa!* [Slovaks, let's move!]/ *Szlovákok, cselekedjünk!*, with which he accentuates that he created the dictionary with the clear intention of promoting Slovakness, with an emphasis on the education of his compatriots in the Slovak language: "*If something is to perish in us, let it be our divisiveness that will perish. So that we are not like an untied bundle, a scattered hyd. Then the words of our great, immortal poets who sang of freedom will come true. / Ha már pusztulni kell bennünk valaminek, legyen az a mi szétforgácsoltságunk, amely megsemmisül. Hogy ne legyünk olyanok, mint a megoldott kéve, szerteszéledt aprójóság. Csakis azután valósulnak meg nagy és halhatatlan költőink szavai, akik a szabadságról énekeltek*" [Sekerka 1946, 2]. The dictionary is presented as an auxiliary handbook for Slovaks who need to improve their mother tongue and for those who received their education outside Slovak schools. An evaluation of the dictionary can be found in Július Dedinský's *A szlovák betű útja Békéscsabán*, where the author states that Sekerka wrote the dictionary for Hungarian-speaking people: "*Annyira rövidre fogja az anyagot, hogy csak ízelítőt ad a szlovák nyelv szabályairól. Mivel pedig a magyar ajkúak számára készült, a magyarázó szöveg mindenütt magyar nyelvű. A füzet nagyobbik fele magyar-szlovák szótári rész*" ["He is narrowing so much material that he gives only a kind of taste of the rules of the Slovak language. Because it was created for Hungarians, the explanatory text is always in Hungarian. The largest part of the dictionary is the Hungarian-Slovak dictionary part." Dedinszky 187, 94].

He introduces it with the Slovak alphabet and a list of numerals, explains the use of personal pronouns, the inflection of nouns, and offers an overview of Slovak morphology. He leaves the explanatory notes and annotations in Hungarian language to make the content comprehensible to the reader who does not speak Slovak very well.

The core of the publication is a short Hungarian-Slovak dictionary of nearly fifty pages, focusing on the core vocabulary. This section concludes with a statement by the Štúr's group poet Viliam Paulíny-Tóth: "*My Slovak language, you have beautiful sounds, you arouse the Tatras, and you give it life. / Szlovák nyelvem drága, zeng a hangod, ha fölserken a Táttra s örökké él*" [Sekerka, 1946, 55]. In the choice of the motto (and practically also in the choice of the author of the poem, whose author is V. P. Tóth – the member of Štúr's group) Sekerka again emphasises the connection with the Slovak environment and the native Slovak language.

The remaining parts of the dictionary were conceived thematically. It provides short vocabulary from specific areas of human life and social events (i.e. schools, learning institutes, nations, nationalities, colours, greetings, salutations, names of days, parts of the day, names of months in Slavic languages, festive days, holidays, parts of the year, seasons, names of celestial bodies, weather and climate, cardinal directions, geographical and place names in Slovakia and elsewhere, continents, cities and capitals, countries, parts of countries, states, geographical names, fauna, first names, Slavic first names, family, kinship, physical education, sport, music and dance). Finally, he published a selection of Slovak proverbs and sayings. If we focus on the order of the thematic headings of Slovak vocabulary, Sekerka's preference for mastery of Slovak can also be

seen here. The most distinctive Hungarian-Slovak synthesis of Ján Sekerka's life and work can be distinctive in this work.

Sekerka's intention to improve the Slovak language of his compatriots through the use of a dictionary could be seen more than a decade earlier in the pages of the compatriot social, economic and popular education magazine *Slovenská rodina* (published by the "Petőfi" printing house in Békéšská Čaba between 1934 and 1938). Already in its pilot issue he introduced a short Hungarian-Slovak dictionary, which he gradually created as a basis for a larger, synthetic dictionary work. The first issue of *Slovenská rodina* was prepared by the editor in charge, Juraj Bauko, and the editor in charge of publishing, Juraj Vician (later his function was taken over by Ján Sekerka): "*With joy and with all our sincere hearts, we welcome our Slovak people to the occasion of publishing this modest magazine of ours. We ask all Slovaks of this dear homeland of ours to accept, read and appreciate this magazine with love... (...) This activity has its aim - which our Slovak people should have a magazine in which they can read in their mother tongue about the events of the past, the present and the possibilities of the future. Many Slovaks in Hungary do not know the Hungarian language well enough to be able to use it to educate themselves, that is, to read Hungarian newspapers and informative books. The world is progressing by leaps and bounds in every respect. The peasant, the craftsman and the worker, but also every man of every occupation, must learn in order to compete. Let us rejoice that the laws and regulations in this country of ours permit us to serve our people with this magazine. (...) Well, with God's help, we are launching the first issue of this magazine in the conviction that even the authorities and superiors will not find anything objectionable in it*" [Editorial, *Slovenská rodina*, 1934, vol. 1, no. 1, pp. 1–2].

The first short Slovak-Hungarian dictionary was published in the final pages of the first issue of *Slovenská rodina*. He sporadically prepared it for several issues of the magazine throughout its publication. He was most active in the first year. In the summary for the year 1934 the editors of *Slovenská rodina* published the dictionary in issues 2, 3, 6, 7, 8, 9 and 10, containing 791 words.

Sekerka's first published texts were of an educational nature. He was the first to publish the subtitle *O hudbe* [About the Music] in the fourth issue of the first edition of *Slovenská rodina* (1934, May). In it, he confessed his feeling for music, for collecting songs and their importance for the Slovak people: "*These songs – which are the true image of the Slovak soul (...) – are pearls, diamonds, and as the stars of the sky shine and call us to immerse ourselves in their beauty, so these many thousands of Slovak folk songs call us into their lap, where they promise us everything that life has perhaps denied us. (...) Well, if you look at the educated, Western nations, you can see that they preserve everything, everything that reminds them of their ancestors. And this is how they protect their folk songs. Let's do it that way too*" [Sekerka, *Slovenská rodina*, 1934, vol. 1, no. 4, pp. 5-6].

In this issue he published a report from a Slovak amateur performance which was very successfully performed in Csaba. The text mainly serves an informative function. However, it also provides important information about his activities – he directed the amateur actors, conducted the mixed choir of Slovak youth and composed the music for the performance. He underlined his versatility by preparing a crossword puzzle (which he also composed for other issues of the periodical) and by composing the music for the first *Čabi-anske slovenské tango* [The Csabian Slovak tango], which was set to music by Ján Gerči – *Zavedi lodičku...* [Take the boat away...].

He began to publish his poetry only in the second half of the year of publication of *Slovenská rodina*. His first book (1934) entitled *Bolast', žalost'* [The pain, the sorrow] [Sekerka, *Slovenská rodina*, 1934, vol. 1, no. 6, p. 11] was published only in the sixth issue. Formally a short poem, it was dedicated to human suffering present throughout human life (birth, love, death). In the September issue of *Slovenská rodina* (1934) he published a larger seven-strophic poem – *XX. Stoletie* [The 20th Century] [Sekerka, *Slovenská rodina*, 1934, vol. 1, no. 7, p. 8]. Its content calls for the vigour of humanity and for progress. In the times in which he lives, he does not look back, but records are being broken, mankind has conquered the air and the sea. Despite the fact that every man is haunted by death from birth, he must move forward. In the October issue he publishes the poem *Mesiac* [The Moon] [Sekerka, *Slovenská rodina*, 1934, vol. 1, no. 8, p. 10]. It addresses him as a witness of human life and the whole history of mankind. In spite of the transience of human life, the moon is present as a clear constant that observes human events. He contributed to the November issue with a prose written in the Csabian dialect, *Čo son vid'ev v jarmoku?* [What did I see at the fair?] [Sekerka, *Slovenská rodina*, 1934, vol. 1, no. 9, pp. 2 – 6]. The text is imbued with the atmosphere of the events at the fair, which is intensified by the authentic speech, the replicas of the sellers, the placement of the goods and the way they are sold. There is also Sekerka's poem entitled *Jeseň* [The Autumn] [Sekerka, *Slovenská rodina*, 1934, vol. 1, no. 9, p. 8]. In a simple form, it captures the time of the coming autumn, which he contrasts

with the pleasant and love-favouring summer. He concludes the volume with two short poems, *Prošba dieťaťka* [The child's request] and *Vinš pre deti* [Wish for Children] [Sekerka, Slovenská rodina, 1934, vol. 1, no. 10, p. 12]. Both poems reflect the coming Christmas atmosphere. The poem *Prošba dieťaťka* [The child's request] is structured as a prayer (it ends with the exclamation Amen!), where the child asks Jesus for a present, in return he promises him obedience and good school results. The second poem, *Vinš pre deti* [Wish for Children], is humorous – a boy forgot his wish while carolling (he fell upside down and the wish was eaten by the dogs).

In the first volume of *Slovenská rodina* (1934) we find the most quantitatively veracious poetic output of Ján Sekerka ever. It is notable for its short and simple artistic forms, its focus on themes that reflect current events in society, and its clarity.

Sekerka was less involved in the second edition of *Slovenská rodina*. He continued to produce a Hungarian-Slovak dictionary and a dictionary of foreign words (in issues 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8). He expressed himself poetically in the March issue by publishing a light love poem, *Dievča – láska – bozk* [The girl – the love – the kiss] [Sekerka, Slovenská rodina, 1935, vol. 2, no. 3, p. 13]. In the poem he expressed the feelings of a man who is in love with a woman, fulfilling the essence of the relationship and, years later, reminiscing about his lovely youth. In another poem, *Nočný dážď* [The night rain] [Sekerka, Slovenská rodina, 1935, vol. 2, no. 7, p. 46], he discussed the power of nature during a storm and its end in the symbolism of a new hope.

In 1936, Sekerka replaced Ján Vician, who had been the editor in charge of *Slovenská rodina* during the first two editions. Since this change, Sekerka has not been involved as an author – the 1936 to 1938 editions do not contain any of his poetry, and he has finished preparing his crossword puzzles and a dictionary. As the last text in the pages of *Slovenská rodina*, he published a continuation (in issues 1 and 2) of the instructional text *Čabianska slovenčina* [The Csaba Slovak] [Sekerka, Slovenská rodina, 1936, vol. 3, no. 1, p. 2; Sekerka, Slovenská rodina, 1936, vol. 3, no. 2, p. 10], where he evaluated the development of the use of the Slovak language in Csaba. He dealt with the influence of the environment, the declining development of the use of the Slovak language, the social composition of the society and its future. He sees especially the layer of uneducated people as the bearers and maintainers of written Slovak: "*An interesting local phenomenon is that the language spoken by the "educated intelligentsia" of the town is purer in the outer parts of the town. The farmers, the peasants speak more clearly than the learned and differently than the craftsmen. We can say that the peasantry maintains the language in Čaba*" [Sekerka, Slovenská rodina, 1936, vol. 3, no. 2, p. 10].

Slovenská rodina captured Sekerka's work in all its diversity. His work published in its pages presents Sekerka as a poet, informant, storyteller, creator, compiler of a dictionary and composer of music for folk songs. In the background, it presents him as a publisher and a creator of a Slovak periodical in a Hungarian environment, with the clear aim of promoting all Slovak things.

Another printed platform in the environment of Slovaks living in Hungary, where folk poets published their work, was the periodical *Evanjelický hlásnik*, with the subtitle of a church-social, intra-missionary magazine. The first four editions were published in Pitvaroš under the editorial direction of Ján Šaguly. In 1934 the editorial office was moved to Békéská Čaba and the editor and publisher was the evangelical pastor Gustáv Szeberényi. The magazine was published until 1938. Despite the fact that it was not poor in literary works, only one work signed with Ján Sekerka's name can be found on its pages – *Čajový večierok* [The Tea Party] [Sekerka, Evanjelický hlásnik, 1934, vol. 4, no. 1 – 2, p. 13]. In a short report we learn about a pleasant meeting of the Evangelical youth of Csaba, at which the Slovak Evangelical Youth Choir, under the direction of choirmaster Ján Sekerka, sang religious songs.

Čabiansky kalendár (1920 – 1948) also offered an essential space for folk poets. The work of folk poets was present from the first issue of the calendar. It was often published anonymously or under a pseudonym, which made it difficult for literary critics and scholars to further analyse. From the 1930s onwards, the editors of *Čabiansky kalendár* began to publish the identity of the authors of the poems more frequently. Here, however, from the pen of Jan Sekerka, his annotated and textured folk songs from Csaba are published more often than any other of Sekerka's works. In 1932, together with Ján Bauka, he published the verses *Amerika, zen veľiká* [America, the great country] and *Sejú mak naopak* [They are sowing poppy in reverse]... (subtitled folk song from Čaba) [Sekerka, Čabiansky kalendár, 1932, vol. 13, p. 92]. From the formal arrangement of the verses it is not clear to the reader whether in both cases the poems are a notation of the words to the songs or separate poems. *Amerika, zen veľiká* reflects the current social situation of the bread emigration to America. The simple verse, using grouped rhyme, captures the feelings of a young man who has tried working in America and has returned home to a family who warmly welcomes him. The poem/song

Sejú mak naopak [They are sowing poppy in reverse] expresses the wishes of a young bride before her marriage. Both poems treat current themes of the people in Csaba and are easy to remember due to the rhyme.

In the 1933 *Čabiansky kalendár*, they published the Folk Song to commemorate the event that Csaba was bought from the landlords in 1846, the song *Ťažko je to kameňovi...* [It's hard for the stone], song *Vôľu niman, vôľu niman* [I don't have a will, I don't have a will]... a song by Ján Pely *Otčina* [The Fatherland] [Sekerka, Čabiansky kalendár, 1933, vol. 14, 96–98, 103]. In the 1934 edition, together with Bauka, they publish songs with musical notation *Zasiala som fajaiôčku, zasiala* [I sowed a violet, I sowed], [Sekerka, Čabiansky kalendár, 1934, vol. 15, p. 72] and in 1935 the song *Frajérvočka moja...* [My girlfriend] [Sekerka, Čabiansky kalendár, 1935, vol. 16, pp. 100 – 101]. In this year he also published a separate poem *Na Kereši* [On the Kereš river] [Sekerka, Čabiansky kalendár, 1935, vol. 16, p. 72]. In a typically simple formal construction, it captures the angry reactions of fishermen and passers-by when a motorboat passes on the Kereš River. There is also an instructive article on 'polivački' – a custom by which girls used water to draw ornaments on dusty surfaces [Sekerka, Čabiansky kalendár, 1935, vol. 16, p. 120].

Sekerka's varied works are also in the archive of the Compatriot's Museum of Matica slovenská in Martin. The most numerous legacy consists of a collection of Čaba folk songs (Hangjegyfűzet, 11 notebooks with sheet music and lyrics of Slovak songs; the first notebook contains songs by Ján Sekerka's grandmother). Sekerka made translations from Slovak into Hungarian for many of the songs. The archive preserves the Music Science in manuscript notes from 1934 – 1935. A special component are the notes of the superstitions and various ethnographic sketches from Csaba (e.g. ornaments from the "polievačky"). In a small notebook he recorded witty literal translations of Hungarian phraseologisms into Slovak (Magyar Szépirás) [The Compatriot's Museum of the Matica slovenská], fund [fund], Sekerka, Ján. Hungary].

Throughout Ján Sekerka's wide-ranging work, one can see connections between the Slovak and Hungarian worlds, which Sekerka interconnected in every possible way. His life and work form a network of syntheses that interpenetrate each other from different angles and generate a range of creative forms. In Sekerka's work, they included poems, music and song collection, informative articles, educational articles, crossword puzzles, periodical publishing, and dictionary work. In general, they constituted a means of expressing Slovakness in a foreign and international environment.

REFERENCES

- Archív Národného biografického ústavu SNK v Martine** [The archive of the National Biographical Institute of Slovak National Library in Martin], fond [fund] (Ján Sekerka), HA 3615/2000. In Slovak.
- Krajanské múzeum Matice slovenskej** [The Compatriot's Museum of Matica slovenská], fond [fund], *Aktivity osobností slovenského pôvodu v Maďarsku* [The activities of personalities of Slovak origin in Hungary]. Maďarsko [Hungary]. In Slovak and Hungarian.
- Krajanské múzeum Matice slovenskej** [The Compatriot's Museum of Matica slovenská], fond [fund], *Presídľovanie (materiály)* [Resettlement (materials)]. Maďarsko [Hungary]. Sign: MA/CH, f.1, k.1
- Krajanské múzeum Matice slovenskej** [The Compatriot's Museum of Matica slovenská], fond [fund], Sekerka, Ján. Maďarsko [Szekerka, János, Hungary]. In Slovak and Hungarian.
- Andruška, P.** *Literárna tvorba Slovákov z Dolnej zeme* [Literary works of Slovaks from the Lowland]. Šaľa: A-klub, 2014, 212 p. In Slovak.
- Andruška, P.** *Súčasní slovenskí spisovatelia z Maďarska* [Contemporary Slovak writers from Hungary]. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2008, 106 p. In Slovak.
- Bartalská, E.** *Ozveny rovín* [The echoes of the planes]. Martin: Matica slovenská, 1985, 163 p. In Slovak.
- Bartalská, E.** 1981. *Tvorba ľudových básnikov – Slovákov v Maďarsku* [Creation of folk poets – Slovaks in Hungary]. In Bielik, F. – Baláž, C. (eds.): *Slováci v zahraničí 7* [Slovaks abroad 7]. Martin: Matica slovenská, 1981, pp. 151 – 165. In Slovak.
- Bauko, J. – Sekerka, J.** *Amerika, zen veliká* [America, great country]. In Szeberényi, E. Ž. (ed.): *Čabiansky kalendár* [The Csaba calendar], 1932, vol. 13, p. 92. In Slovak.
- Bauko, J. – Sekerka, J.** *Sejú mak, naopak...* [They are sowing poppy in reverse]. In Szeberényi, E. Ž. (ed.): *Čabiansky kalendár* [The Csaba calendar], 1932, vol. 13, p. 92. In Slovak.
- Debinszky Gy.** *A szlovák betű útja Békéscsabán. Cesta slovenskej litery na Čabe* [The journey of the Slovak letter in Békéscsaba]. Békéscsaba: Békés Megyei Tanács, 1987. In Slovak and Hungarian.
- Puskás, A.** *Female Identity in Feminist Adaptations of Shakespeare*. Budapest: Tinta, 2014, 134 p. In English.
- Sekerka, J.** *Malá slovenská mluvnica a krátky maďarsko-slovenský slovník / Kis szlovák nyelvtan és rövid magyar-szlovák szótár* [A small Slovak grammar and a short Hungarian-Slovak dictionary]. Békéscsaba Čaba: Antifašistický font Slovanov, 1946. 88 p. In Slovak and Hungarian.

Sekerka, J. XX. Stoletie [The 20th century]. In Bauko, J. – Vician, J. (eds.): *Slovenská rodina* [The Slovak family], 1934, vol. 1, no. 7, p. 8. In Slovak.

Sekerka, J. Boľasť, žalosť [The pain, the sorrow]. In Bauko, J. – Vician, J. (eds.): *Slovenská rodina* [The Slovak family], 1934, vol. 1, no. 6, p. 11. In Slovak.

Sekerka, J. Čabianska slovenčina (1.) [The Csaba's Slovak language 1]. In Bauko, J. – Sekerka, J. (eds.): *Slovenská rodina* [The Slovak family], 1936, vol. 3, no. 1, p. 2. In Slovak.

Sekerka, J. Čabianska slovenčina (2.) [The Csaba's Slovak language 2]. In Bauko, J. – Sekerka, J. (eds.): *Slovenská rodina* [The Slovak family], 1936, vol. 3, no. 2, p. 10. In Slovak.

Sekerka, J. Čajový večierok [The tea party]. In Szeberényi, G. (ed.): *Evanjelický hlásnik* [The Lutheran Herald], 1934, vol. 4, no. 1 – 2, p. 13. In Slovak.

Sekerka, J. Čo som vid'ev v jarmoku? [What did I see at the fair?]. In Bauko, J. – Vician, J. (eds.): *Slovenská rodina* [The Slovak family], 1934, vol. 1, no. 9, p. 2 – 6. In Slovak.

Sekerka, J. Dievča – láska – bozk [The girl – the love – the kiss]. In Bauko, J. – Vician, J. (eds.): *Slovenská rodina* [The Slovak family], 1935, vol. 2, no. 3, p. 13. In Slovak.

Sekerka, J. Jeseň [The autumn]. In Bauko, J. – Vician, J. (eds.): *Slovenská rodina* [The Slovak family], 1934, vol. 1, no. 9, p. 8. In Slovak.

Sekerka, J. Mesiac [The moon]. In Bauko, J. – Vician, J. (eds.): *Slovenská rodina* [The Slovak family], 1934, vol. 1, no. 8, p. 10. In Slovak.

Sekerka, J. Na Kereši [On the Kereš river]. In Szeberényi, L. Ž. (ed.): *Čabiansky kalendár* [The Csaba calendar], 1935, vol. 16, p. 72. In Slovak.

Sekerka, J. Nočný dážď [The night rain]. In Bauko, J. – Vician, J. (eds.): *Slovenská rodina* [The Slovak family], 1935, vol. 2, no. 7, p. 46. In Slovak.

Sekerka, J. O hudbe [About the music]. In Bauko, J. – Vician, J. (eds.): *Slovenská rodina* [The Slovak family], 1934, vol. 1, no. 4, pp. 5 – 6. In Slovak.

Sekerka, J. Prosba dieťaťka [The child's request]. In Bauko, J. – Sekerka, J. (eds.): *Slovenská rodina* [The Slovak family], 1934, vol. 1, no. 10, p. 12. In Slovak.

Sekerka, J. Slovenčina na Čabe [The Slovak on the Csaba]. In Bauko, J. – Sekerka, J. (eds.): *Slovenská rodina* [The Slovak family], 1936, vol. 3, no. 2, p. 10. In Slovak.

Sekerka, J. Vinš pre deti [The wish for children]. In Bauko, J. – Sekerka, J. (eds.): *Slovenská rodina* [The Slovak family], 1934, vol. 1, no. 10, p. 12. In Slovak.

Sekerka, J. Zasiála som fajaiôčku, zasiála... [I sowed a violet, I sowed...] In Szeberényi, L. Ž. (ed.): *Čabiansky kalendár* [The Csaba calendar], 1934, vol. 15, p. 72. In Slovak.

Szeberényi, G. Sekerka Ján. In Szeberényi, L. Ž. (ed.): *Čabiansky kalendár* [The Csaba calendar], 1936, vol. 17, p. 54. In Slovak.

Redakcia [The editorial office]. Úvodné slovo [Introductory word]. In Bauko, J. – Vician, J. (eds.): *Slovenská rodina* [The Slovak family], 1934, vol. 1, no. 1, pp. 1 – 2. In Slovak.

Šenkár, P. *Slovenská dolnozemska literatúra (v teórii a praxi)* [The Slovak Lowland Literature (in theory and practice)]. Komárno: Univerzita J. Selyho, 2015, 218 p. In Slovak.

Tušková, T. O storočnom čabianskom kalendári [About the hundred-year-old Csaba calendar]. Békešská Čaba: Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku, 2021. 243 p. In Slovak.

Received 14.04.2022

Zuzana Pavelcová

PhDr., Director of Compatriot's Museum

Matica slovenská

P. Mudroňa 1, 036 01, Martin, the Slovak Republic

E-mail: zuzana.pavelcova@centrum.sk

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 1, pp. 87-96. In English.

PICTURE APPENDICES

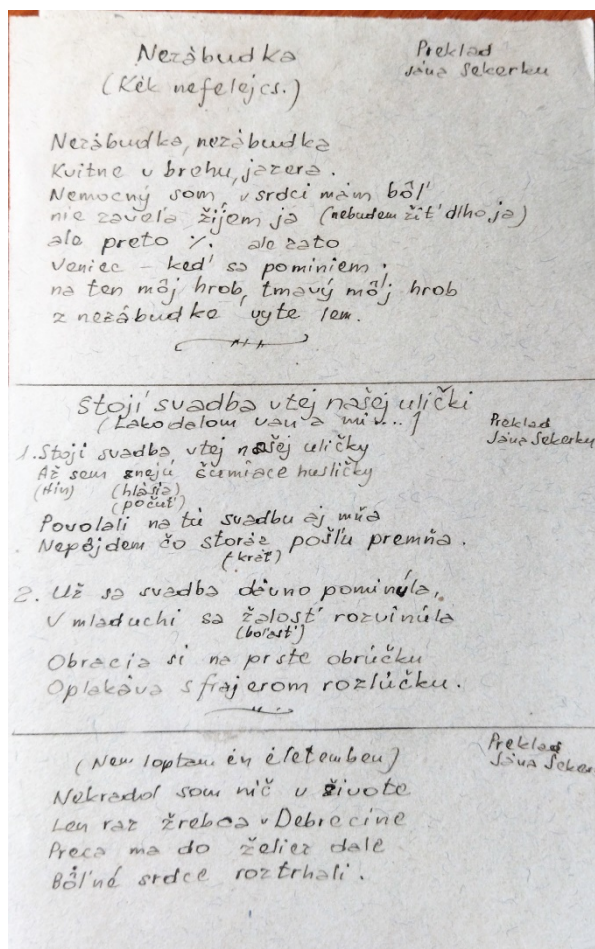
The editorial staff of the compatriot periodical Slovenská rodina [The Slovak family]: From left: Ján Gerči, Ondrej Kerepecký, Ján Sekerka, Juraj Bauko, Ján Pelý.

Source: Krajanské múzeum Matice slovenskej [The Compatriot's Museum of Matica slovenská], fond [fund], *Aktivity osobností slovenského pôvodu v Maďarsku* [The activities of personalities of Slovak origin in Hungary].

Title page of Sekerka's dictionary – Malá slovenská mluvnica a krátky maďarsko-slovenský slovník / Kis szlovák nyelvtan és rövid magyar-szlovák szótár, [A small Slovak grammar and a short Hungarian-Slovak dictionary]. Békésska Čaba: Antifašistický font Slovanov, 1946. 88 p. In Slovak and Hungarian.

Source: Krajanské múzeum Matice slovenskej [The Compatriot's Museum of Matica slovenská], fond [fund], Presídľovanie (materiály) [Resettlement (materials)]. Maďarsko [Hungary]. Sign: MA/CH, f.1, k.1

Manuscript translations by Ján Sekerka.

Source: Krajanské múzeum Matice slovenskej [The Compatriot's Museum of Matica slovenská], fond [fund], Sekerka, Ján. Maďarsko [Szekerka, János, Hungary]. In Slovak and Hungarian. Sign: AK 1/1987, incremental no.153/2001

Зузана Павелцова

ВЕНГЕРСКО-СЛОВАЦКИЙ СИНТЕЗ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ЯНА СЕКЕРКИ

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-87-96

Словаки населяли территорию современной Венгрии уже три столетия тому назад. Свою само-бытность они проявляли через художественное творчество, которое представлено также словацкой литературой южных областей Австро-Венгрии. Феномен словацких народных авторов – т. н. *írsmačov* [писмаков] родился в колибели венгерской среды. Первые литературные попытки словацких авторов находим в календарях и периодических изданиях соотечественников, которые стали наиболее доступным чтением для народа. *Ľabiansky kalendár* [Чабиянский календарь] создал условия для того, чтобы первые произведения этого вида могли появляться в 30-ых годах 20-го века. Народные авторы, часто без высшего образования, без хорошего владения словацким языком, прежде всего крестьяне и рабочие, адресовали свои идеи широким слоям населения при помощи простого поэтического языка и несложной поэтической формы. Эти авторы вышли из народа и для народа творили, поэтому незаменимы в литературе. Их творчество ориентировано на светские темы. К ним относились: народ, жизнь, сельское хозяйство, природа, любовь, недуги народа и труд. Одним из таких авторов южных областей Австро-Венгрии был Ян Секерка (1904–1984), по происхождению из Бекешской Чабы (по-венгерски *Békéscsaba*). Оттуда происходит и феномен народных авторов. Секерка по профессии был застройщиком-техником. Также он занимался собиранием народных песен и их нотной записью. На страницах Чабиянского календаря и периодической печати *Slovenská rodina* [Словацкая семья] и *Evanjelický hlásnik* [Евангелический глашатай], разбросаны его поэтические и публицистические произведения. Его творчество не было опубликовано ни в одном отдельном сборнике. Рукописные заметки находятся в архивном фонде

специализированного отдела Матицы словацкой – в Земляческом музее в Мартине. Творчество Секерки в венгерском и словацком языках в основном отражает злободневные общественные темы. Была опубликована *Malá slovenská mluvnica a krátky maďarsko-slovenský slovník* [Малая словацкая грамматика и краткий венгерско-словацкий словарь] как руководство по коммуникации в венгероязычной среде. Целью статьи является введение в историко-литературный процесс и интерпретирующий анализ преимущественно поэтического творчества Я. Секерки с особым акцентом на венгерский и словацкий контексты через призму прошлого, настоящего и будущего.

Ключевые слова: Словацкая литература в Венгрии, словацкие народные авторы, Ян Секерка

Поступила в редакцию 14.04.2022

Зузана Павелцова
PhDr., директор Земляческого музея Матицы словацкой
Р. Mudroňа 1, 036 01, Мартин, Словакия
E-mail: zuzana.pavelcova@centrum.sk

История, археология, этнография

УДК 929:902(470)(045)

А. П. Зыков

НАЧАЛО БЛИСТАТЕЛЬНОГО ПУТИ (К ЮБИЛЕЮ АРХЕОЛОГА Р. Д. ГОЛДИНОЙ)

В 2021 г. Римме Дмитриевне Голдиной исполнилось 80 лет. Первое десятилетие ее археологической деятельности (1962–1972 гг.) прошло в г. Свердловске, где она была одной из первых учениц известного советского археолога В. Ф. Генинга. Здесь в 1963 г. она окончила 5 курс исторического факультета Уральского университета, после перехода из Пермского университета. В Свердловске Р. Д. Голдина прошла настоящую подготовку археолога-полевика, способного исследовать любые археологические памятники – от неолита до позднего средневековья. В Уральской археологической экспедиции была заместителем начальника больших отрядов, состоящих из 120–200 человек, в 1963–1968 гг. работавших в лесостепи Западной Сибири. В 1969–1971 гг. Римма Дмитриевна была начальником Удмуртского отряда УАЭ. Одновременно с полевыми работами в 1968–1970 гг. училась в аспирантуре УрГУ. В 1971 г. в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР защитила кандидатскую диссертацию «Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье». За первое десятилетие своей деятельности Р. Д. Голдина стала высококлассным специалистом в области археологии. В 1972 г. она переехала в г. Ижевск в Удмуртский университет, где и работает до сих пор. Статья показывает непростой путь профессионального становления начинающего археолога Р. Д. Голдиной. За десять лет, проведенных в Свердловске, Римма Дмитриевна из старательной и перспективной студентки превратилась в серьезного, эрудированного учёного, оставаясь трудолюбивым, честным и справедливым человеком.

Ключевые слова: Римма Дмитриевна Голдина, Владимир Фёдорович Генинг, Верхнее Прикамье, Ломоватовская культура, средневековье, эпоха Великого переселения народов.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-97-105

В 2021 г. состоялся юбилей выдающегося учёного и замечательного человека Риммы Дмитриевны Голдиной.

Автор на полные 19 лет младше Р. Д. Голдиной и со своих студенческих лет во время обучения по специальности «археология» на историческом факультете Уральского университета (УрГУ) в г. Свердловске (1978–1983 гг.) познакомился с научными статьями уже тогда выдающегося археолога-медиевиста. Конечно, я знал, что первое десятилетие её научной деятельности неразрывно было связано со Свердловском, с УрГУ. Возможно, именно свердловское начало научного пути и определило интерес автора к личности учёного Р. Д. Голдиной. Много позднее автор прочитал научно-популярную книгу, где Римма Дмитриевна с позиции состоявшегося успешного археолога Приуралья сдержанно и с юмором описывает свою молодость [Голдина 2014, 289–295].

Юная отличница-медалистка после окончания средней школы в с. Большая Соснова Большесосновского района Пермской области поступила на исторический факультет Пермского университета (ПГУ), где и проучилась четыре курса (1958–1962 гг.). Первым научным руководителем курсовых работ, собственно выведшим её в мир археологической науки, был тогда кандидат исторических наук, доцент Владимир Антонович Оборин (1929–1995). Но в конце её 4 курса в г. Перми побывал Владимир Фёдорович Генинг, энергичный, авторитетный доцент кафедры истории СССР УрГУ, которому требовались перспективные кадры археологов для укомплектования планируемой им хозяйственной Уральской археологической экспедиции (УАЭ), которая была необходима для дополнительного финансирования археологической науки на Урале.

Бегло просмотрев курсовые работы студентов истфака ПГУ, переговорив со своими пермскими коллегами В. А. Обориным, А. Д. Вечтомовым и Ю. А. Поляковым, он сделал безошибочный выбор в пользу 20-летней студентки Р. Д. Вотинцевой, только что вышедшей замуж за своего однокурсника и после смены фамилии ставшей Голдиной. Он убедил своего коллегу В. А. Оборина предложить ей перевестись на 5 курс истфака УрГУ с последующей учёбой в аспирантуре. Мнением на сей счёт самой студентки Р. Д. Голдиной никто даже не подумал поинтересоваться.

Владимир Фёдорович Генинг (1924-1993) был одним из крупнейших учёных-археологов Урало-Поволжья, великолепным организатором науки в регионе, большим тружеником. При этом Владимир Фёдорович много времени и сил уделял работе с учениками, выбирая их из умных и трудолюбивых студентов, воспитывая хороших полевиков-археологов и руководителей археологических отрядов и экспедиций. В четверокурснице из Перми В. Ф. Генинг разглядел качества, необходимые для становления учёного и организатора. Несмотря на все сложности перевода из одного города в другой, совершенно чужой и незнакомый, Римме Дмитриевне несказанно повезло. Она получила настоящего талантливого научного руководителя, под руководством которого в короткий срок, всего за десяток лет, смогла вырасти в высококвалифицированного учёного, археолога-полевика, способного раскапывать памятники всех типов и эпох, грамотного руководителя крупных отрядов и экспедиций.

Привлекая Р. Д. Голдину в УрГУ, Владимир Фёдорович Генинг прежде всего хотел вырастить из нее специалиста по изучению Ломоватовской культуры раннего средневековья Верхнего Прикамья, чем он сам занимался ранее. Чтобы у неё в дальнейшем не возникало никаких препятствий в работе с приуральскими материалами, самолюбивый Владимир Фёдорович был готов пойти на беспрецедентный для него шаг – совместное научное руководство Р. Д. Голдиной с В. А. Обориным. Двойное руководство обеспечивало студентке плавный переход из одного вуза в другой, позволяло сохранить хорошие рабочие отношения с Пермским университетом. Новую ученицу В. Ф. Генинг знакомил со своей системой археологических концепций, взглядов на культурогенез, этногенез, принципами работы с археологическими материалами и находками, особенно в создании их классификаций и типологий. Учил грамотно, аргументированно писать научные работы. А во всём этом у Владимира Фёдоровича было чему поучиться. От Риммы Дмитриевны требовалось лишь неиссякаемое трудолюбие, в чём она ни на йоту не подвела своего второго учителя, полностью оправдав его требования.

Так в 60-70-е гг. XX в. родился тандем соавторов Генинг–Голдина. Научная общественность тех лет с большим интересом следила за яркой, непрекращающейся, почти детективной дискуссией этого уральского тандема с А. К. Амброзом и Н. А. Мажитовым по вопросам хронологии наборных поясов раннего средневековья Северной Евразии. Симпатии большей части российских археологов были на стороне хронологической схемы В. Ф. Генинга и Р. Д. Голдиной [Зыков 2012, 74–77].

Поступить в аспирантуру сразу после окончания 5 курса УрГУ в 1963 г., как ранее планировалось, не получилось. До 1968 г. Р. Д. Голдина работала старшим лаборантом кафедры истории СССР УрГУ. Кроме того, жизнь есть жизнь: в 1966 г. у Голдиных родилась дочь Екатерина Владимировна, впоследствии пошедшая по стопам мамы, ставшая кандидатом исторических наук, специалистом по бусам раннего железного века и раннего средневековья в Удмуртском университете [Голдина 2010]. Лишь в 1968–1970 гг. Римма Дмитриевна смогла закончить аспирантуру УрГУ. Написание кандидатской диссертационной работы по специальности «археология» – процесс трудоёмкий и не быстрый.

В 1971 г. в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР Р. Д. Голдина блестяще защитила кандидатскую диссертацию «Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье», выполненную под научным руководством В. Ф. Генинга и В. А. Оборина. В ней была представлена продуманная концепция обширной археологической культуры раннего средневековья, образованной на основе синтеза местного гляденовского населения Верхнего Прикамья, пермского в своей основе, и пришлых угорских групп, мигрировавших из лесостепных районов Приуралья и лесного Зауралья. Вся эпоха существования культуры V–IX вв. делилась на четыре хорошо датированных хронологических стадии. В диссертационной работе Р. Д. Голдиной были изложены основы методики изучения материалов раннего средневековья, которая получила в дальнейшем развитие уже в г. Ижевске.

В свердловский период работы Риммы Дмитриевны ещё до защиты диссертации были подготовлены и опубликованы первые крупные работы [Генинг, Голдина 1970, 30–56; Голдина 1968, 87–98; 1968а, 111–119; 1970, 57–113]. Ещё одна крупная статья была сдана в печать до отъезда Р. Д. Голдиной в Ижевск, но вышла только 1973 году. [Генинг, Голдина 1970а, с. 60–121]. Это стало только началом большого пути в науке.

Кроме кабинетной научной работы молодая сотрудница Р. Д. Голдина активно занималась полевой археологией. Но если в Перми полевые экспедиции были для неё овеяны романтикой дальних поездок, палаток на опушке леса, кострами, песнями, жизнью на раскопках, единым общим делом, то в Свердловске Римма Дмитриевна столкнулась с тяжёлыми буднями руководства сначала маленькими отрядами, а потом большими экспедициями, поняла, что такое нести полную ответственность за всё: результаты труда, людей, их дисциплину, быт и даже за романтику. Но она с детства не боялась ни тяжёлой работы, ни ответственности.

Требования уральской археологической школы, формируемой В. Ф. Генингом в 1960-е гг., никогда не описывались и не провозглашались. Авторитет основателя школы, легендарного «Шефа», как все его называли, был непререкаемым. Археолог «генинговской школы» был обязан научиться исследовать различные типы памятников любых эпох, вне зависимости от своих желаний и интересующей его тематики. Археолог обязан научиться руководить работой и полевой жизнью любого коллектива временно подчинённых ему научных сотрудников и рабочих-землекопов из числа студентов и школьников, нести полную ответственность за них. Археолог был обязан предоставлять квалифицированный научный отчёт в срок, независимо от того, на чье имя был выписан Открытый лист на проведение раскопок. Обычно, в 1960-х – начале 1970-х гг. он выдавался на имя Владимира Фёдоровича Генинга в одном экземпляре на всю Уральскую археологическую экспедицию. Таким образом, Генинг брал на себя всю ответственность за проделанную работу и неизбежные ошибки начинающих археологов. Но за любое упущение, а уж тем более нарушение этих требований, наказание могло быть только одним – немедленное исключение из неофициальной генинговской школы.

После экспедиции и написания полевого отчёта студент должен был подготовить научную статью по результатам раскопок и, конечно же, успешно учиться, сдавать зачеты и экзамены. В. Ф. Генинг, находившийся всю Великую Отечественную войну в трудармии на строительстве железных дорог на Урале и лесозаготовках, был нетерпим к проявлениям лени, халатности, небрежности, недисциплинированности и просто глупости. Владимир Фёдорович отличался высокой нравственностью, был нетерпим к пьянству и фактам морального разложения. В. Ф. Генинг мог предъявлять завышенные требования к своим ученикам и коллегам, поскольку со своей женой Тamarой Карповной и детьми показывал пример дружной, хорошо сплочённой интернациональной семьи, являясь образцом советского учёного. Владимир Фёдорович был требователен, но при этом проявлял истинно отеческую заботу: двери его дома всегда были открыты, всех ждал тёплый приём, искреннее внимание и вкусный обед, приготовленный с любовью его женой, армянкой по национальности.

Римма Дмитриевна полностью поняла и приняла систему своего нового научного руководителя. Сразу после окончания 5 курса УрГУ, в первый же свердловский полевой сезон 1963 г., ей доверили самостоятельные раскопки с отрядом из 12 человек Фоминцевских курганов VI в до н. э. – начала н. э. в Бердюжском районе Тюменской области в зауральской лесостепи [Генинг, Голдина 1969а, 90–101]. В 1964 г. последовали раскопки неолитического полуземляночного жилища у д. Кокуй Абатского района Тюменской области [Генинг, Голдина, 1969, 30–47], тогда же раскопки – городища Кучум-гора в Ишимском районе Тюменской области с верхним слоем XV–XVI вв. эпохи Сибирского ханства и подстилающим – бронзового века [Голдина 1969, 138–158].

Первый этап генинговской полевой школы молодая исследовательница прошла успешно. Наступило время перехода на более сложную ступень – научиться руководить крупными отрядами. В 1965 г. она была назначена начальником отряда УАЭ из 120 человек на раскопках городища Большой Лог в окрестностях г. Омск. Памятник был сложностратифицированным, состоящим как минимум из трёх культурных слоев: позднего бронзового века, раннего средневековья VI–VIII вв. и позднего средневековья XV–XVI вв. Огромный раскоп в 1625 кв. м. делился на девять условных частей, каждой из которых руководили «сахемы» – студенты УрГУ, специализировавшиеся по археологии. Они руководили группами рабочих-землекопов, вели полевую документацию (чертежи и дневники). Задача Голдиной состояла в том, чтобы контролировать ход работы, дисциплину, организовать быт отряда, т. е. отвечать за всё. Римма Дмитриевна находилась постоянно в экспедиционном лагере. Но рядом, в омской гостинице, проживал В. Ф. Генинг, который почти каждый день появлялся на раскопе, осуществляя общий контроль. Со стороны Владимира Фёдоровича это не было проявлением какого-то сибаритства. Просто иначе он поступить не мог: нельзя было допустить срывов работы, грубых ошибок на раскопках сложного объекта, но одновременно нужно было научить молодого сотрудника работать самостоятельно.

В 1967–1968 гг. ситуация полностью повторилась на раскопках комплекса памятников из городища и поселения бронзового века, могильников бронзового и раннего железных веков, двух отдельных погребений эпохи Великого переселения народов у с. Черноозерье Омской области. Тут работали отряды по 200 человек. Р. Д. Голдина выполняла ту же роль начальника при постоянно присутствующем в лагере «Шефе». По прошествии многих десятилетий об этом двойственном положении она вспоминает с пониманием: «В. Ф. Генинг формировал из меня руководителя очень быстрыми темпами» [Голдина (Вотинцева) 2014, 293].

В 1969 г. начались хоздоговорные работы УАЭ УрГУ в зоне предполагаемого затопления Нижнекамского водохранилища. И один из основных отрядов УАЭ, Удмуртский, В. Ф. Генинг предложил

возглавить Р. Д. Голдиной. Так Римма Дмитриевна в 1969–1971 гг. проработала во главе отряда, состоявшего из студентов исторического факультета Удмуртского государственного педагогического института, в Каракулинском районе Удмуртской АССР.

В 1971 г. Римма Дмитриевна стала кандидатом исторических наук. Во время работы с Удмуртским отрядом познакомилась с преподавателями и студентами из Ижевска, прониклась к ним искренней симпатией. А в 1972 г. Удмуртский пединститут был преобразован в университет, и заведующий кафедрой всеобщей истории В. Е. Майер пригласил Римму Дмитриевну принять участие в конкурсе на должность старшего преподавателя для чтения курса «Основы археологии». Она согласилась. Предстоял переезд в другой город. В Свердловске нужно было завершить разводом полностью разладившиеся отношения с мужем. Как она писала много позднее: «...взгляды на жизнь у нас настолько разные, что совместная жизнь стала бессмысленной» [Голдина (Вотинцева) 2014, 277]. Но в Свердловске оставался учитель и наставник В. Ф. Генинг.

Мудрый человек Владимир Фёдорович понял, что его ученица, на становление которой он потратил десяток лет, из которой создал высококвалифицированного специалиста-археолога, истинного продолжателя дела, которое лучше всего у него получалось, – археология железного века и средневековья Прикамья, оперилась, встала на крыло и нашла для себя наиболее благоприятную для полного раскрытия своих талантов среду обитания – Удмуртскую АССР.

В октябре 1972 г. Римма Дмитриевна вместе с дочерью Катей переехала в Ижевск. И для неё наступила самая плодотворная пора жизни, которая продолжается без малого 50 лет.

Римме Дмитриевне необходимо было создать в Удмуртском университете сильную кафедру археологии, хозяйственную археологическую лабораторию при ней, выстроить систему своей археологической полевой школы, в которой воспитать целую плеяду своих единомышленников и учеников – археологов. То есть делать всё в точности то же самое, чему учил её Владимир Фёдорович Генинг в Свердловске в УрГУ. И делать это не торопясь, без излишней спешки и истинно по-женски: мягко и деликатно. Так же, как и В. Ф. Генинг, Римма Дмитриевна была требовательна к своим ученикам, нетерпимо относилась к лени, алкоголизму, аморальному поведению. Но при этом окружала их своей материнской заботой и вниманием. Римма Дмитриевна, вторично выйдя замуж, с мужем и уже двумя дочерьми принимали в своём счастливом доме учеников и коллег.

Р. Д. Голдина изучала археологические материалы раннего железного века – средневековья огромного лесного региона и лесостепного севера бассейнов рек Камы и Вятки также, как в предшествующее десятилетие было великолепно отработано ею на раннесредневековой ломоватовской культуре Верхнего Прикамья. В результате деятельности Р. Д. Голдиной и её более молодых коллег лесное Прикамье стало одним из самых археологически изученных регионов Российской Федерации. Все материалы, полученные из раскопок, изучались, а затем обязательно следовала их публикация в небольших статьях и многотомных монографиях.

Моё становление и развитие как учёного-археолога проходило под впечатлением от книг и статей Риммы Дмитриевны Голдиной. Всегда восхищала логичная стройность и безупречная доказательность её культурологической схемы. К сожалению, с изучением материалов средневековья севера Западной Сибири всё обстояло совершенно иначе. Здесь явно наблюдался глубокий кризис, проявившийся в конце 1960-х гг. В 1950-е гг. В. Н. Чернецов предложил свою схему единой нижнеобской культуры II–XIII вв. [Чернецов 1957, 136–245], но в силу недостаточной археологической изученности региона схема содержала целый ряд ошибок и недостатков, которые надо было исправлять по мере изучения новых материалов. Но западносибирские археологи предпочли выделять новые локальные отдельные типы памятников и культуры по юго-западным, южным и юго-восточным границам ареала. И первым на этот путь встал учитель Р. Д. Голдиной Владимир Фёдорович Генинг, поддержавший вслед за В. И. Мошинской [Мошинская 1953, 182–220] отдельную Потчевашскую культуру в Среднем Прииртышье, но не «середины I тыс. до н. э. – I в. н. э.», а V–VIII вв. Он рассматривал её как «часть большой этнокультурной общности большей части территории Приобья» от Томского и Новосибирского Приобья до низовьев р. Обь [Генинг и др. 1970, 223, 224].

В последний раз об «обширной западносибирской этнокультурной общности второй половины I тыс. н.э., которая объединяла археологические культуры, содержащие в большем или меньшем количестве керамику с фигурно-штамповым или гребенчатым орнаментом», в которую входила и Потчевашская культура Среднего Прииртышья, он упоминал в статье о Лихачёвском могильнике [Генинг, Зданович 1987, 130–132]. В. Ф. Генинг отлично понимал, что выделяемая им культура была результатом переселения северного охотничье-рыболовецкого населения в лесостепь, но не предполагал, что

было две миграции, разделённых приходом сюда кочевников-гуннов: более ранняя II–III вв. Кулайской культуры и более поздняя второй половины VI–IX вв., которую собственно и назовут Потчевашской культурой [Конигов, 1981].

Причиной выделения этой культуры раннего средневековья была поспешность В. Ф. Генинга и по-прежнему недостаточный объем материала. При этом Владимир Фёдорович возлагал большие надежды на своих учеников — продолжателей его дела. Именно в расчете на них он неоднократно говорил об «обширной этнокультурной общности второй половины I тыс. н.э.» и организовал с 1971 г. раскопки на Барсовой Горе близ г. Сургута. Но ученики-медиевисты так и не смогли вовремя оценить его предвидения. В результате в историографии уральской археологии В. Ф. Генинг оказался в числе сторонников необоснованно выделенной Потчевашской культуры, поглощённой позднее носителями полностью реабилитированной нижеобской культуры В. Н. Чернецова [Зыков, 2012, 34, 35].

Ещё более грустной выглядела история археологического изучения Уральской АЭ в 1960-е гг. памятников сибирских татар XIII–XVI вв. В. Ф. Генинг был первым, кто с последней четверти XIX – первой четверти XX вв. занимался этой проблематикой, раскапывал и публиковал с Р. Д. Голдиной материалы XV–XVI вв. городища Кучум-гора и Большой Лог [Генинг и др., 1970, 225–228; Голдина 1969, 153–158], Пахомовский могильник конца XIII – первой половины XIV вв. – с Б. Б. Овчинниковой [Генинг, Овчинникова 1969, 128–137], три погребения XIII–XIV вв. Лихачевского могильника – со С. Я. Зданович [Генинг, Зданович 1987, 123, рис. 5, 1–6].

Владимир Фёдорович отлично понимал важность изучения памятников, оставшихся от единственного в дорусский период местного феодального государства – Сибирского ханства. Он не хотел ограничиваться малоинформативными результатами раскопок рядовых городищ и могильников позднего средневековья Среднего Прииртышья. В 1968 г. В. Ф. Генинг поручил своей, тогда еще неопытной сотруднице Б. Б. Овчинниковой выяснить перспективы археологического изучения остатков столицы ханства городища Искер. Но она предоставила материалы, исключающие перспективность проведения полномасштабных раскопок. И больше к проблеме Сибирского ханства В. Ф. Генинг не возвращался [Зыков и др. 2017, 48–49]. В результате изучение столицы Сибирского ханства было отложено на 20 лет, а полное изучение и публикация археологических материалов – почти на 50 лет.

Я окончил исторический факультет УрГУ в 1983 г. и начал работать в археологической хозяйственной лаборатории, в 1988 г. перешел в Отдел истории Института экономики УрО АН СССР, позднее преобразованный в Институт истории и археологии УрО РАН. Только здесь мне удалось реализовать свои археологические предпочтения: раскапывать те археологические памятники, которые были интересны – городище Искер, городок Эмдер, могильник конца XV–XVI вв. Эсский Остров и т. д.; исследовать широкий круг научных проблем: от книг по Холмогорской коллекции III–IV вв. и городище Искер – город Сибир, создавать учебную литературу для старших классов «История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней».

Р. Д. Голдина пристально изучала и изучает новые публикации своих коллег, поэтому не могла пропустить и мои статьи и книги [Зыков 2011, 66–80; Щит и меч... 2008, 59–120]. Как выяснилось позже, она отметила, что у екатеринбургского автора есть своя система взглядов на давно и хорошо ей знакомый комплекс приуральского оружия и доспехов эпохи Великого переселения народов. Весной 2013 г. произошла забавная ситуация: у меня готовилась к выходу монография, подписанная в печать в последний день прошедшего года, поэтому год издания значился 2012. Но тираж вышел позже, и Римма Дмитриевна никак не могла найти новинку. Тогда её коллеги обратились за помощью к самому автору. Конечно, когда монография вышла, я отправил экземпляр в Ижевск для Р. Д. Голдиной. Так автор и Римма Дмитриевна познакомились заочно.

Из этой книги [Зыков, 2012] Р. Д. Голдина поняла, насколько был прозорлив её учитель В. Ф. Генинг, когда уже в 1970 г. предположил, что на севере Западной Сибири существовала единая средневековая этнокультурная общность, и что искать признаки и доказательства этого надо именно на севере. Но сам Владимир Фёдорович не успел обработать новые материалы; на раскопки и их обработку потребовалось двадцать лет. Именно через такой срок появилась первая статья, где была выстроена периодизация, которая была предложена группой екатеринбургских археологов, как модернизированная схема этапов В. Н. Чернецова [Фёдорова и др. 1991, 126–145]. А ещё через двадцать лет вышла монография А. П. Зыкова. Римма Дмитриевна убедилась, что в Западной Сибири начали неудержимо набирать обороты те же процессы, которым в лесном Приуралье она посвятила всю свою жизнь. И решила поддержать неожиданно для неё появившегося союзника и единомышленника.

Так родилась наша пока ещё единственная публикация совместного доклада «Лес и лесостепь Уральской Евразии в эпоху железа (I тыс. до н. э. – XVI в. н. э.): проблемы контактов и взаимодействия», зачитанного на IV Северном археологическом конгрессе в г. Ханты-Мансийск в 2015 г. [Голдина, Зыков 2015, 36-54]. Автору, безусловно, была важна и приятна такая поддержка со стороны давно уважаемого им учёного.

XXI в. подарил нам новое средство общения – интернет, благодаря которому мы смогли обсуждать и спорить по вопросам прикамского оружия и доспехов эпохи Великого переселения народов. Результатом этих дискуссий и достаточно длительной переписки стало предложение Риммы Дмитриевны к автору — написать статью по вооружению и военному снаряжению Тарасовского могильника I–V вв. для IV тома «Исследований материалов Тарасовского могильника». Поначалу автор отнесся с удивлением к такому предложению, ибо он отлично знал, что в Ижевске работает свой специалист по приуральскому вооружению С. Р. Волков, ученик Р. Д. Голдиной. Но к этому моменту С. Р. Волков, как оказалось, не работал в УдГУ, хотя начинал работу с материалами Тарасовского могильника, но не закончил ее. Вполне добротным им были сделаны лишь разделы по наконечникам стрел и удилам с псалиями, они требовали лишь относительно небольших дополнений, а весь остальной материал необходимо было полностью переработать.

Автор до сих пор не забыл того чувства восторга, которое он испытывал в период работы над материалами Тарасовского могильника. Редкому оружейнику выпадало счастье работать со столь разнообразной огромной коллекцией вооружения и военного снаряжения, происходящей из полностью раскопанного могильника в 1880 погребений. Работу очень облегчала великолепная хронологическая обработка материалов могильника и полное антропологическое определение всех костячков из погребений с находками оружия и военного снаряжения, сделанное ижевскими коллегами. Этот памятник позволил объективно выйти на самые тонкие вопросы развития военной организации общества Среднего Прикамья на протяжении почти 500 лет, проследить эволюцию от примитивного всеобщего народного ополчения эгалитарной общины I–II вв. к сложному иерархизированному военно-дружинному обществу конца IV–V вв. во главе с наследственными военными вождями «княжеского» ранга. Автор всегда будет признателен Римме Дмитриевне за то состояние профессионального счастья, которое она ему подарила, позволив поработать с великолепным археологическим памятником. Автор до сих пор горд тем, что оказался полезен Римме Дмитриевне.

В 2016 г. работа над статьёй была завершена. Краткое изложение очень малой, но самой яркой её части о защитном вооружении (шлемах и доспехах) Тарасовского могильника, была представлена в виде доклада на XX Уральском археологическом совещании в Ижевске [Зыков 2016, 223–225]. Тогда же состоялось очное знакомство с Риммой Дмитриевной, а в последний день работы Уральского совещания состоялся памятный для автора долгий шестичасовой разговор с Риммой Дмитриевной по душам. Это был откровенный разговор двух очень близких по своим научным и жизненным взглядам исследователей раннего железного века и средневековья лесного Приуралья и Западной Сибири, прошедших подготовку в полевой школе В. Ф. Генинга. В тоже время это был разговор ученика со своим истинным Учителем. У автора никогда не было настоящих научных руководителей: ни в студенческой юности на уровне его курсовых и дипломной работ в УрГУ, ни позднее в подготовке и защите диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук в Институте археологии РАН. Конечно, формальные научные руководители были, и автор к ним ко всем относился с глубоким уважением. Но Римма Дмитриевна Голдина для автора с его студенческой юности и все его сознательные научные годы всегда была ярко светящейся далёкой, совершенно недостижимой научной звездой. Ее блестящие статьи и книги, убедительные периодизации приуральских материалов эпох Великого переселения народов и средневековья Приуралья позволили состояться автору как археологу. Если кто и был настоящим учителем для меня, то это Р. Д. Голдина, именно на неё я ориентировался в своей научной работе.

Римма Дмитриевна Голдина – выдающийся учёный, организатор и руководитель. Но ещё она очень милая и счастливая женщина, заботливая и внимательная к окружающим. Обладает замечательным чувством юмора и наполнена неиссякаемой энергией, жаждой деятельности, оптимизмом, стремлением к созиданию. Она со своих юных студенческих лет сохранила восторженное, романтическое отношение к трудной, кропотливой и подчас очень тяжёлой работе археолога.

ЛИТЕРАТУРА

- Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Поселение Кокуй I // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1969. Вып. 8. С. 30–47.
- Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курганы у озера Фоминцево // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1969а. Вып. 8. С. 90–101.
- Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Позделомоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1970. Вып. 9. С. 30–56.
- Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1970а. Вып. 12. С. 58–121.
- Генинг В. Ф., Зданович С. Я.* Лихачёвский могильник на р. Ишим-памятник потчевашской культуры VI–VIII вв. н.э. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Чел. ун-та, 1987. С. 119–133.
- Генинг В. Ф., Овчинникова Б. Б.* Пахомовский могильник // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1969. Вып. 8. С. 128–137.
- Голдина Е. В.* Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.). Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2010. 264 с.
- Голдина Р. Д.* К вопросу о своеобразии неволинских памятников бассейна р. Сылвы // Уч. зап. ПГУ. Вып. № 191. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1968. С. 87–98.
- Голдина Р. Д.* Агафоновский могильник на Верхней Каме // Уч. зап. ПГУ. Вып. № 191. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1968а. С. 11–119.
- Голдина Р. Д.* Городище Кучум-Гора // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1969. Вып. 8. С. 138–158.
- Голдина Р. Д.* Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 1970. Вып. 9. С. 57–113.
- Голдина (Вотинцева) Р. Д.* Большая Соснова – большая любовь. Ижевск, 2014. 343 с.
- Голдина Р. Д., Зыков А. П.* Лес и лесостепи Уральской Евразии в эпоху железа (I тыс. до н.э. - XVI в.н.э.): проблемы контактов и взаимодействия // IV Северный археологический конгресс: доклады. Екатеринбург, 2015. С. 36–56.
- Зыков А. П.* Об этнокультурной ситуации в Среднем Прикамье в эпоху Великого переселения народов // Уфимский археологический вестник. 2011. Вып. 11. С. 66–80.
- Зыков А. П.* Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Изд-во «Уральский рабочий», 2012. 232 с.
- Зыков А. П.* Защитное вооружение Тарасовского могильника (шлемы и доспехи) // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. С. 223–225.
- Зыков А. П., Косинцев П. А., Трепавлов В. В.* Город Сибирь – городище Искер (историко-археологическое исследование). М.: Изд-во «Наука-Вост. Лит.», 2017. 559 с.
- Коников Б. А.* Культура таёжного Прииртышья в VI–XIII вв. н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1981. 16 с.
- Мошинская В. И.* Городище и курганы Потчеваш (к вопросу о потчевашской культуре) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 35. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 189–220.
- Фёдорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М.* Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1991. Вып. 20. С. 126–145.
- Черенцов В. Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Материалы и исследования по археологии СССР. № 58. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 136–145.
- Щит и меч отчизны. Оружие Урала с древнейших времён до наших дней / гл. ред. А. В. Сперанский. Екатеринбург: ООО «Издательство «Раритет», 2008. 466 с.

Поступила в редакцию 21.06.2021

Зыков Алексей Павлович,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института истории и археологии УрО РАН
620108, Россия, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16
e-mail: a.p.zykov@mail.ru

A.P. Zykov

THE BEGINNING OF A MAGNIFICENT WAY (TO THE ANNIVERSARY OF THE ARCHAEOLOGIST R.D. GOLDINA)

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-97-105

Very soon we will celebrate the 80th anniversary of Rimma Dmitrievna Goldina. First decade of her archaeological activity (1962-1972) was connected with Sverdlovsk, where she was among the first students of V.F. Gening and graduated from the Ural State University. Here she got skills in field archaeology on sites from Neolithic to the late Medieval Ages. During 1963-1968 she was vice-director of the Ural Archaeological expedition investigating sites over vast territory of West Siberian forest-steppe. She successfully combined field activity and post-graduate study. In 1971 she defended candidate dissertation “Lomovatovskaya culture in Upper Kama river” in Institute of Archaeology (Moscow). At the very beginning of her archaeological activity R.D. Goldina became a high professional archaeologist. In 1972 she went to Izhevsk for teaching at Udmurt State University. The article shows the difficult path of professional formation of young archaeologist Rimma Goldina, who suffered quite complicated episodes in her career. During ten years in Sverdlovsk from a young earnest student she became a widely erudite and outstanding scientist always remaining a very hard-working, honest and righteous person.

Keywords: Rimma Dmitrievna Goldina, Vladimir Fedorovich Gening, Upper Kama river, the Lomovatovskaya culture, Middle Age, Great Folk Migration.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 1, pp. 97-105. In Russian.

REFERENCES

Gening V. F., Goldina R. D. *Poselenie Kokui I* [Settlement Kokuy I]. // *Voprosy arkheologii Urala*. [Archeological issues of the Urals] Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1969. Issue 8. Pp. 30-47. In Russian.

Gening V. F., Goldina R. D. *Kurgany u ozera Fomintsevo* [Mounds near Lake Fomintsevo] // *Voprosy arkheologii Urala*. [Archeological issues of the Urals]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1969a. Issue 8. Pp. 90-101. In Russian.

Gening V. F., Goldina R. D. *Pozdelomovatovskie mogil'niki v Komi-Permyanskom okruge* [Later Lomovatovskie burial grounds in the Komi-Permyatsky district] // *Voprosy arkheologii Urala*. [Archeological issues of the Urals]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1970. Issue 9. S. 30-56. In Russian.

Gening V. F., Goldina R. D. *Kurgannye mogil'niki kharinskogo tipa v Verkhnem Prikam'e* [Burial mounds of the Kharinsky type in the Upper Kama region]. // *Voprosy arkheologii Urala* [Archeological issues of the Urals]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1970. Issue. 12. Pp. 58-121. In Russian.

Gening V. F., Zdanovich S. Ya. *Likhachevskii mogil'nik na r. Ishim-pamyatnik potchevashskoi kul'tury VI – VIII vv. n.e.* [The Likhachevsky burial ground on the Ishim River is a monument of the Potchevash culture of the VI – VIII centuries AD] // *Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya*. [Early Iron Age and Middle Ages of the Ural-Irtysh interfluv]. Chelyabinsk: Izd-vo Chel. un-ta, 1987. Pp. 119-133. In Russian.

Gening V. F., Ovchinnikova B. B. *Pakhomovskii mogil'nik* [Pakhomovsky burial ground] // *Voprosy arkheologii Urala* [Archeological issues of the Urals]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. Un-ta, 1969. Vyp. 8. S. 128-137. In Russian.

Goldina (Votintseva) R. D. *Bol'shaya Sosnova - bol'shaya lyubov'* [Big Sosnova - a lot of love]. Izhevsk, 2014. 343 p. In Russian.

Goldina E. V. *Busy mogil'nikov nevolinskoi kul'tury (konets IV – IX vv.)* [Beads from burial grounds of the Nevolino culture (late IV – IX centuries).]. Izhevsk: Izd-vo Udmurt. un-ta, 2010. 264 p. In Russian.

Goldina R. D. *K voprosu o svoeobrazii nevolinskikh pamyatnikov basseina r. Sylvy* [On the question of the originality of the Nevolino monuments of the basin of the river. Sylva] // *Uch. Zap. PGU*. [PGU Scholarly notes] Issue № 191. Perm': Izd-vo Perm. un-ta, 1968. Pp. 87-98. In Russian.

Goldina R. D. *Agafonovskii mogil'nik na Verkhnei Kame* [Agafonovsky burial ground on the Upper Kama] // *Uch. Zap. PGU*. [PGU Scholarly notes] Issue № 191. Perm': Izd-vo Perm. un-ta, 1968a. Pp. 11 – 119. In Russian.

Goldina R. D. *Gorodishche Kuchum – Gora* [Ancient settlement Kuchum-Gora] // *Voprosy arkheologii Urala* [Archeological issues of the Urals]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1969. Issue 8. Pp. 138-158. In Russian.

Goldina R. D. *Mogil'niki VII – IX vv. na Verkhnei Kame* [Burial grounds of the VII – IX centuries on the Upper Kama] // *Voprosy arkheologii Urala* [Archeological issues of the Urals]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta. 1970. Issue 9. Pp. 57-113. In Russian.

Goldina R. D., Zykov A. P. *Les i lesostepi Ural'skoi Evrazii v epokhu zheleza (I tys. do n.e. - XVI v.n.e.): problemy kontaktov i vzaimodeistviya* [Forest and forest-steppe of Ural Eurasia in the Iron Age (I millennium BC -

XVI century AD): problems of contacts and interaction] // *IV Severnyi arkheologicheskii kongress: doklady* [IV Northern Archaeological Congress: reports]. Ekaterinburg, 2015. Pp. 36-56. In Russian.

Zykov A. P. *Ob etnokul'turnoi situatsii v Srednem Prikam'e v epokhu Velikogo pereseleniya narodov* [On the ethnocultural situation in the Middle Kama region in the era of the Great Migration of Nations] // *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Bulletin], 2011. Issue 11. Pp. 66-80. In Russian.

Zykov A. P. *Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgut'skogo Priob'ya. Srednevekov'e i novoe vremya* [Barsov Mountain: essays on the archeology of the Surgut Ob region. Middle Ages and Modern Times.]. Ekaterinburg: Izd-vo «Ural'skii rabochii», 2012. 232 p. In Russian.

Zykov A. P. *Zashchitnoe vooruzhenie Tarasovskogo mogil'nika (shlemy i dospekhi)* [Protective weapons of the Tarasov burial ground (helmets and armor)] // *Arkheologicheskoe nasledie Urala: ot pervykh otkrytii k fundamental'nomu nauchnomu znaniyu (XX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie): materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii* [Archaeological heritage of the Urals: from the first discoveries to fundamental scientific knowledge (XX Ural archaeological meeting): materials of the All-Russian (with international participation) scientific conference]. Izhevsk: Institut komp'yuternykh issledovaniy, 2016. Pp. 223-225. In Russian.

Zykov A. P., Kosintsev P. A., Trepavlov V. V. *Gorod Sibir – gorodishche Isker (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie)* [Sibir city – Isker settlement (historical and archaeological research)]. M.: Izd-vo «Nauka – Vost. Lit.», 2017. 559 p. In Russian.

Konikov B. A. *Kul'tura taezhnogo Priirtysh'ya v VI – XIII vv. n.e. Avtoref. dis. kand. ist. nauk.* [The culture of the taiga Irtysh region in the VI – XIII centuries. Extended abstract of Cand. hist. sci. diss.] Novosibirsk, 1981. 16 p. In Russian.

Moshinskaya V. I. *Gorodishche i kurgany Potchevashi (k voprosu o ptchevashskoi kul'ture)* [Potchevashi settlement and burial mounds (on the issue of Ptchevash culture)] // *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR.* [Materials and research on archeology of the USSR], 1953, no. 35. M.: Izd-vo AN SSSR, pp. 189-220.

Fedorova N. V., Zykov A. P., Morozov V. M., Terekhova L. M. *Surgut'skoe Priob'e v epokhu srednevekov'ya* [Surgut Ob region in the Middle Ages] // *Voprosy arkheologii Urala.* [Ural archeology issues], 1991, no. 20, Ekaterinburg: Izd-vo Ural, pp. 126-145.

Chernetsov V. N. *Nizhnee Priob'e v I tysyacheletii nashei ery* [Ob region in the 1st millennium AD] // *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR.* [Materials and research on archeology of the USSR] № 58. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. Pp. 136 -245. In Russian.

Shchit i mech otchizny. Oruzhie Urala s drevneishikh vremen do nashikh dnei [Shield and sword of the motherland. Weapons of the Urals from ancient times to the present day] /Gl. Red. A.V. Speranskii. Ekaterinburg: OOO «Izdatel'stvo «Raritet», 2008. 466 p. In Russian.

Received 21.06.2021

Zykov Alexei Pavlovich,
Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher at the Institute of History and Archaeology
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
16, Sofia Kovalevskaya St., Ekaterinburg, 620108, Russia
e-mail: a.p.zykov@mail.ru

Л. В. Алексеева

**К ВОПРОСУ О ТРЕТЬЕМ ЭТАПЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ССЫЛКИ
И ЧИСЛЕННОСТИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА СЕВЕРЕ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1930–1933 гг.)**

В статье рассматривается один из дискуссионных вопросов современной исторической науки – третий этап крестьянской ссылки и численность раскулаченных крестьян, отправленных на поселение в начале 1930-х гг. в пределах современных Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Автор осуществляет ретроспективный взгляд на предыдущие два этапа «кулацкой ссылки» (1930–1931 гг.) и представляет уточненные данные о численности крестьян, выявляет их долю в населении национальных округов. В статье уделяется внимание дискуссии об этапах крестьянской ссылки и численности спецпереселенцев в 1930–1933 гг., рассмотренной автором в соответствии с выделенными им двумя подходами в отечественной историографии. Автор сосредотачивает внимание на анализе ошибочных трактовок статистических данных, которые привели к формированию представлений в региональной историографии, выразившихся в преувеличении численности спецпереселенцев, отправленных в национальные округа Севера Западной Сибири. На основе анализа документов Политбюро, ОГПУ и Уралобкома ВКП(б), отразивших планы ссылки 1932 г., в исследовании установлен факт третьего этапа ссылки в регион. Методом прямого подсчета и сопоставления данных различных источников установлена численность спецпереселенцев 1932 г. и сформулирована оценка третьего этапа ссылки, который не носил характера массового переселения в регион. В статье представлен анализ причин свертывания массовых переселений крестьян в 1932–1933 гг. Впервые в отечественной науке внесена ясность по вопросу особенностей третьего этапа крестьянской ссылки в Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский национальные округа.

Ключевые слова: крестьянская ссылка, этап, национальный округ, спецпереселенцы, крестьяне, Север Западной Сибири, Урал, план, численность, исследование, дискуссия.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-106-116

В результате реализации трагической по последствиям государственной политики «ликвидации кулачества как класса» в начале 1930-х гг. север Западной Сибири стал одним из мест расселения раскулаченных крестьян. В исследуемый период указанная территория входила в состав Уральской области, находившейся в форпосте индустриального развития СССР и особенно нуждавшейся в рабочей силе. Север Западной Сибири рассматривался для промышленного Урала как сырьевой район [ГАСО. Ф. Р-856. Оп. 4. Д. 15. Л. 144–155], а ссыльные крестьяне как основная рабочая сила для государственных предприятий лесной и рыбной промышленности. В документах эта прагматическая цель увязывалась с решением идеологических и политических задач региона: преодоление «вековой» отсталости коренных народов, «подъем» Севера, борьба за его хозяйственное освоение, культурное развитие в новых условиях социалистического строительства под лозунгом: «от патриархальщины к социализму» [КУ «ГАЮ». Ф. Э-1. Оп. 11. Д. 120. Л. 355]. Среди дискуссионных вопросов темы «кулацкой» ссылки – этапы и численность отправленных крестьян на каждом из них. По первым двум этапам крестьянской ссылки мы располагаем новыми данными, полученными в последние годы [Алексеева 2020; 2021]. Малоизученным вопросом темы крестьянской ссылки на Север Западной Сибири остается 1932 г., так как неясно, отправляли крестьян в регион или нет. Осуществленное исследование по уточнению хронологических рубежей и количественных данных по первым двум этапам крестьянской ссылки (1930, 1931 гг.) позволяет автору рассмотреть ситуацию с третьим этапом: был ли он реализован применительно к Северу Западной Сибири? Таким образом, проблема исследования заключается в выявлении новых фактических данных, подтверждающих или опровергающих массовое переселение раскулаченных крестьян в Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий округа в 1932 году.

Материалы и методы

Труды отечественных историков, выполненные на этапе позднего социализма, и современные публикации составили фактографическую основу статьи, послужив отправной точкой исследования, начатого автором четверть века назад [Прибыльский 1988; Земсков 1994, 118–147; Славко 1995, 72–

73; Загороднюк 1999; Ивницкий 2001, 315–319; Боркова 2005; Мошкин 2008; Михалев 2010; 2011]. Кулацкая ссылка и раскулачивание в СССР стали предметом рассмотрения в ряде обобщающих работ зарубежных авторов [Conquest 1987; Merl 1995; Fitzpatrick 1996; Keep 1997; Pohl 1997; Viola 2009]. Исследования любопытны с точки зрения выводов и оценок исследуемых явлений и процессов.

Однако для выполнения исследования все же в большей степени были востребованы различные виды источников. Значительная группа документов опубликована, и исследовательский потенциал объемных сборников по истории депортаций крестьянства далеко не исчерпан [Трагедия ... 2001; Политбюро... 2005; 2006; Советская ...2005]. Неопубликованные источники заимствованы из государственных архивов России различного уровня (Российский государственный архив социально-политической истории, Центр документации общественных организаций Свердловской области, Государственный архив Свердловской области, Государственный архив социально-политической истории Тюменской области, Государственный архив Югры и др.). В процессе исследования автором востребованы различные методы. В их числе методы периодизации и контент-анализа; ретроспективный и историко-сравнительный; статистический и математический. Они позволили выявить и систематизировать имеющийся фактический материал, провести сопоставительный анализ данных и осуществить подсчеты, результатом которых стала корректировка бытовавших представлений о численности спецпереселенцев в Остяко-Вогульском и Ямало-Ненецком национальных округах.

Дискуссия об этапах крестьянской ссылки и численности спецпереселенцев

В отечественной историографии наблюдается два подхода к периодизации процесса переселения крестьян на Север Западной Сибири в начале 1930-х гг. Для сторонников *первого подхода* характерно рассмотрение процесса насильственного переселения 1930–1932 / 1933 гг. без выделения конкретных этапов [Прибыльский 1988; Загороднюк 1999; Петрушин 1999]. Этой группой авторов представлены обобщенные данные по количеству отправленных в регион крестьян. Так, Ю. П. Прибыльский считал, что в 1930–1932 гг. на Тобольский Север прибыло не менее 50 тыс. спецпереселенцев, из них в Остяко-Вогульский (Ханты-Мансийский) округ около 37400 человек [Прибыльский 1988]. О том, сколько было отправлено на Ямал, данных Ю. П. Прибыльским не приводилось. Н. И. Загороднюк придерживается мнения, что в 1930–1932 гг. в Тобольском округе были размещены 55 тыс. спецпереселенцев [Загороднюк 2000, 22]. А. А. Петрушин утверждает, что на Тобольский Север было отправлено более 31 тыс. крестьянских семейств, что, по его мнению, составило около 150 тыс. человек [Петрушин 1999, 134]. Однако в его работе эти данные не детализированы, и ссылки на источники не представлены. Таким образом, в имеющихся сведениях о численности крестьян наблюдаются расхождения.

Для исследователей, придерживающихся *второго подхода* к периодизации ссылки, характерно выделение ее этапов, согласно процессам раскулачивания в СССР 1930–1933 гг. Эти этапы выделял известный историк-аграрник Н. А. Ивницкий: 1930, 1931 и 1932–1933 гг. [Ивницкий 2001, 318]. В соответствии с этими этапами осуществлялось и выселение крестьян. В. В. Мошкиным предложена периодизация ссылки в Остяко-Вогульский округ: I этап – с зимы 1930 г. до осени 1930 г.; II этап – весна и лето 1931 г.; III этап – с весны 1932 г. до мая 1933 года. Ошибка в периодизации В. В. Мошкина касается не только хронологических рамок третьего этапа¹, но и численности крестьян. В. В. Мошкин утверждает, что в 1932–1933 гг. было вселено в округ 32 тыс. человек [Мошкин 2008, 53]. Ошибочные утверждения встречаются и в других работах. С. В. Горшков и Н. Н. Попов, ссылаясь на А. А. Петрушина, пишут, что в феврале 1932 г. в Березов и Сургут прибыли тысячи ссыльных [Горшков, Попов 2000, 234]. Этот факт был характерен для первого этапа ссылки, т.е. для февраля 1930 г., а не для 1932 г. В сборнике «Наша общая горькая правда» сообщается, что в апреле 1932 г. спецпереселенцы прибыли в хозяйственные организации Остяко-Вогульского округа (перечисляется контингент по районам округа). Их общая численность составила 30243 человека (6459 семей). Они были размещены в 56 поселках [Наша общая ...2004, 18–19; 45]. В документе, на который ссылаются С. Лазарева и Ю. Дружинина, представлены данные об имевшихся (размещенных на апрель 1932 г.) спецпереселенцах, т.е. речь идет не о ссылке 1932 г., а о численности учтенных спецпереселенцев в округе, расселенных ранее (они прибыли в 1930–1931 гг.).

¹ Ссылка осуществлялась лишь в период навигации 1932 года.

Следует также обратить внимание, что при выявлении числа спецпереселенцев исследователи либо оперировали обобщенными данными по региону, не предоставляя статистики по годам ссылки, либо группировали сведения по территориальному признаку, используя географические названия: Тобольский Север, Уральский Север, Север Западной Сибири, Обь-Иртышский Север, Обской Север. В ряде исследований статистику спецпереселений рассматривали в границах административных образований: Тобольский округ; Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий округа.

Анализ исследований показал, что историкам удалось представить лишь количественные данные по первому этапу ссылки (1930 г.), а вот сколько было отправлено в 1931 г. и 1932 г. в регион, долгое время было неизвестно. Уточненные и новые данные о численности крестьян, сосланных в регион в 1930 и 1931 гг. были представлены лишь в последние годы. Общая численность отправленных спецпереселенцев в Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий округа в 1930–1931 гг. составила по нашим подсчетам 48054 человек. Численность спецпереселенцев составила на 1 октября 1931 г. 43885 человек.

Планы по переселению крестьян в 1932 г.

Репрессии в отношении крестьянства продолжились в 1932 году. Для того, чтобы приблизиться к решению поставленной исследовательской задачи, необходимо проанализировать документы вышших и региональных органов власти по планам переселения на Урал и внутри Уральской области в 1932 г. По данным оперативного учета ОГПУ по состоянию на 10 апреля 1932 г. было учтено невыселенных «кулацких» хозяйств по 22 областям СССР – 321438 [Советская ... 2005, 92]. На 1 января 1932 г. в Уральской области насчитывалось 484679 спецпереселенцев [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 238. Л. 51]; это был самый насыщенный спецконтингентом регион в СССР.

Из протокола заседания комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по спецпереселенцам от 10 апреля 1932 г. по вопросу «О выселении кулаков» содержалась рекомендация: «Считать необходимым в течение текущего года выселить 30–35 тыс. семей кулаков, вычищенных из колхозов и раскулаченных» [Трагедия ... 2001]. ОГПУ разрабатывало крупную операцию по высылке такого большого числа людей, несмотря на наличие гуманитарной катастрофы в спецпоселениях. Высокий уровень детской смертности заставил все же ОГПУ в своем циркуляре от 26 апреля 1932 г. дать указание оставлять детей до 14 лет у родственников или знакомых [Политбюро... 2006, 555].

Постановление СНК СССР «О спецпереселенцах» от 7 мая 1932 г. утверждало представленный ОГПУ план выселения в количестве 38300 семей [Политбюро... 2005, 539]. Комиссия Я. Э. Рудзутака несколько пересмотрела плановые цифры в сторону их уменьшения. Приняли решение о высылке в 1932 г. 30–35 тыс. хозяйств. СПО ОГПУ представил ориентировочные цифры выселения по отдельным областям, в том числе 12,5 тыс. семей на Урал [Политбюро... 2005, 530–534], которых предстояло выселить в течение мая-июля².

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О спецпереселенцах» от 16 мая 1932 г. гласило: «Отменить постановление Политбюро от 4 мая 1932 г. о хозяйственном выселении 38 300 кулацких семейств, предложив ОГПУ отдельные контрреволюционные злостные элементы в деревне изымать в порядке индивидуального ареста» [Политбюро ... 2005, 543]. По сути, был заявлен переход на локальные / точечные высылки небольших кулацких групп по мере их выявления. Несмотря на отмену массовых выселений, торопившиеся исполнить указания апрельских документов ОГПУ местные организаторы «успели» выслать почти 20 тыс. семей по всей стране [Политбюро ... 2005, 801].

Ориентировочный расчет СПО ОГПУ по переселению «кулацких» хозяйств, составленный в апреле 1932 г. включал и уральских «кулаков». Там было учтено 1918 таких хозяйств. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 4 мая 1932 г. предписывало внутриобластное выселение 2 тыс. семейств [Политбюро ... 2005, 537], которое требовалось провести в течение мая. Н. И. Загороднюк сообщает, что 8 мая 1932 г. бюро Уралобкома ВКП (б) приняло решение о выселении в течение мая 4 тыс. семей внутри Уральской области [Загороднюк 1999, 71]. Стремление перевыполнить чудовищный план очевидно (вместо двух тысяч по плану Политбюро ЦК ВКП(б), региональная власть решила выселить вдвое больше).

Здесь нельзя не обратить внимание, что в конце 1932 г. – начале 1933 г. ОГПУ приступило к разработке крупнейшей после 1930–1931 гг. акции, направленной не только против крестьянства,

² По другим данным, к выселению на Урал было определено 11 тыс. семейств из других районов СССР [Трагедия ... 2001, 99].

но и против других групп населения, в том числе «деклассированных элементов»³. Сталинское руководство стало проявлять обеспокоенность масштабами новой кампании, грозившей ввергнуть сельскую жизнь в очередной кризис. Для исправления положения потребовалось резко уменьшить обороты репрессивного механизма [Политбюро ... 2005, 829]. Окончательное решение по вопросу выселений отражено в «Инструкции всем партийно-советским работникам» от 10 мая 1933 г. Документ информировал, что массовые выселения крестьян прекращаются, кроме 12 тыс. хозяйств из различных районов страны (в т. ч. 1 тыс. хозяйств по Уралу), которые ведут активную борьбу против колхозов [Политбюро ... 2005, 609]. Таким образом, массовое выселение крестьян (сотни тысяч) после 1933 г. не проводилось, но имело место выселение «незначительного» числа, по сравнению с 1930–1931 гг. (десятки тысяч).

Сколько прибыло на Урал и отправляли ли крестьян на спецпоселение в национальные округа Уральской области?

Уральская область получила новые партии ссыльных в 1932–1933 гг. извне. Так, В. Н. Земсков пишет, что на 1 января 1932 г. на Урал прибыло 10107 человек новых спецпереселенцев, а на 1 января 1933 г. их численность составила 33920 спецпереселенцев [Земсков 1994, 122–123]; затем эти же данные привела и Т. И. Славко, не конкретизируя численность по районам Севера [Славко 1995, 72–73]. Е. В. Боркова утверждает, что на протяжении 1932–1933 гг. на Север Уральской области прибыли партии раскулаченных крестьян в количестве 12 тыс. человек, не выясняя, сколько из них попало в Ямало-Ненецкий и Остяко-Вогульский округа [Боркова 2005, 18]. Таким образом, исследователи приводили сведения о ссылке на Север Уральской области в 1932 г., но данные о количественном составе отправленных в национальные округа в 1932 г. в этих исследованиях, отсутствуют. Документы «особой папки» фонда Уралобкома ВКП (б) весны 1932 г. лишь упоминают о выселениях крестьян Уральской области [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 238. Л. 93–95], но они также не содержат конкретных сведений о том, сколько из них было / не было отправлено в исследуемый регион.

Для изучения третьего этапа ссылки в национальные округа, важно понимать, что 1932 г. – рубежный для Югры и Ямала в национально-государственном строительстве. Это было время, когда упразднили Тобольский округ и окончательно оформился руководящий аппарат новых национальных округов [КУ «ГАЮ». Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 26. Л. 4–5]. Шла непростая административная реформа, происходило установление новых границ, налаживание работы советских и партийных органов власти округов, районов. Перед ними стояла главная задача – советизация коренных народов, которые сопротивлялись проводимой советской властью политике. Неблагоприятная ситуация с социалистическими преобразованиями в северных районах, заставила руководство страны принять специальное постановление «Об извращениях политики партии на Крайнем Севере» (Постановление Политбюро от 1 сентября 1932 г.) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2012. Л. 16–18], рассчитанное на некоторое ослабление экономического давления на коренное население. М. К. Ошвинцев (председатель Уралоблисполкома в 1929–1933 гг.) говорил об Остяко-Вогульском округе: «Рост населения идёт за счёт переселенцев» [КУ «ГАЮ». Ф. Э–1. Оп. 11. Д. 120. Л. 353]. Этот контингент рассматривался как неблагонадежный [ГАСПИТО. Ф. П–93. Оп. 1. Д. 86. Л. 53]. Дополнительный завоз спецпереселенцев мог осложнить и без того трудно протекавшие процессы модернизации.

На основе изученных материалов, очевидно, что массового завоза «кулаков» в регион в 1932 г. не предпринималось. Единичные случаи возможны. Внутренняя «переброска» спецпереселенцев также имела место. Известно, что в 1932 г. в Остяко-Вогульском округе были ликвидированы два спецпосёлка: Самаровский (Самаровсий район) и Ляпинский (Березовский район), а в 1933 г. ещё один – Покурский (Сургутский район). Как указывает Н. И. Загороднюк, спецпереселенцы из этих поселков были отправлены на постоянную дислокацию на Ямал [Загороднюк 1999, 81]. Таким образом, мы можем предположить увеличение числа спецконтингента на Ямале в 1932–1933 гг. за счет «переброски» примерно на 500 человек. Н. А. Михалевым о количестве ссыльных, завезенных в 1932 г. в Ямало-Ненецкий округ, не упоминалось. Однако из воспоминаний участников событий, известно, что 17 сентября 1932 г. в спецпоселок Аксарка Приуральского района прибыла небольшая группа

³ Началась массовая высылка из Украины, Закавказья, Северо-Кавказского и Нижне-Волжского краев. Эти потоки принудительной миграции с пестрым социальным составом объединили в так называемый «новый контингент», направленный преимущественно в Нарымский край и Казахстан для хозяйственного освоения.

спецпереселенцев из Уральской области. В 1933 г. в этом спецпоселке жили 188 семей (1049 человек) [Горькие ...]. Таким образом, прибытие спецпереселенцев в Ямало-Ненецкий округ в конце навигации 1932 г. зафиксировано в документах личного характера.

Численность спецпереселенцев в национальных округах в 1932 г.

Окружной инспектор по народно-хозяйственному учету Остяко-Вогульского округа сообщал, что «при отсутствии на местах текущего учета, не представляется возможным точно установить количество населения для 1932 г.» [КУ «ГАЮ». Ф. Р– 6. Оп. 1. Д. 17. Л. 5]. Нет статистики погибших от холода, голода, болезней, как и отсутствует статистика сбежавших. Как уже отмечалось, Остяко-Вогульский округ стал основным на Севере Западной Сибири для размещения спецпереселенцев. Из справки начальника Остяко-Вогульского окружного отдела ОГПУ Слепухина (*имя неизвестно – прим. Л. А.*) и окружного коменданта П. А. Логинова известно, что в апреле 1932 г. численность спецпереселенцев в округе составляла 30243 человека (6 459 семей) [ГАСО. Ф. Р–88. Оп. 21. Д. 74а. Л. 92–94]. По данным Интегралсоюза, осуществлявшего снабжение населения продуктами, на 5 июня 1932 г. сообщалось о 31390 спецпереселенцах [КУ «ГАЮ». Ф. Р–6. Оп. 1. Д. 4. Л. 24]. По данным окружной статистики на 1 января 1933 г. численность спецпереселенцев в округе составила 32208 человек [КУ «ГАЮ». Ф. Р– 6. Оп. 1. Д. 4. Л. 63]. Сопоставим данные о численности спецпереселенцев по имеющимся источникам в 1932 г. в разрезе районов Остяко-Вогульского округа (см. табл.).

Численность спецпереселенцев в Остяко-Вогульском округе [Составлена и подсчитана по: КУ «ГАЮ». Ф. Р–6. Оп. 1. Д. 4. Л. 24, 53, 63]

Район	По данным окружного отдела статистики на 1 января 1932 г.	По данным Интегралсоюза на 5 июня 1932 г.	По данным окружного отдела статистики на 1 января 1933 г.	Изменение численности за год
Березовский	10065	10065	10266	+ 201
Кондинский	3796	3796	3360	- 436
Самаровский	7980	7735	7890	+ 155
Сургутский	8949	8949	9288	+ 339
Шурышкарский	–	1445	1474	+1474
Ларьякский	–	88	90	+90
Всего	30790	31390	32208	+1823

Сопоставление данных о численности спецпереселенцев, приведенных выше (включая и статистические сведения таблицы) позволяет утверждать, что в навигацию 1932 г. мог быть осуществлен завоз новых спецпереселенцев (не менее 2 тыс. человек). Появление спецпереселенцев с лета 1932 г. обнаружено в двух районах: Шурышкарском⁴ и Ларьякском⁵ (ранее сведения о них в документах учета не приводились). Голод 1932/33 г., разразившийся на Урале, усугубил и без того тяжелое положение с продуктами питания спецпереселенцев. В условиях голода едва ли был возможен естественный прирост населения среди спецпереселенцев в указанном количестве (1823 человека), т. к. смертность превышала рождаемость. Однако официальных документов⁶, прямо указывающих на транспортировку спецпереселенцев на Север Западной Сибири, не обнаружено. Исходя из данных Е.В. Борковой, утверждавшей, что на Север Уральской области было отправлено в 1932–1933 гг. 12 тыс. человек, и с учетом сложившейся практики спецпереселений (ее распределительный принцип⁷), считаем, что партия спецпереселенцев (приблизительно 2 тыс. человек) могла быть отправлена на Север Западной Сибири в навигацию 1932 г. Подсчет численности населения Югры по данным Уралснаба показывает, что всё население в конце 1932 г. насчитывало 79800 человек (из них спецпереселенцы – 32800) [ГА-

⁴ В составе Остяко-Вогульского округа находился до 1937 г., затем был передан в Ямало-Ненецкий округ.

⁵ В сентябре 1931 г. Ваховско-Ларьякский район был передан Остяко-Вогульскому округу из Западно-Сибирского края.

⁶ Изучение протоколов заседаний президиума Остяко-Вогульского окрисполкома показало, что план на 2-й квартал 1932 г. не содержал вопросов о спецпереселенцах, т.к. они уже находились в ведении ОГПУ.

⁷ В 1930 г. на Север Западной Сибири отправили 10 % всех спецпереселенцев Уральской области, в 1931 г. – 5 %.

СО. Ф. Р–1517. Оп. 1. Д. 318. Л. 49]. Прямые подсчеты прямо указывают на увеличение численности спецпереселенцев⁸.

В тезисах к докладу Остяко-Вогульского окружкома ВКП (б) для второй партийной конференции (1933 г.) подчеркивалось «наличие в округе громадного числа пришлого населения и кулацкой ссылки» [ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 143. Л. 13], отрицательно, по мнению руководства округа, влиявшего на социалистическое переустройство края. Дальнейшее скопление спецконтингента рассматривалось уже как нежелательное явление. При этом рабочей силы было все же недостаточно. В материалах Второй партийной конференции (1933 г.) подчеркивалось, что задачами Остяко-Вогульского округа по-прежнему являются: «дать рыбу для уральского пролетариата, пушнину для экспорта, обеспечить свою продовольственную базу, освободить Урал от завоза овощей на Север, лесозаготовки» [ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 143. Л. 31]. В выполнении этих задач спецпереселенцам отводилась чрезвычайно важная роль. Расчёты Остяко-Вогульского окрплана были ориентированы на механический прирост населения во второй пятилетке [КУ «ГАЮ». Ф. Р– 6. Оп. 1. Д. 4. Л. 54]. Следовательно, окружные власти все же не исключали дополнительный завоз спецконтингента. Постановление Малого Президиума Уральской области от 1 января 1933 г. по докладу «О хозяйственно-культурном строительстве в Остяко-Вогульском округе» отражает выступление М. К. Ошвинцева, в котором давалась установка на более гуманное отношение к спецпереселенцам. Им, в частности, говорилось, что «кулаки-переселенцы являются также и людьми и никто не вправе расценивать их не как людей. <...> «Эту силу рассматриваем как временную <...> что пройдет известный период времени и их не будет <...> Вы будете отвечать, если будете проявлять безобразное, нечеловеческое отношение к этим переселенцам» [КУ «ГАЮ». Ф. Э–1. Оп. 11. Д. 120. Л. 354]. В конце июня 1933 г. из Уралобкома ВКП(б) была получена установка на сохранение контингента спецпоселений [ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 199. Л. 8].

В Ямало-Ненецком округе ситуация с учетом спецпереселенцев была ещё сложнее, чем в Остяко-Вогульском. Заместитель управляющего Рыбтрестом Рейфман (имя неизвестно – прим. Л.А.) говорил, что «нет точного учета до сих пор переданных Рыбтресту переселенцев, нет никаких данных по Обдорскому району» [ГАСПИТО. Ф. П–30. Оп. 1. Д. 162. Л. 1]. Установлено, что в 1930 г. в Обдорском районе было размещено 5520 человек [ГАСПИТО. Ф. П–30. Оп. 1. Д. 972. Л. 69; ГА в г. Тобольске. Ф. 434. Оп. 3. Д. 155. Л. 6, 13]. На 29 декабря 1930 г. численность спецпереселенцев Рыбтреста составила в этом округе 3100 человек [ГАТО в г. Тобольске. Ф. 209. Оп. 1. Д. 306. Л. 8–8 об.]. Ранее мы писали, что из-за начавшегося голода и смертности значительная часть спецпереселенцев была переселена южнее [Алексеева 2020; 2021].

На 1 января 1931 г. в округе насчитывалось 23356 человек (из них коренные народы – 11500) [ГАСПИТО. Ф. П–135. Оп. 1. Д. 4. Л. 7 об.]. По данным на апрель 1931 г. спецпереселенцев было учтено 3110 человек [Игнатова, Михалев 2013, 100]. В 1931 г. смертность в Обдорском районе составляла среди спецпереселенцев 15–20%, однако туда было вселено около 500 человек вновь прибывших спецпереселенцев. На 1 октября 1931 г. в Ямало-Ненецком округе насчитывалось 3687 человек спецконтингента. «Переброска» спецпереселенцев⁹ из упомянутых ранее расформированных спецпосёлков Остяко-Вогульского округа в 1932–1933 г. призвана была увеличить число работников для рыбного хозяйства, разместить которых предполагалось в Новом Порту и Тазовском районе¹⁰. По нашим подсчетам их было отправлено не более 500 человек. То, что спецпереселенцы попали в Новый Порт, подтверждается «Отчетом о работе Ямальского (Ненецкого) окружного исполнительного комитета за 1931–1933 гг.», где говорится о крупном развитии промысла в районе Нового Порта [ГАСПИТО. Ф. П–135. Оп. 1. Д. 4. Л. 8].

По данным Ямальского окружного планового отдела на 1 января 1933 г. население составляло 26668 человек, коренные жители – 13878 человек, русские – 11309, прочие – 1712 соответственно [ГАСПИТО. Ф. П–135. Оп. 1. Д. 61. Л. 68]¹¹. Мы подсчитали, что количество спецпереселенцев

⁸В 1931 г. население округа составляло 77 тыс. человек [ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 523. Л. 28].

⁹ Это были малосемейные спецпереселенцы.

¹⁰ Там, за Полярным кругом планировалось создать новые поселки и организовать добычу ценных видов рыбы.

¹¹По переписи 1926/27 г. все население Ямала составляло 13572 человека. Русские насчитывали в регионе лишь 1087 человек, а прочие – 206 человек [Михалев 2010, 33]. Демографические формулы не позволяют объяснить естественный прирост за 5–7 лет по увеличению русского населения в несколько раз. Ответ очевиден – это спецпереселенцы.

в этом округе в 1933 г. составляло не более 3500 человек¹², а всего в Ямало-Ненецкий округ за весь период ссылки 1930–1932 гг. было отправлено не менее 9 тыс. человек.

Заключение

Массовое переселение крестьян в регион осуществлялось в два этапа: 1930 г. и 1931 г. Общая численность сосланных в округа в 1930–1931 гг. составила 48054 человека. Факт третьего этапа крестьянской ссылки в северные районы Уральской области подтвержден. Сопоставительный анализ численности спецпереселенцев и прямые подсчеты позволяют констатировать, что летом 1932 г. спецпереселенцы появились в Ларьякском районе – 88 человек и Шурышкарском районе Остяко-Вогульского округа – 1445 человек. Осенью 1932 г. новые спецпереселенцы появились и в Аксарке Ямальского округа. Причины, объясняющие, почему не завозили массовым порядком раскулаченных крестьян в регион, представляются следующие: во-первых, было обозначено стремление органов центральной власти к прекращению массовых выселений в СССР с лета 1932 г.; во-вторых, плохое обустройство спецпереселенцев в местах ссылки. Высокая смертность и побег, низкая эффективность ссылки как экономического средства по развитию региона и формирование требования в правительственных постановлениях к повышению ответственности за сохранение контингента заставляли более осторожно подходить к приему и размещению новых спецпереселенцев. В-третьих, скопление большого числа спецпереселенцев породило в некоторых пунктах их численное преобладание над старожильческим и коренным населением, что рассматривалось региональной властью как явление опасное для строительства социализма. В-четвертых, имеющееся количество спецпереселенцев, при условии его сохранения, могло обеспечить выполнение народнохозяйственных планов. С учетом отправленных в 1932 г. спецпереселенцев методом прямого подсчета данных установлено, что численность депортированных крестьян приблизилась в двух национальных округах к 50 тыс. человек. На 1 января 1933 г. в Остяко-Вогульском округе спецпереселенцев насчитывалось 32208 человек, а в Ямало-Ненецком – не более 3,5 тыс. человек. Мы видим значительное несоответствие численности отправленных спецпереселенцев к числу учтенных. Это прямые демографические потери, причиной которых стали побег, а также голод и болезни, повлекшие за собой высокий уровень смертности. Демографические потери – вопрос, являющийся неизученным в теме крестьянской ссылки и требующий дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Л. В. Начало «кулацкой ссылки» на Тобольский север (1930) // Научный диалог. 2020. № 4. С. 238–252.
- Алексеева Л. В. Второй этап крестьянской ссылки на Север Западной Сибири (1931 г.): малоизученные и дискуссионные вопросы // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. Вып. 2. С. 304–315.
- Боркова Е. В. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930–е-начале 1950-х гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. 23 с. URL: <http://cheloveknauka.com/spetskontingent-v-severozapadnoy-sibiri-v-1930-e-nachale-1950-h-gg#ixzz67tgvM75D> (дата обращения: 15.02.2020).
- Горшков С. В., Попов Н. Н. Советская ссылка на Обь Иртышский Север (1920–1960 гг.) // Русские старожилы. Тобольск, Омск, 2000. С. 234–238.
- Горькие судьбы 30-х. Муниципальное бюджетное учреждение культуры. «Приуральский районный краеведческий музей». URL: <https://priuralye-rkm.ru/novosti/gorkie-sudby-30h/> (дата обращения: 18.02.2022).
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р–88. Оп. 21. Д. 74а. Л. 92–94.
- ГАСО. Ф. Р–856. Оп. 4. Д. 15. Л. 144–155.
- ГАСО. Ф. Р–1517. Оп. 1. Д. 318. Л. 49.
- Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П–30. Оп. 1. Д. 972. Л. 69.
- ГАСПИТО. Ф. П–30. Оп. 1. Д. 162. Л. 1.
- ГАСПИТО. Ф. П–93. Оп. 1. Д. 86. Л. 53.
- ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 523. Л. 28.

¹² Это коррелирует с официальными данными окрисполкома, что в 1933 г. из 3908 рыболовов Рыбтреста местные националы составляли лишь 645 человек, а остальные являлись завезенной рабочей силой (3263 человека) [ГАСПИТО. Ф. П–135. Оп. 1. Д. 4. Л. 18].

ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 143. Л. 13, 31.

ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 199. Л. 8.

ГАСПИТО. Ф. П–135. Оп. 1. Д. 4. Л. 7 об., 8, 18.

ГАСПИТО. Ф. П–135. Оп. 1. Д. 61. Л. 68.

Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске (ГАТО в г. Тобольске). Ф. 209. Оп. 1. Д. 306. Л. 8–8 об.

ГАТО в г. Тобольске. Ф. 434. Оп. 3. Д. 155. Л. 6, 13.

Загороднюк Н. И. Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь (1929–1940 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 1999. 187 с.

Загороднюк Н. И. Особенности формирования рабочего класса в Северо-Западной Сибири (1930-е гг.) // Северный регион: экономика и социокультурная динамика. Сб. тез. к Всерос. науч. конф. Ханты-Мансийск; Сургут: СурГУ, 2000. 300 с.

Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118–147.

Ивницкий Н. А. Раскулачивание и депортация зажиточной части крестьянства (начало 1930-х гг.) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: материалы XXVII сессии Симпоз. по аграр. истории Вост. Европы. Вологда: Русь, 2001. С. 315–319.

Игнатова Н. М., Михалев Н. А. «Кулацкая ссылка» на территории Республики Коми и Ямало-Ненецкого автономного округа в первой половине 1930-х гг.: размещение и численность // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2013. № 4(16). С. 98–102.

Казенное учреждение «Государственный архив Югры» (КУ «ГАЮ»). Ф. Э–1. Оп. 11. Д. 120. Л. 353, 354, 355.

КУ «ГАЮ». Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 26. Л. 4–5.

КУ «ГАЮ». Ф. Р–6. Оп. 1. Д. 4. Л. 24, 53, 54, 63.

КУ «ГАЮ». Ф. Р–6. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.

Михалев Н. А. Население Ямала в первой половине XX века: историко-демографический анализ. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2010. 196 с.

Михалев Н. А. «Кулацкая ссылка» на территории Ямало-Ненецкого округа в первой половине 1930-х гг.: численность, размещение, условия жизни // Пять столетий Югры. Проблемы и решения, итоги и перспективы / Под общ. ред. д.и.н., проф. Л. В. Алексеевой. Нижневартовск: НГГУ, 2011. 279 с.

Мошкин В. В. Ссылка крестьян на Север в 1930–1933 гг. (на материалах Ханты-Мансийского автономного округа). Нижневартовск: НГГУ, 2008. 189 с.

Наша общая горькая правда: Ист.-краевед. сб. / Ред.-сост. Л. В. Цареградская. Ханты-Мансийск: Гос. музей Природы и Человека: Полиграфист, 2004. 350 с.

Петрушин А. А. «Мы не знаем пощады ...»: Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 304 с.

Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940 / сост. В. П. Данилов, Л. Виола, С. А. Красильников / отв. ред. Н. Н. Покровский. Москва: РОССПЭН, 2005. Кн. 1. 912 с. Кн. 2. 2006. 1120 с.

Прибыльский Ю. Спецпереселенцы // Тюменская правда. 1988. 14 декабря.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 2012. Л. 16–18.

Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале. 1930–1936. М.: Мосгорархив, 1995. 177 с.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2005. Т. 3. Кн. 2. 840 с. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/50611-dokumenty> (дата обращения: 05.08. 2020).

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. В 5 т. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 3. 1006 с. URL: <http://ladim.org/st005.php#3> (дата обращения: 05.08. 2020).

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОСО). Ф. 4. Оп. 10. Д. 238. Л. 51, 93–95.

Conquest R. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-famine. Oxford University Press, 1987. 430 p.

Fitzpatrick S. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village After Collectivization. Oxford University Press, 1996. 386 p.

Keep J. Recent Writing on Stalin's Gulag: An Overview // Crime, History & Societies, vol. 1, no 2, 1997. URL: <http://journals.openedition.org/chs/1014> (дата обращения: 12. 01. 2022)

Merl S. Das System der Zwangsarbeit und die Opferzahl im Stalinismus // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1995, Jg. 46, Heft 5/6, ss. 277–301.

Pohl J.O. The Stalinist Penal System. A Statistical History of Soviet Repression and Terror, 1930–1953. Jefferson, NC; London: McFarland & Company, Inc., Publisher, 1997. 165 p.

Viola L. The Unknown Gulag. The Lost World of Stalin's Special Settlements. Oxford University Press, 2009. 320 p.

Поступила в редакцию 15.08.2022

Алексеева Любовь Васильевна,
доктор исторических наук, профессор,
Нижевартовский государственный университет
628605, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
Тюменская область, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56
E-mail: lvalexeeva@mail.ru

L. V. Alekseeva

ON THE THIRD STAGE OF PEASANT EXILE AND THE NUMBER OF SPECIAL SETTLERS IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA (1930-1933)

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-106-116

There is one of the most debatable questions of modern history - the third stage of peasants' exile and the number of peasants, sent to the territory of modern Khanty-Mansiysk and Yamalo-Nenets autonomous districts in the early 1930s. This question is considered in the article. The author looks back at the previous two stages of "kulak exile" (1930–1931) and provides the data on the number of peasants, sent to the settlement in the region, their share in the number of population of districts. The article pays attention to the discussion of the existence of the third stage of exile (1932) and the number of special settlers in 1930-1933. The author reveals erroneous interpretations of statistical data in the national historiography concerning the number of special settlers sent to the national districts of the North of Western Siberia. The study establishes the fact of the third stage of exile in the region. The analysis of exile plans of 1932 was carried out. The assessment of the third stage of exile, which was not in the nature of mass settlement to the region, is formulated. For the first time in the national science the question of understanding peculiarities of the third stage of the peasant exile to the Yamalo-Nenets and Khanty-Mansiysk national districts is clarified.

Keywords: peasant exile, stage, national district, special settlers, peasants, the North of Western Siberia, Ural, plan, numbers, study, discussion.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 1, pp. 106-116. In Russian.

REFERENCES

Alekseeva L. V. *Nachalo "kulatskoi ssylki" na Tobol'skii sever (1930)* [The Beginning of the "Kulak Exile" to the Tobolsk North (1930)]. *Nauchnyi dialog*. [Scientific Dialogue]. 2020, no. 4, pp. 238–252. In Russian.

Alekseeva L. V. *Vtoroj etap krest'yanskoj ssylki na Sever Zapadnoj Sibiri (1931 g.): maloizuchennye i diskussionnye voprosy* [The Second Stage of Peasant Exile in the North of Western Siberia (1931): Little-Studied and Debatable Issues]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij*. [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2021. vol. 15 (2), pp. 304-315. In Russian.

Gor'kie sud'by 30-h. Municipal'noe byudzhethoe uchrezhdenie kul'tury [Bitter Fate of the 30s. Municipal Budgetary Institution of Culture]. «Priural'skij rajonnyj kraevedcheskij muzej» ["Priuralskiy District Museum of Local Lore"]. URL: <https://priuralye-rkm.ru/novosti/gorkie-sudby-30h/> (accessed: February 18, 2022). In Russian.

Borkova E. V. *Speczkontingent v Severo-Zapadnoj Sibiri v 1930-e-nachale 1950-kh gg.*: [Special Contingent in North-Western Siberia in the 1930s-Early 1950s]. Yekaterinburg, 2005, 23 p. URL: <http://cheloveknauka.com/spetskontingent-v-severo-zapadnoy-sibiri-v-1930-e-nachale-1950-h-gg#ixzz67tgvM75D> (accessed: February 15, 2020). (In Russian)

Conquest R. *The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine*. London: Oxford University Press, 1987. 430 p. In English.

Ivniczkij N. A. *Raskulachivanie i deportacziya zazhitchoj chasti krest'yanstva (nachalo 1930-kh gg.)* [Dekulakization and Deportation of the Prosperous Part of the Peasantry (Beginning of the 1930s)]. *Zazhitchoe*

krest`yanstvo Rossii v istoricheskoy retrospektive: materialy` XXVII sessii Simpoz. po agrar. istorii Vost. Evropy`. [The Prosperous Peasantry of Russia in Historical Retrospect: Materials of the XXVII Session of the Symposium on the East Europeans Agrarian History]. Vologda: Rus Publ., 2001, pp. 315–319. In Russian.

Ignatova N. M., Mikhalev N. A. «Kulatskaya ssylka» na territorii Respubliki Komi I Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga v pervoy polovine 1930-kh gg.: razmeshcheniye I chislennost' ["Kulak Exile" on the Territory of the Komi Republic and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug in the First Half of the 1930s: Location and Number]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* [Proceedings of the Komi Scientific Center of UB RAS], 2013, no 4(16), pp. 98–102. In Russian.

Fitzpatrick S. *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village After Collectivization*. New York: Oxford University Press, 1996. 386 p. In English.

Gorshkov S. V., Popov N.N. *Sovetskaya ssylka na Ob`-Irtyshskom Severe (1920-e – 1960-e gg.)* [Soviet Exile in the Ob-Irtysh North (1920s-1960s)]. *Russkie starozhilye. Materialy` III Sibirskogo Simpoziuma* [Russian Old-Timers. Materials of the III Siberian Symposium]. Tobolsk-Omsk, 2000, pp. 234-238. In Russian.

Gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti. [State Archive of Social and Political History of the Tyumen Region] (SASPHTR). F. P–30. Inv. 1. RM. 972. P. 69. In Russian.

SASPHTR. F. P–30. Inv. 1. RM. 162. P. 1. In Russian.

SASPHTR. F. P–93. Inv. 1. RM. 86. P. 53. In Russian.

SASPHTR. F. P–107. Inv. 1. RM. 523. P. 28. In Russian.

SASPHTR. F. P–107. Inv. 1. RM. 143. P. 13, 31. In Russian.

SASPHTR. F. P–107. Inv. 1. RM. 199. P. 8. In Russian.

SASPHTR. F. P–135. Inv. 1. RM. 4. P. 7 back, 8, 18. In Russian.

SASPHTR. F. P–135. Inv. 1. RM. 61. P. 68. In Russian.

Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti [State Archive of the Sverdlovsk Region] (SASR). F. R–88. Inv. 21. RM. 74a. P. 92-94. In Russian.

SASR. F. R–856. Inv. 4. RM. 15. P. 144–155. In Russian.

SASR. F. R–1517. Inv. 1. RM. 318. P. 49. In Russian.

Gosudarstvennyy arkhiv Tyumenskoy oblasti [State Archive of Tyumen Region in Tobolsk]. (SATR in Tobolsk). F. 209. Inv. 1. RM. 306. P. 8. In Russian.

SATR in Tobolsk. F. 434. Inv. 3. RM. 155. P. 6, 13. In Russian.

Kazennoe uchrezhdenie "Gosudarstvennyy arkhiv Yugry" (KU "GAYU") [State Institution "State Archive of Yugra"] (SI "SAYu"). F. E–1. Inv. 11. RM. 120. P. 353, 354, 355. In Russian.

SI "SAYu". F. R–1. Inv. 1. RM. 26. P. 4–5. In Russian.

SI "SAYu". F. R–6. Inv. 1. RM. 4. P. 24, 53, 54, 63. In Russian.

SI "SAYu". F. R–6. Inv. 1. RM. 17. P. 5. In Russian.

Keep J. Recent Writing on Stalin's Gulag : An Overview. *Crime, Histoire & Sociétés*, 1997, vol. 1, no 2. URL: <http://journals.openedition.org/chs/1014> (accessed: January 12, 2022). In English.

Merl S. Das System der Zwangsarbeit und die Opferzahl im Stalinismus // *Geschichte im Wissenschaft und Unterricht*. 1995, Jg. 46, Heft 5/6, ss. 277–301. In German.

Mikhalev N. A. *Naselenie Yamala v pervoy polovine XX veka: istoriko-demograficheskij analiz* [The Population of Yamal in the First Half of the Twentieth Century: Historical and Demographic Analysis]. Yekaterinburg: Ural Institute of History and Archeology Publ., 2010, 196 p. In Russian.

Mikhalev N. A. «Kulatskaya ssylka» na territorii Yamalo-Nenetskogo okruga v pervoy polovine 1930-kh gg.: chislennost', razmeshcheniye, usloviya zhizni ["Kulak Exile" on the Territory of the Yamalo-Nenets District in the First Half of the 1930s: Number, Location, Living Conditions]. *Pyat' stoletiy Yugry. Problemy i resheniya, itogi i perspektivy* [Five Centuries of Yugra. Problems and Solutions, Results and Prospects]. Ed. by L. V. Alekseeva. Nizhnevartovsk: NVSU Publ., 2011. 279 p. In Russian.

Moshkin V. V. *Ssylka krestyan na Sever v 1930–1933 gg. (na materialakh Xanty`-Mansijskogo avtonomnog okruga)* [The Exile of Peasants to the North in 1930–1933 (Based on the Materials of the Khanty-Mansiysk Autonomous District)]. Nizhnevartovsk: NHSU Publ., 2008. 189 p. In Russian.

Petrushin A. A. «My` ne znaem poshhady` ...»: *Izvestny`e, maloizvestny`e I neizvestny`e sobyt`iya iz istorii Tyumenskogo kraya po materialam VChK – GPU – NKVD – KGB*. ["We Do not Know Mercy...": Known, Little-Known and Unknown Events of the Tyumen Region History Based on Materials in the AREC – SPD – PKIA – CSC]. Tyumen: Publ. Yu. Mandrika, 1999. 304 p. In Russian.

Pohl J.O. *The Stalinist Penal System. A Statistical History of Soviet Repression and Terror, 1930–1953*. Jefferson, NC; London: McFarland & Company, Inc., Publishers, 1997. 165 p. In English.

Politbyuro I krest`yanstvo: vy`sy`lka, speczposelenie. 1930–1940 [The Politburo and the Peasantry: Deportation, Banishment. 1930–1940]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2005, vol. 1, 912 p.; 2006, vol. 2, 1120 p. In Russian.

Pribylskij Yu. *Speczpereselency* [The Settlers]. *Tyumenskayapravda: gazeta, 1988. 14 dekabrya* [The Tyumen Truth: Newspaper]. In Russian.

Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Dokumenty` i materialy`. V 4 tomah [Soviet Village Through the Eyes of the AREC–SPD–PKIA. 1918–1939. Documents and Materials. In 4 v.]. Ed. by A. Berelovich, V. Danilov. Moscow: ROSSPEN Publ., 2005, vol. 3, book 2. 840 p. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/50611-dokumenty> (accessed: August 05, 2020). In Russian.

Rossiiskii gosudarstvenny iarkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Social and Political History. (RSASPH). F. 17. Inv. 3. RM. 2012. P. 16–18. In Russian.

Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizaciya i raskulachivanie. Dokumenty` i materialy`. 1927–1939. V 5 t. [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dekulakization. Documents and Materials. 1927–1939. In 5 vol.]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001, vol. 3, 1006 p. URL: <http://ladim.org/st005.php#3> (accessed: August 05, 2020). In Russian.

Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti (TSDOOSO) [Center for Documentation of Public Organizations in the Sverdlovsk Region] (CDPOSR). F. 4. Inv. 10. RM. 238. P. 51, 93–95. In Russian.

Viola L. *The Unknown Gulag. The Lost World of Stalin's Special Settlements.* New York: Oxford University Press, 2009. 320 p. In English.

Zagorodnyuk N. I. *Ssy`lka krest`yan v Severo-Zapadnyu Sibir` (1929–1940 gg.)* [Exile of Peasants to North-Western Siberia (1929–1940)]. Omsk, 1999. 187 p. In Russian.

Zagorodnyuk N. I. *Osobennosti formirovaniya rabochej oklassa v Severo Zapadnoy Sibiri (1930-e gg.)* [Features of the Working Class Formation in North-Western Siberia (1930s)]. *Severnnyy region: ekonomika i sotsiokulturnaya dinamika. Sbornik tezisov k Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Northern Region: Economy and Socio-Cultural Dynamics. Collection of Abstracts for the All-Russian Scientific Conference]. Khanty-Mansiysk; Surgut: SurGU Publ., 2000. 300 p. In Russian.

Zemskov V.N. *Sud`ba "Kulaczkoj ssy`lki" (1930-1954)* [The Fate of the "Kulak Exile" (1930-1954)]. *Otechestvennaya istoriya* [National History]. 1994, no 1, pp. 118–143. In Russian.

Received 15.08.2022

Alekseeva Lyubov Vasilyevna,
Dr. (Hist.), Prof., Professor of Records Management
and Russian History Department
Nizhnevartovsk State University, 56, Lenin Str., Nizhnevartovsk, 628605,
Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra, Russian Federation
E-mail: lvalexeeva@mail.ru

А. А. Туранов

**К ВОПРОСУ О ЗНАНИИ ЯЗЫКОВ МЕСТНЫХ НАРОДОВ
ПРАВОСЛАВНЫМ ДУХОВЕНСТВОМ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX вв.**

Массовая христианизация народов Волго-Камского региона в XVIII в. предъявила требования к знанию их языков духовенством, которому отводилась основная роль в просвещении «инородцев». Этот фактор оказался востребован в конце XVIII – начале XIX вв. как необходимостью укрепления новокрещен в православной вере, так и усилившимся научным интересом к языкам народов России: составлением грамматик и словарей, переводом на эти языки религиозных текстов. Однако до настоящего времени состояние знания языков духовенством не описано ни качественно, ни количественно, что делает представления о роли духовенства в этих процессах умозрительными. Настоящая статья имеет цель дать количественную и качественную оценку уровня знания языков местных народов духовенством Вятской епархии и определить его потенциальные возможности в работе с прозелитами и содействии науке. В качестве источников к исследованию привлекаются документы начала XIX в. из архивов Удмуртии и Кировской области. Определение уровня знания языков в 1815 г. осуществляется с использованием статистических методов, оценка состояния в 1780–1800 гг. выполнена ретроспективным методом. Результаты исследования, дающие количественные и качественные характеристики, представлены в виде таблиц. Эти показатели позволяют прийти к выводу о достаточном обеспечении новокрещенских приходов Вятской епархии духовенством, знающим финно-угорские языки, и нехватке знающих язык татарский, а также проясняют условия, при которых создавались первые переводные произведения на удмуртском и марийском языках.

Ключевые слова: Вятская губерния, вятское духовенство, новокрещенские приходы, удмуртский язык, марийский язык, коми-пермяцкий язык, татарский язык, уровень знания языков, количественная оценка.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-117-133

Во второй половине XVIII–начале XIX вв. начинается создание письменности многих народов Приволжья и Прикамья, делаются первые шаги в становлении их литературных языков. Значительную роль в этих процессах – от создания первых грамматик и словарей, до переводов на национальные языки книг Библии – сыграло православное духовенство. Очевидно, что для такой работы духовенство (хотя бы некоторая его часть) само должно было обладать знанием языков и творческими способностями.

Известно также, что начатая в середине XVIII в. активная миссионерская деятельность Русской православной церкви среди народов Приволжья и Прикамья к концу столетия была практически свернута, и в первой четверти XIX в. работа по укреплению в вере новокрещен и просвещению неопитов велась кое-как лишь приходским духовенством. Количество новообращенных в этот период было относительно невелико. Знание же священнослужителями природного языка населения, среди которого велось служение, способствовало успеху их деятельности.

Однако вопрос о знании православным духовенством языков местных народов остается недостаточно изученным. В настоящей статье автор обращается к рассмотрению вопроса о знании языков православным духовенством Вятской епархии¹ в конце XVIII – начале XIX вв. с целью дать хотя бы предварительные количественные и качественные оценки его уровня, и тем определить потенциал, имевшийся в епархии, для успешной работы с нерусским населением новокрещенских приходов и для осуществления переводов религиозных текстов.

История и современное состояние вопроса

Изучение языков и первые шаги в создании письменности многих народов России в XVIII в. тесно связаны с их христианизацией. Уже при Петре I миссионерская деятельность увязывалась с необходимостью подготовки священнослужителей из среды вновь обращаемых в христианство

¹ Вятская епархия рассматривается в границах начала XIX в., максимально соответствующих границам Вятской губернии.

народов. Такие шаги предпринимались и в Волго-Камском регионе: в Казанской семинарии² вместе с детьми духовенства обучались дети новокрещённых, а в 1732 г. был поднят вопрос об устройстве для них специальных школ [Луппов 1999, 106–110]. Об обучении в 1733 г. в Казани в школе при Зилантовом монастыре марийских, мордовских, калмыцких и татарских детей русскому и латинскому языкам, философии и принципам христианства свидетельствует посетивший школу участник Великой Северной экспедиции И. Гмелин [Gmelin 1767, 19]. В 1735 и в 1740 гг. были изданы указы об открытии в Казанской епархии четырех школ для обучения детей некрещённых и новокрещённых «инородцев» с перспективой их последующего определения к службе в церкви [ПСЗРИ 1830, Т. IX. 483; Т. XI. 255]. Одна из этих школ действовала уже с первой половины 1730-х в Свияжске. Остальные новокрещенские школы открыты были только к 1750 г. Однако уже в 1754 г. все они были сведены в одну Казанскую новокрещенскую школу, которая просуществовала до конца XVIII века.

В то же время и русскому православному духовенству предписывалось изучать языки народов, среди которых им приходится служить, и обучать языкам своих детей. Предпринимались попытки привлечения к делу православного просвещения знающих «инородческие» языки грамотных русских людей из числа духовенства, купечества и бедного дворянства. Так, в частности, в 1740 г. одним из указов предлагалось собрать в С.-Петербурге 45 человек из Казанской и Архангелогородской епархий и, обучив всему «что до священства принадлежит», произвести их в диаконы и священники, и отпустить для определения в те же епархии, чтобы они проживающим там народам «на их языках могли проповеди чинить» [ПСЗРИ 1830, Т. XI. 9–10].

В свете указов правительства и епархиальные архиереи не оставляли забот об обучении духовенства языкам местных народов. Так вятский владыка епископ Лаврентий (Баранович) в октябре 1784 г. сделал приказание, подтверждающее священникам новокрещенских приходов необходимость изучения языка своих прихожан, «дабы они старались и сами их язык разуметь, и детей своих с младенчества тем же языкам обучать непременно». А в качестве стимула знающим языки обещалось преимущество при назначении на церковные должности в новокрещенских приходах [ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 87. Д. 534. Л. 1].

Об успехах всех этих начинаний судить сложно. Уже в 1764 г. Сенат и Синод общим мнением предлагали Екатерине II закрыть школы для новокрещенских детей, учрежденные в Казанской губернии, при этом утверждалось, что «в новокрещенских жительствовах при церквях из священно и церковнослужителей довольно уже есть таких, кои их иноверческие языки <...> знают». Однако Екатерина II «собственноручным подписанием» повелела школ не закрывать и сохранила возможность определения выучившихся воспитанников в священноцерковнослужители [ПСЗРИ 1830, Т. XVI. 705–707]. В исследовательской литературе высказывались разные мнения об эффективности принимавшихся мер, но, как бы то ни было, в приходах с «инородческим» населением в заметном количестве появились священноцерковнослужители, знающие язык своих прихожан. Уже их дети, усваивавшие язык с ранних лет, в конце XVIII в. принимали участие в составлении первых грамматик и словарей языков местных народов, а в начале XIX в. переводили на эти языки христианские вероучительные тексты, молитвы и книги Священного Писания.

К изучению этих первых работ (истории их создания, языковых особенностей, биографий отдельных переводчиков и др.) обращались многие исследователи. Однако исследований, раскрывающих общие количественные и качественные характеристики части духовного сословия, знающей языки местных народов, из рядов которой и выдвинулись творческие личности, приложившие свои способности к составлению словарей, грамматик и созданию переводов, автору видеть не приходилось. Вместе с тем эти сведения могли бы быть весьма полезны для понимания особенностей, как переводческой деятельности духовенства, так и всего процесса миссионерской деятельности среди разных народов.

Отсутствие подобных исследований связано, вероятно, с отсутствием источников, необходимых для их реализации. По опубликованным материалам можно составить лишь небольшие списки лиц духовного звания, знавших языки своих прихожан и принимавших участие в работах по их изучению и составлению переводов. Так, в Вятской епархии в период с 1780 по 1824 гг. вопросами перевода на марийский язык занимались не менее 12 человек, а в связи с удмуртскими переводами упо-

² Значительная часть приходов южных уездов Вятской губернии, населенных удмуртами, марийцами и татарами, до 1791 г. относилась к Казанской епархии, и дети их могли обучаться лишь в Казани, чем и обусловлено внимание к происходившим там процессам.

минались не менее 19 человек, знавших этот язык³. Но очевидно, что достаточно полного и верного представления о знании вятским духовенством языков местных народов сведения эти дать не могут.

Однако применительно к Вятской епархии начала XIX в. источники для проведения исследования на предмет знания языков духовенством всё же имеются.

Источники для исследования

Появление документов, содержащих информацию по заявленной теме, было обусловлено тем, что отсутствие в консистории точных данных о населении приходов в разных уездах, а также сведений о знании «новокрещенских» языков претендентами на занятие вакантных мест в церквях, вело к трудностям с их назначением, многократным переменах места службы священноцерковнослужителями из-за незнания языка прихожан, и, как следствие, к значительному увеличению делопроизводства и неразберихе. Такое положение в конце концов вынудило епархиальное начальство принять меры по его упорядочению. В июне 1811 г. вятский архиерей епископ Гедеон предписал Вятской духовной консистории: «... дабы избежать нам в сем случае затруднения распубликовать по всей епархии, чтоб благочинные непременно в ведомостях показывали где вотяцкие приходы, где черемисские и кто из священноцерковнослужителей знает какой язык. А сверх того, чтобы и священноцерковнослужители подающие прозбы, какия бы они ни были, непременно означали, кто из них знает вотяцкий или черемисский язык» [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 65. Л. 54]. В скором времени соответствующие указы были разосланы консисторией в подведомственные места⁴, в результате чего с 1811 г. в клировых ведомостях церковью Вятской епархии появляются сведения о национальном составе их прихожан и о знании языков штатными членами причта. Эти ведомости и могут быть использованы в качестве источников. В настоящей работе автор использует ведомости за 1815 г., хранящиеся в Центральном Государственном архиве Удмуртской Республики.

Поскольку указ консистории давал только самые общие указания о предоставлении сведений, то требуемое отражалось в ведомостях каждым благочинным по-своему. Вследствие этого в форме представления сведений наблюдается большое разнообразие. Многие благочинные приводили сведения обо всех народах – русских, удмуртах, марийцах, татарах, коми-пермяках, бесермянах, – находящихся в числе прихожан подведомственных им церковей. Чаще всего эти сведения помещались в общей характеристике церкви, там же где приводились и сведения о количестве прихожан, но, например, Балезинский благочинный, помещал их в отдельной строке в начале ведомости каждой церкви, через запятую после названия села. А некоторые вообще умалчивали о национальном составе, что более характерно для округов с русским населением: указ ведь, формально, предписывал указывать только удмуртов и марийцев, а если их нет, – то и указывать некого.

Ещё большее разнообразие – и по форме представления, и по содержанию – наблюдается в указании знания языков членами причта. Эти сведения в ведомостях различных благочиний приводятся в одном из следующих мест:

1) в отдельной графе – в столбце, расположенном в средней части ведомости, или крайнем справа, с различными вариантами заглавия: «Кто из священно и церковно служителей на каком диалекте может говорить», «Кто знает или не знает вотяцкий или черемисский языки», «Кто какие знает языки», «Знает ли кто из них кроме русского вотский и черемисский языки», «Кто из них знает вотский, черемисский и татарский языки», «Кто на каком языке говорить умеет» и др.;

2) в графе с послужным списком, как правило, в его конце; при этом заглавие графы иногда содержит указания типа: «кто какой знает новокрещенский язык», «кроме российского не знает ли других каких языков?», «знает ли прихожан разговор?»;

3) в графе «Каких качеств и поведения», при этом заглавие графы дополнено фразой типа «...и знает ли язык состоящих в приходе, кроме русских» или «...и прочие замечания»;

4) в одном благочинном округе – в графе именованная, после записи должности и полного имени члена причта, при этом заглавие графы дополнено фразой «Кто знает какой язык»;

5) в нескольких церквях – в общей характеристике церкви записью типа: «Вотский разговор все священноцерковнослужители знают твёрдо».

³ При подсчете использованы следующие работы: [Ильминский 1885, 103], [Луппов 1905, 9, 11], [Сергеев 2017, 18], [Туранов 2017, 55–56], [Туранов 2018, 83], [Туранов 2019, 498–499], [Туранов 2021, 105], [Чураков 2016, 185].

⁴ В Глазовское духовное правление, например, указ был послан 23 июня 1811 г. за № 2880.

Поскольку действие указа распространялось лишь на определяющихся к должности и наличных штатных членов причта, то сведения о знании языков лицами, вышедшими за штат, как правило, не приводятся: так, например, нет указаний о знании удмуртского языка священниками А. Бабайловым и З. Кротовым, переведившими молитвы в 1803 г., но к 1815 г. вышедшими за штат. Лишь в 7 церквях приведены сведения о знании языков заштатными служителями, а в одной — даже и двумя женщинами, причетническими вдовами. В исследовании с целью обеспечения однообразия исходных данных при оценке текущего состояния в 1815 г. использованы сведения только о лицах непосредственно служащих в церкви на штатных должностях, а при выяснении состояния в конце XVIII в. — включая и заштатных.

В некоторых округах указания о знании языков даются для каждого члена причта — по типу «язык знает» или «язык не знает», — это позволяет судить о количестве знающих языки вполне определённо. Однако в большей части клировых ведомостей точных указаний о незнании языков не приводится, что можно толковать по-разному: и как незнание языка членом причта, и как отсутствие сведений у благочинного, и как пропуск сведений по каким-то другим причинам, т.е. уверенно судить о незнании языка нельзя. Кроме того, значительная часть ведомостей по невыясненным причинам вообще не содержит каких-либо указаний о знании языков⁵, в результате чего всех знающих язык выявить не удастся.

Впрочем, разнообразие представления сведений о духовенстве в клировых ведомостях различных округов существует не только в части знания языков, такая же картина наблюдается и в отношении других характеристик, использованных в настоящем исследовании. Так зачастую в послужном списке указывается лишь дата рукоположения в настоящий сан, определения на настоящую должность, поступления к данной церкви, а вся предшествующая служба опускается; иногда не приводятся и указания об образовании: обучался ли член причта в семинарии, новокрещенской школе или дома⁶. Такое разнообразие в ведомостях характерно для рассматриваемого времени, поэтому восстановление недостающих сведений возможно лишь с привлечением ведомостей за несколько лет и иных дополнительных источников, что весьма трудоёмко и не всегда оправдано.

Указанные особенности привлекаемых источников не позволяют надеяться на абсолютную точность результатов проводимого исследования, однако можно ожидать, что и оценочные выводы могут оказаться вполне репрезентативными. Это и будет показано далее.

Результаты исследования источников

Из клировых ведомостей всех церквей Вятской епархии за 1815 г. были выбраны сведения о наличных штатных служителях, знающих какой-либо «инородческий» язык. Случайность выборки подтверждена с помощью метода критерия знаков. Для наглядности результаты исследования представлены в виде таблиц. Поскольку далее речь пойдёт в основном о знающих инородческие языки лицах духовного звания, то для краткости изложения указания на это, как правило, опускаются, но приводятся при указании конкретного языка.

Общее представление

Общее представление о состоянии исследуемого вопроса в 1815 г. даёт табл. 1, где представлены выявленные сведения о количестве всех штатных священноцерковнослужителей и количестве знающих различные «инородческие» языки по всем уездам губернии. Существовавшие 10 уездов были неоднородны по национальному составу православного населения, условно их можно разделить на две равные группы по 5 уездов в каждой: на уезды с русским населением (с незначительным национальным компонентом) и уезды со смешанным населением (со значительным национальным компонентом). Из табл. 1 видно, что и суммарное количество наличных штатных священноцерковнослужителей в обеих этих группах сопоставимо.

Поскольку существовала целенаправленная политика в инородческие приходы назначать священноцерковнослужителей, знающих язык прихожан, то должна быть и корреляционная зависимость количества духовенства знающего языки от количества «инородцев», проживающих в уездах, которая и прослеживается по данным табл. 1. Очевидно, что в уездах и благочинных округах с русским населением, где инонациональное население отсутствовало, лица знающие языки оказывались по причинам, не связанным со знанием ими языков, и их наличие здесь носит случайный характер.

⁵ В основном в уездах с русским населением, но не только.

⁶ Часть этих сведений восстановлены автором по клировым ведомостям за 1809 г. [ЦГАУР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1053].

Таблица 1

Сведения о количестве штатных священноцерковнослужителей, знающих языки местных народов, по уездам Вятской епархии в 1815 г.*

Уезд	Кол-во налич. сцс.**; чел.	Количество знающих и не знающих языки, чел.						
		Нет сведений	Не знают	Знают	в т.ч. знают языки			
					удмуртский	марийский	коми-пермяц.	татарский
С русским населением								
Вятский	291	256	32	3	3	0	0	0
Котельничский	152	88	62	2	1	1	0	0
Орловский	189	189	0	0	0	0	0	0
Нолинский	162	151	11	0	0	0	0	0
Слободской	224	118	101	5	4	1	0	0
<i>Итого</i>	<i>1018</i>	<i>802</i>	<i>206</i>	<i>10</i>	<i>8</i>	<i>2</i>	<i>0</i>	<i>0</i>
Со смешанным населением								
Глазовский	184	40	63	81	77	0	5	0
Елабужский	151	63	55	33	32	11	0	1
Сарапульский	196	141	0	55	55	0	0	0
Уржумский	168	42	61	65	16	55***	0	3
Яранский	202	59	110	33	0	33	0	0
<i>Итого</i>	<i>901</i>	<i>345</i>	<i>289</i>	<i>267</i>	<i>180</i>	<i>99***</i>	<i>5</i>	<i>4</i>
ВСЕГО	1919	1147	495	277	188	101***	5	4

* Составлено по: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 479а.

** сцс. – священноцерковнослужители.

*** В это число включены 2 чел. из церквей Уржумского благочиния, указанные знающими «*новокрещенский*» язык, из соображения большей вероятности, что этот язык – марийский: среди новокрещен здесь преобладали марийцы (хотя в причтах обеих церквей есть лица, владеющие и марийским и удмуртским языком).

Знающих языки выявлено всего 277 чел., из которых 257 чел. кроме русского знали только 1 язык, 19 чел. знали 2 языка (хотя и в разной степени), а священник с. Ципья Уржумского уезда И. Р. Воецкий знал 3 языка: «*вотский твёрдо, черемисский хорошо, татарский отчасти*». Большая часть этих лиц владела удмуртским языком – 188 чел., вторым по численности был марийский язык – 101 чел., в северных приходах Глазовского уезда 5 чел. знали коми-пермяцкий, а в Елабужском и Уржумском уездах 4 чел. знали татарский. Но поскольку сведения о знании и незнании языков в ведомостях представлены не для всех священноцерковнослужителей, а лишь для меньшей их части (составляющей 40,2%), то приведённые цифры нужно воспринимать лишь как минимальные возможные значения. К оценке полного количества знающих языки мы ещё вернёмся, сейчас же попытаемся качественно охарактеризовать эту часть духовенства.

Рассматривая качественные характеристики некоторой совокупности лиц (в данном случае вятского духовенства) мы переходим в область явлений социальных. В социологии традиционно точность оценивания принимают за 5%, а величину вероятности – за 0,95. При генеральной совокупности 1000–2000 ед. такая точность обеспечивается объёмом выборки 286 ед. [Мазур 2010, 135]. Полученная при проведении исследования естественная выборка в 772 чел. (о которых имеются сведения о знании или незнании языков), при генеральной совокупности 1919 чел. (наличное количество штатных служителей в церквях епархии) может обеспечить требуемую точность.

Представление о качественном уровне знания языков

Записи о знании языков зачастую содержат дополнительные указания позволяющие судить о его качественном уровне. Единой шкалы для оценки уровня знания «инородческих» языков среди духовенства не существовало, да и дающие оценку благочинные священники сами зачастую языка не знали, а записи делали, вероятно, по отзывам членов церковного причта. Поэтому сведения, приведенные в ведомостях, носят субъективный характер, что нашло отражение в разнообразии использованных определений. Все эти оценки можно условно свести к четырём уровням: 1) знает твёрдо, 2) знает достаточно, 3) знает отчасти, 4) знает мало.

Первый уровень соответствует отличному или очень хорошему знанию языка, сюда отнесены все указания, содержащие «усиливающие» эпитеты, как то: «твёрдо», «очень твёрдо», «довольно», «довольно искусен», «исправно», «хорошо», «натурально», «природно», «свободно» и т. п.

Второй уровень соответствует вполне удовлетворительному знанию языка, сюда отнесены все указания, не содержащие какого-либо определения при глаголе, как то: «язык знает», «говорить умеет», «говорит», «разговор разумеет», «язык толкует», «язык понимает» и т. п.

Третий уровень – не вполне достаточное, частичное знание, что отмечено определениями типа: «отчасти», «несколько», «нетвёрдо», «хоть и в твёрдость не знает».

Четвертый уровень – малая степень знания, характеризуется словами: «малую часть знает», «мало знает», «малосведущ», «разговаривает немного», «говорить приобучается».

Какой-либо зависимости уровня знания языка по уездам не выявлено, да и при субъективности оценок и небольшой численности знающих языки в пределах одного уезда вряд ли следовало бы ожидать её высокой достоверности. Поэтому сведения об уровне знания языков представлены в табл. 2 в целом по губернии.

Таблица 2

**Качественные показатели знания языков местных народов священноцерковнослужителями
Вятской епархии в 1815 г. ***

Язык	Сведения об уровне владения языками, чел.:				Всего знают языки, чел.
	знает твердо	знает достаточно	знает отчасти	знает мало	
Удмуртский	43	105	36	4	188
Марийский	14	56	25	6	101
Коми-пермяцкий	0	1	4	0	5
Татарский	1	1	2	0	4
Итого	58	163	67	10	298**
	19,5%	54,7%	22,5%	3,3%	100%

* Составлено по: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 479а.

** Лица, знавшие два или три языка, учтены дважды или трижды – по количеству знаемых языков.

Исходя из данных табл. 2 можно полагать, что в целом качественный уровень знания языков был достаточно высок: почти три четверти знающих языки священноцерковнослужителей владели им очень хорошо или вполне удовлетворительно. Речь, однако, может идти лишь о знании языка на бытовом разговорном уровне, поскольку собственных терминов и понятий, относящихся к христианской религии в языках местных народов не было.

Именно это обстоятельство, возможно, сыграло роль в том, что в 1803 г. знающие языки священноцерковнослужители не проявили особой активности при осуществлении переводов вероучительных христианских текстов и молитв. Так, в Глазовском уезде, где обнаруживается достаточно большое количество знающих удмуртский язык, при проведении опроса никто из них желания заняться переводом добровольно не изъявил, считая себя недостаточно «искусным» [Туранов 2021, 104]. Подобная ситуация наблюдалась и в Уржумском уезде, где из всех знающих языки согласились заниматься переводом на марийский только двое [Туранов 2018, 83]. В 1821 г. на это же обстоятельство обращал внимание воткинский благочинный протоиерей В. Блинов, представляя вятскому архиерею первый удмуртский перевод Евангелия Иоанна: «если найдутся в переводе сём какие недо-

статки, то единственно не зависящие от переводчиков, но от самого языка, – бедного в выражениях, и недостаточного в грамматических правилах» [Туранов 2017, 55].

Состав знающих языки по занимаемой должности

Распределение знающих языки по занимаемым штатным должностям представлено в табл. 3. Если принять во внимание, что в 1806 г. в среднем по епархии соотношение наличных штатных священников (включая протоиереев), диаконов, дьячков и пономарей было 1:0,6:1:1⁷, то очевидна диспропорция распределения знающих языки по должностям: количество знающих «инородческие» языки священнослужителей (протоиереев, священников и дьяконов) заметно превышало количество знающих язык причетников (дьячков и пономарей). Эта несоразмерность обусловлена, вероятно, тем, что христианским просвещением и проповедованием среди местного населения непосредственно должны были заниматься священнослужители, поэтому именно к ним в первую очередь и предъявлялись требования знания языка. Возможно, в силу служебной необходимости священнослужители были больше заинтересованы и проявляли большую активность в изучении языков своих прихожан. Не исключено, что в какой-то мере это и следствие указа 1784 г., обещающего преимущество знающим языки при определении к церковным должностям.

Таблица 3

Распределение знающих языки священноцерковнослужителей по занимаемым должностям*

Язык	Ед. изм.	Должность по штату					Итого
		Протоиерей	Священник	Дьякон	Дьячок	Пономарь	
Удмуртский	чел.	3	61	34	47	43	188
	%	34,0		18,1	47,9		100
Марийский	чел.	1	40	19	23	18	101
	%	40,6		18,8	40,6		100
Коми-пермяцкий	чел.	0	1	1	2	1	5
	%	20		20	60		100
Татарский	чел.	0	2	2	0	0	4
	%	50		50	0		100
ВСЕГО	чел.	3	94	52	67	61	277
	%	35,0		18,8	46,2		100

* Составлено по: ЦГА УР. Ф.134. Оп.1. Д.479а.

Исходя из данных табл. 3 можно предполагать корреляционную зависимость количества знающих языки от уровня образования и возраста: требования по уровню образования священнослужителей были значительно выше, чем причетников, и определение в священнический сан происходило в более зрелом возрасте.

Выпускники высших классов семинарии сразу определялись в священнослужители, что происходило в возрасте 22–25 лет. На причетнические же должности соискатели определялись, как правило, в юношеском, а не редко и в отроческом, возрасте. Это были лица с домашним образованием, или уволенные из низших классов семинарии. Прослужившие достаточно длительное время на причетнических должностях и проявившие способности к священнической деятельности рукополагались в дьяконы и священники. Таким образом, в результате продвижения по служебной лестнице могло происходить и перемещение некоторого числа знающих язык причетников в священнослужители.

Возрастной состав знающих языки

Представление о возрасте знающих языки даёт табл. 4. Пик численности – почти треть знающих языки – приходится на возрастную группу 25–34 лет: в этом возрасте все обучающиеся и празднующие уже определяются к штатным должностям или выходят из духовного сословия.

⁷ Рассчитано по: [Очерки истории... 2007, 147].

С увеличением возраста общая численность знающих языки постепенно падает, вероятно, по естественным причинам.

Таблица 4

Возрастной состав знающих языки штатных священноцерковнослужителей, чел.*

Должность	Группы возрастов, годы.							Итого	
	до 14	15-24	25-34	35-44	45-54	55-64	65 и старше		
Протоиерей	0	0	0	2	1	0	0	3	
Священник	0	0	27	31	21	14	1	94	
Дьякон	0	3	23	18	6	2	0	52	
Дьячок	3	21	19	9	10	4	1	67	
Пономарь	1	21	18	13	5	2	1	61	
Итого	чел.	4	45	87	73	43	22	3	277
	%	1,4	16,3	31,4	26,4	15,5	7,9	1,1	100

* Составлено по: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 479а.

Очевидно, что средний возраст знающих языки причетников значительно ниже возраста священнослужителей – более трети из них моложе 25 лет. А поскольку в семинарии обучение «инородческим» языкам не велось, то такое значительное количество знающих языки молодых людей, может быть объяснено лишь их проживанием с детства в новокрещенских селах в тесном контакте с носителями языка.

Следует иметь в виду также, что в табл. 4 знающее языки молодое поколение представлено не все: значительная его часть в это время ещё находится в обучении, и сведения о знании ими языков в ведомостях церковей не приводятся. Об их количестве можно лишь ориентировочно судить по данным возрастной группы 25–34 лет, принимая во внимание приведённое ниже соотношение количества священнослужителей, определенных из семинаристов и из лиц с домашним образованием. Весьма вероятно, что знающих языки семинаристов в 1815 г. было около четырех десятков человек. В их числе были, в частности, будущие переводчики Евангелия на удмуртский язык С. Красноперов и Н. Утробин, произведенные по окончании семинарии в 1818 г. в священники: первый – в с. Алнаши, второй – в с. Укан [ЦГА КО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 44. Л. 420 об., 879 об.].

Состав знающих языки по уровню образования

По образованию среди знающих языки духовных лиц наблюдается большое разнообразие. Здесь представлены почти все возможные на Вятке варианты духовного обучения: домашнее, в новокрещенской школе, в различных отделениях Вятской семинарии и Казанской академии. При этом точно сопоставить уровень полученного в них образования вряд ли возможно – слишком это индивидуально. Лишь косвенно о достигнутых успехах в некоторой степени можно судить по занимаемой должности в церковном причте. Тем не менее, представляется, что уровень образования, полученный дома или в новокрещенской школе, не превышал уровня начальных классов семинарии. К сожалению, сведения об образовании в послужных списках 1815 г. не всегда имеются, частично эти пробелы удалось восполнить по ведомостям за 1809 г. Все выявленные сведения об образовании штатных служителей церковей сведены в табл. 5.

Представленные сведения показывают, что в 1815 г. большая часть знающих языки священноцерковнослужителей имела не семинарское, а домашнее образование. Однако такое положение дел имело тенденцию к изменению на обратное. Так, например, среди священников количество обучавшихся и не обучавшихся в семинарии примерно одинаковое, однако установлено, что в возрастной группе 25–34 лет их соотношение было примерно 3:1 в пользу первых, из которых более 2/3 закончили полный курс семинарских наук; в возрастной группе 35–44 лет обучавшихся и не обучавшихся в семинарии было примерно поровну, и среди первых окончившие богословие уже не составляли большинства; среди священников более старшего возраста преобладали лица с домашним образованием. Значительно больше доля лиц с домашним образованием была среди причетников, но и здесь в

возрастной группе 15–24 лет количество обучавшихся в семинарии (в начальных классах) оказалось больше, чем обучавшихся дома. Указанная тенденция отражает общий процесс повышения требований к уровню образования духовенства: в Вятской епархии в конце XVIII в. духовенству предписывалось в обязательном порядке отправлять своих детей на обучение в семинарию под угрозой наказания денежными штрафами.

Таблица 5

Сведения об образовании знающих языки штатных служителей*, чел.

Должность	Нет сведений	Д	НКШ	Обучавшиеся в семинарии**									
				И1	И2	РШ	Г	С	П	Р	Ф	Б	
Протоиерей	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3	
Священник	5	44	0	2	1	1	3	0	0	9	6	23	
Дьякон	4	32	0	0	1	0	2	7	1	1	4	0	
Дьячок	6	43	1	1	1	1	4	6	3	1	0	0	
Пономарь	12	37	0	1	0	2	2	5	1	1	0	0	
ВСЕГО	чел.	27	156	1	4	3	4	11	18	5	12	10	26
	%	9,7	56,3	0,4	14,5				6,1		13,0		

* Составлено по: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 479а; Д. 1053.

** Условные обозначения: Д – домашнее образование (в семинарии не обучался); НКШ – новокрещенская школа; названия классов семинарии: И1 – информатория, И2 – инфима, РШ – русская школа; Г – грамматика, С – синтаксима, П – поэзия, Р – риторика, Ф – философия, Б – богословие.

Уровень образования лиц знающих различные языки

Было бы интересно выяснить, нет ли какой-нибудь зависимости в уровне образования лиц знающих тот или иной язык. Однако корректно сравнить между собой уровень образования лиц знающих разные языки по имеющимся неполным данным вряд ли возможно, так как их количества по каждому языку сильно отличаются. Тем не менее, сами по себе выявленные сведения об образовании лиц, знающих тот или иной язык, могут представлять интерес. Сведения эти представлены в табл. 6.

Таблица 6

Сведения об образовании знающих различные языки*, чел.

Язык	Нет сведений	Д	НКШ	Обучавшиеся в семинарии**								
				И1	И2	РШ	Г	С	П	Р	Ф	Б
Удмуртский	14	99	1	2	1	2	7	16	5	9	9	23
Марийский	12	63	0	2	2	2	5	3	0	3	3	6
Коми-пермяцкий	1	4	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Татарский	0	4	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

* Составлено по: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 479а; Д. 1053.

** Условные обозначения: Д – домашнее образование (в семинарии не обучался); НКШ – новокрещенская школа; названия классов семинарии: И1 – информатория, И2 – инфима, РШ – русская школа; Г – грамматика, С – синтаксима, П – поэзия, Р – риторика, Ф – философия, Б – богословие.

По данным табл. 6 легко подсчитать, что доля лиц с домашним образованием среди знающих удмуртский язык составляет не менее 52,7%, среди знающих марийский язык – не менее 62,4%. Такое значительное различие может быть следствием каких-то процессов и обстоятельств, возможно никак не связанных со знанием языка, однако объяснения ему найти пока не удалось.

Наблюдения о составе приходов и причтов

При изучении клировых ведомостей 335 церквей, действовавших в Вятской епархии в 1815 г.,

выявлено 69 приходов с прихожанами из коренных народов, из которых удмурты отмечены в составе прихожан в 31 приходе, марийцы – в 33, татары – в 9, коми-пермяки – в 3, бесермяне – в 1. Из-за описанных выше особенностей источника это количество нельзя считать полным. По сведениям П. Н. Луппова, например, удмурты в Вятской епархии проживали в 41 приходе [Луппов 1911, VI (2-я паг.)]. И все же есть основания полагать, что большую часть приходов с национальным населением выявить по источнику удалось.

В штатах подавляющего числа церквей с «инородческим» населением лица знающие местные языки имелись. При этом в районах с высокой концентрацией национального населения прослеживается общая зависимость количества знающих язык членов причта от соотношения русских и нерусских прихожан. В чисто новокрещенских приходах, язык прихожан знают, как правило, все служители церкви, не знающие языка здесь скорее исключение из правила. К таким можно отнести, например, приходы удмуртских сёл: Вавожа, Нылги, Пуже-Учи, Можги, Балезино, Полома, Елова (Глаз. уезда), Дебес; марийских сёл: Кувшинского, Улеша, Салабеляка, Люперсольского, Великопольского. В приходах со смешанным населением, где доля русских была значительна, языком коренного населения владела только часть церковного причта, и, как правило, чем меньше была доля новокрещен, тем меньше членов причта знали их языки. В приходах с небольшой долей новокрещен наблюдается значительный разброс: здесь знающих язык могло не быть вовсе, как например в сёлах Ст. Бурец, Нов. Бурец, Усад, Петровское, Челны, Качки, Кулыги и др., и, наоборот, их количество могло быть непропорционально большим, как, например, в приходе с. Святицкого (Глаз. уезда), где было лишь 20 домов удмуртов (менее 5% от общего количества), а из 7 членов церковного причта владели удмуртским языком 3 чел.

В целом же все приведенные выше сведения позволяют полагать, что в 1815 г. «инородческие» приходы Вятской епархии были довольно неплохо обеспечены священнослужителями, знающими язык местного населения, за исключением татарского. Впрочем, здесь крещёных татар в приходах было не так уж и много, в большинстве из них татары составляли лишь малую долю (не более 10%), и, проживая в окружении других народов, некоторая их часть могла изъясняться на разных языках, в том числе и русском. Поэтому возможности для преодоления затруднений в общении причта и прихожан имелись.

Оценка общего количества знающих языки штатных священноцерковнослужителей

Из приведенных выше сведений о минимально возможном количестве знающих «инородческие» языки служителей церкви в 1815 г. видно, что только выявленное количество знающих языки на порядок превышает известное из ранее опубликованных работ, и составляет около 15 % от фактического числа штатных священноцерковнослужителей Вятской епархии. Действительное же их количество, по видимому, значительно больше.

Можно ожидать, что некоторая часть знающих языки (несколько десятков человек) осталась не выявленной в уездах со смешанным населением: Глазовском, Елабужском, Сарапульском, Уржумском и Яранском. Так, в ведомости церкви с. Укан оказались не приведены сведения о знании удмуртского языка священником Н. Невоструевым, переведившим молитвы в 1803 г., а в ведомости церкви Воткинского завода – дьяконом П. Головизниным, переписывавшим перевод Евангелия Иоанна в 1821 году. Да и в уездах с русским составом прихожан отсутствие указаний о знающих «инородческие» языки нельзя считать за полное отсутствие таковых: поимённый просмотр списков служителей позволяет полагать, что такие лица могли быть и здесь. Так, в с. Лапугино служил пономарем В. Грачёв, сын священника удмуртского с. Вавож, выросший среди удмуртов, и, весьма вероятно, знавший удмуртский язык подобно своим братьям М. Грачёву (с. Вавож) и Г. Грачёву (с. Кулюшево). А дьячок с. Великорецкого Г. Вознесенский происходил из удмуртского с. Водзимонья, и, вероятно, знал удмуртский язык подобно отцу, священнику А. Вознесенскому, говорившему на удмуртском языке «натурально». Возможно, подобно им в русских уездах были и другие представители новокрещенских сел, знавшие языки, но не отмеченные в ведомостях из-за невостребованности этих способностей по новому месту службы.

А можно ли оценить полное количество знающих языки? Попробуем сделать это методами статистики.

Выше отмечалась неравномерность расселения разных народов на территории Вятской губернии, следствием чего была неравномерность распределения знающих языки духовных лиц по уездам, благочинным округам и приходам. В социологическом исследовании этот фактор должен быть учтен при со-

ставлении выборки. Однако мы имеем дело с естественной выборкой, полученной обработкой архивных источников, имеющей случайный характер, поэтому, для достижения большей точности результата представляется разумным расчёт вероятного количества знающих языки производить по отдельности для двух групп приходов⁸ – с русским и смешанным⁹ населением, – а затем сложить полученные значения. При этом, для обеспечения большей однородности групп, исходные данные следует перегруппировать.

В группу со смешанным населением отнесём все выявленные национальные приходы, дополним её недостающими сведениями об удмуртских приходах из списка Луппова¹⁰ и ещё о нескольких приходах с марийским и татарским населением, сведения о котором в ведомостях 1815 г. не приведены, но его наличие можно предполагать по местонахождению прихода в окружении национальных сёл, наличию в штате лиц знающих языки и указаниям более позднего времени¹¹. Всего в этой группе оказалось 98 приходов городских и сельских церквей с общим числом штатных мест 646. В числе их прихожан удмурты отмечены в 43 приходах, марийцы – в 51¹², татары – в 14, коми-пермяки – в 3, бесермяне – в 1.

Все оставшиеся приходы учитываются в составе группы с русским населением. Данные по обеим группам представлены в табл. 7.

Таблица 7

Сведения о знании языков священноцерковнослужителями Вятской епархии в приходах с русским и смешанным населением*.

Группа приходов	Кол-во налич. сцс.**, чел.	Количество знающих и не знающих языки, чел.						
		Нет сведений	Не знают	Знают	в т.ч. знают языки			
					удмуртский	марийский	коми-пермяц.	татарский
С русским населением	1357	1005	336	16	9	8	0	0
Со смешанным населением	562	142	159	261	179	93	5	4
ВСЕГО	1919	1147	495	277	188	101	5	4

* Составлено по: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 479а.

** сцс. – священноцерковнослужители.

Для оценки репрезентативности данных, полученных в результате перегруппировки, обратимся к «Таблице достаточно больших чисел» [Мазур 2010, 134]. При допустимой ошибке $m = 0,05$ и вероятности $p = 0,95$ объём выборки должен составлять не менее 384 чел. Казалось бы, заданному условию удовлетворяет только выборка для группы со смешанным населением, где суммарное количество знающих и незнающих языки составило 420 чел., а выборка в 352 чел. для группы с русским

⁸ Деление на большее количество групп по национальности или соотношению прихожан разных национальностей нецелесообразно, поскольку: 1) в смешанных приходах нет прямой зависимости количества знающих языки служителей от численности прихожан той или иной национальности; 2) сведения, позволяющие объективно (в цифрах) судить о количественном соотношении прихожан разных национальностей, имеются лишь для небольшой части приходов.

⁹ В эту группу включены и приходы, где русских не было.

¹⁰ Сведения П. Н. Луппова о населении приходов имеют некоторые расхождения с ведомостью 1815 г.: так о с. Елганском, показанном Лупповым в числе удмуртских, ведомость сообщает, что «в приходе ни черемис ни вотяков нет»; так же и в с. Сарали ведомость удмуртов не отмечает, приход показан чисто русским. И наоборот, указанные в числе русских приходы сёл Верхокамского, Зюздино-Афаньсьевского и Зюздино-Воскресенского [Луппов 1911, XXIX–XXX (4-я паг.)] по ведомости оказываются заселены коми-пермяками, причем в первом из них русские не отмечены.

¹¹ Просмотрены сведения о городских и сельских приходах в конце XIX в., размещенные на портале «Родная Вятка». – URL: rodnaaya-vyatka.ru. Приняты во внимание приходы с долей национального компонента более 1%.

¹² В значительной части этих приходов доля марийцев была невелика. Количество же приходов с большой долей марийского населения было менее 30, что подтверждается таким фактом в 1820 г. вятская духовная консистория выписала книгу перевода на марийский язык Литургии Иоанна Златоуста из расчёта по одной книге во все марийские приходы, и выписано было всего 27 экземпляров [Туранов 2019, 497].

населением при той же вероятности даст несколько большую ошибку. Однако «Таблица достаточно больших чисел» рассчитана для случая, когда речь идет о дихотомическом вопросе, у которого максимальный разброс ответов 50 на 50 %, при другом соотношении такая выборка оказывается завышенной и может быть уменьшена исходя из данных о разбросе оценок [Добренев 2008, 124]. Расчёт выборки с учётом имеющейся предварительной информации о количестве знающих и незнающих языки даёт для группы с русским населением необходимый минимальный её объём в 67 чел., для группы со смешанным населением – 362 чел., что в обоих случаях меньше имеющейся естественной выборки. Таким образом, условие репрезентативности для обеих групп выполняется.

Полная численность знающих языки в каждой из групп рассчитана методом линейной экстраполяции и составляет в группе с русским населением 62 чел., со смешанным населением – 349 чел. Исходя из фактического объема выборки (в обеих группах значительно превышающего минимально необходимый) можно рассчитать какая при этом обеспечивается ошибка: для группы с русским населением ошибка составляет $m_{\text{рус}} \approx 0,022$, что, с учётом численности группы, даёт ± 30 чел.; для группы со смешанным населением – $m_{\text{см}} \approx 0,046$ и ± 26 чел. Суммируя результаты по обеим группам получим вероятное общее количество знающих языки 411 ± 56 чел. Таким образом, можно утверждать, что в 1815 г. среди штатных священноцерковнослужителей Вятской епархии количество лиц, знающих языки местных народов, было не менее 355 чел., и могло составлять 18–24 % от количества наличного штатного духовенства епархии.

Найденное значение общего количества знающих языки позволяет ещё раз оценить репрезентативность сведений, представленных в табл. 2–5. В социологических исследованиях при генеральной совокупности 200–500 чел. объем выборки должен быть не менее 50% [Мазур 2010, 135]. При общем количестве знающих языки 411 чел. естественная выборка из их числа в 277 чел. условию репрезентативности удовлетворяет.

Определение количества знающих языки священноцерковнослужителей в конце XVIII в.

Из табл. 4 видно, что в 1815 г. более половины знающих языки были в возрасте 35 лет и старше, и, очевидно, основная их часть начали свою службу ещё в XVIII в. С большой вероятностью можно предполагать, что те из них, кто в 1815 г. язык знал хорошо или вполне удовлетворительно, владели им уже при поступлении на службу, поскольку с детства проживали в новокрещенских сёлах. Очевидно, знающих языки было немало и среди тех, кто до 1815 г. не дожил. Выше отмечалось, что сведения клировых ведомостей о сроках поступления на службу недостаточно точны, тем не менее, опираясь на них, можно ретроспективно в первом приближении сделать оценку количества знающих языки в конце XVIII века.

Из-за спада миссионерской активности в конце XVIII – начале XIX вв. новых церквей в Вятской губернии открывалось мало, в основном за счет разделения старых больших приходов. При этом общая штатная численность священноцерковнослужителей почти не менялась и составляла около 2240 человек. Но штатные места были заняты не все, часть мест (около 15%) оставались незамещёнными: на них для обеспечения содержания были зачислены служащие консистории и духовных правлений, певчие архиерейского хора, ученики и учителя семинарии, малолетние сироты, а некоторая часть оставалась не занятой¹³. Количество наличного духовенства из года в год менялось незначительно и оставалось примерно постоянным – около 1920 человек¹⁴. Очевидно также, что знание или незнание языков не влияет на продолжительность жизни, и можно полагать, что доля знающих языки в некотором i -том году с течением времени изменяется незначительно и остается почти постоянной. Такое положение позволяет по данным ведомостей 1815 г. ориентировочно рассчитать количество знающих языки в предшествующие годы по формуле:

$$A_i = B_i \cdot a_i / b_i \quad (1),$$

¹³ Такое положение в рассматриваемый период было характерно и для других епархий Волжско-Камского региона. Так, в 1782 г. в Казанской епархии (к которой тогда ещё относились церкви южных уездов Вятской губернии) некомплектованность церквей наличными служителями составляла 18,2 % (рассчитано по ЦГА УР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1. Л. 82).

¹⁴ По подсчётам автора, количество наличного штатного духовенства (включая сторожей городских соборов, звонарей кафедрального собора и певчих архиерейского хора) в 1815 г. составляло 1919 чел., в 1809 г. – 1914 чел.

где:

i – индекс, указывающий год, для которого производится расчет;

A_i – расчетная численность знающих языки штатных служителей в i -м году, чел.;

B_i – известная общая численность наличных штатных служителей, чел. (принято $B_i = 1920 = \text{const}$);

a_i – подсчитанное по ведомости 1815 г. количество знающих языки, находившихся на службе в i -м году, чел.;

b_i – подсчитанное по ведомости 1815 г. общее количество штатных служителей, находившихся на службе в i -м году, чел.

В приведенной формуле показатели в числителе (a_i) и знаменателе (b_i) подсчитываются по одним и тем же источникам, что позволяет несколько сгладить погрешности, связанные с особенностями представления сведений. В табл. 8 представлены результаты расчетов количества знающих языки с интервалом в 10 лет. Однако расчет по каждому году в период с 1780 по 1800 г. обнаруживает значительный разброс получаемых результатов, поэтому в табл. 9 приведены минимальные (A_{\min}), максимальные (A_{\max}) и средние арифметические ($A_{\text{ср.}}$) значения по трем указанным годам.

Таблица 8

Оценка количества священноцерковнослужителей Вятской губернии, знающих языки местных народов, в конце XVIII в.

Показатель	Обозначение	Год (i)		
		1780	1790	1800
Количество знающих языки, служивших в i -м году и остававшихся в духовном ведомстве в 1815 г., чел.	a_i	23	54	129
Количество всех служивших в i -м году, остававшихся в духовном ведомстве в 1815 г., чел.	b_i	143	309	752
Расчетное количество знающих языки штатных служителей в i -м году, чел.	A_i	309	336	329

Таблица 9

Разброс значений расчётного количества священноцерковнослужителей Вятской губернии, знающих языки местных народов, в конце XVIII в.

Показатель	Обозначение	Годы		
		1780–1786	1787–1793	1794–1800
Крайние значения расчетного количества знающих языки штатных служителей, чел.	A_{\min}	309	322	307
	A_{\max}	392	368	329
Среднее (за 7 лет) значение расчетного количества знающих языки штатных служителей, чел.	$A_{\text{ср.}}$	341	341	320

Проведенный расчет хотя и является приблизительным, однако полученные оценки позволяют утверждать, что в 1780–1800 гг. в Вятской губернии количество священноцерковнослужителей, знающих языки местных народов, превышало три сотни человек и было, по-видимому, лишь немного меньше, чем в 1815 г. Такое положение существовало уже на момент открытия Вятского наместничества¹⁵ (1780 г.) и можно предполагать, что сложилось оно в предыдущий период активной миссионерской де-

¹⁵ Вятское наместничество преобразовано в губернию в тех же границах в 1796 г., однако уже в 1780 г. именным указом Вятка определена «губернским» городом, а по отношению к наместничеству употребляется и термин «губерния» [ПСЗРИ 1830, Т. XX. 986]. Вероятно, поэтому и 100-летие Вятской губернии отмечалось в 1880 году.

тельности в 1740–1760-х гг., а Сенат и Синод, докладывая императрице в 1764 г. о немалом количестве знающего языки духовенства в новокрещенских приходах, были достаточно объективны.

Сопоставление рассчитанной численности знающих языки с количеством новокрещенских приходов и штатом их церквей позволяет полагать, что численность духовенства, знающего языки местного населения, составляющая 350–400 человек – вполне достаточный уровень для Вятской губернии в конце XVIII – начале XIX веков. Знание языков большим количеством священноцерковнослужителей никому бы не повредило, но могло оказаться невостребованным при отсутствии вакантных мест в новокрещенских приходах. Возможно, вопрос о централизованном обучении в Вятской семинарии удмуртскому и марийскому языкам потому и не стоял остро в рассматриваемый период, что для удовлетворения потребностей епархии в обновлении причтов удмуртских и марийских сел было достаточно того количества молодых людей, вновь поступающих на службу, которые обучались языку с детства под присмотром родителей в естественных условиях, проживая среди носителей языка. Не противоречит этой мысли и тот факт, что первым из языков местного населения в духовных учебных заведениях Вятской епархии начал преподаваться язык татарский: возможностей для его изучения в домашних условиях, подобно удмуртскому или марийскому, не было, а потребность в его знании была не только для работы с крещёными татарами, но и ввиду наличия в губернии значительного числа приверженцев конкурирующей прозелитической религии – татарского населения, исповедующего ислам.

Заключение

В результате проделанной работы удалось в общих чертах качественно и количественно охарактеризовать уровень знания духовенством Вятской епархии языков местных народов в конце XVIII–начале XIX веков. С большой уверенностью можно считать, что уже при учреждении Вятского наместничества в 1780 г. в приходах на его территории численность знающего языки духовенства превышала 300 человек и имела тенденцию к увеличению. В 1815 г. количество знающих языки штатных служителей было не менее 355 человек и могло составлять 18–24% от численности всего наличного штатного духовенства епархии. Более трети из них имели семинарское образование, а каждый десятый окончил полный курс семинарских наук, включая богословие. При этом и качественный уровень знания языков был довольно высок – более 2/3 от указанного количества владели языками свободно. Большую часть знающих языки составляли служители в священническом сане, многие из которых прошли обучение в высших классах семинарии.

В национальных приходах служители, знающие языки своих прихожан, занимали более половины штатных мест, и составляли около 2/3 от наличного состава духовенства. Неплохо обстояли дела в большинстве приходов, где проживали удмурты и марийцы: здесь каждый приход со значительным национальным населением имел по несколько священноцерковнослужителей, вполне удовлетворительно знающих язык прихожан. Несколько хуже обстояли дела там, где основную часть прихожан составляло русское население, а доля удмуртов и марийцев была невелика, а также в коми-пермяцких приходах: здесь обеспеченность знающим языки духовенством была ниже, в некоторых причтах таковых и вовсе не было. Села, где часть прихожан составляли крещёные татары, знающими их язык священноцерковнослужителями, были обеспечены ещё меньше: среди вятского духовенства знающих татарский выявлено только 4 чел., т.е. по 1 чел. на 3–4 прихода. Впрочем, приходов с татарским населением было относительно не много, и таких, где крещёные татары составляли бы большую часть прихожан, не выявлено – в большинстве из них татары составляли лишь малую долю. Эмпирически известно, что в местностях, где тот или иной народ проживает в окружении другого, составляя лишь небольшую долю населения, в силу коммуникативных потребностей некоторая его часть (как минимум) усваивает и язык соседей (в том числе и русский). Поэтому можно полагать, что в приходах с малой долей нерусского населения при отсутствии знающих язык священноцерковнослужителей затруднения в общении духовенства и прихожан были преодолимы.

В целом же можно считать, что в Вятской епархии в конце XVIII – начале XIX вв. обеспеченность «инородческих» приходов духовенством, знающим языки местных народов, была на довольно высоком уровне, достаточном для должного исполнения духовенством своих обязанностей во всех приходах. По-видимому, качественно этот уровень был достаточен для взаимопонимания с прихожанами, но христианская проповедь на языках местных народов была затруднена из-за отсутствия у них соответствующих понятий и терминологии. И если в рассматриваемый период успехи в просвещении упорствовавших в язычестве были незначительны, то причиной тому было не отсутствие знающих языки священнослужителей. Имевшийся потенциал позволил силами наиболее сведущих в языках

представителей приходского духовенства осуществить в 1803 г. переводы на удмуртский и марийский языки ряда вероучительных текстов и молитв, а затем, в 1821–1823 гг., и Евангелий, тем самым сделать первые шаги к широкому развитию этих языков. Полученные результаты позволяют лучше понять условия, в которых создавались первые переводные произведения на удмуртском и марийском языках в Вятской епархии.

СОКРАЩЕНИЯ

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи;

ЦГА КО — Центральный Государственный архив Кировской области;

ЦГА УР — Центральный Государственный архив Удмуртской Республики;

ЛИТЕРАТУРА

Добренков В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования. М.: ИНФРА-М, 2008. 768 с.

Ильминский Н. И. Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. Казань, 1885. 356 с.

Луппов П. Н. О первых вотских переводах источников христианского просвещения. Очерк из истории инородческих переводов. Казань, 1905. 25 с.

Луппов П.Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX в. Исследование. Вятка, 1911. 640 с.

Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 390 с.

Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 608 с.

Очерки истории Вятской епархии (1657–2007): 350 лет Вятской епархии. Вятка: Буквица, 2007. 660 с.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. IX. СПб., 1830. 1026 с.

ПСЗРИ. Т. XI. СПб., 1830. 990 с.

ПСЗРИ. Т. XVI. СПб., 1830. 1122 с.

ПСЗРИ. Т. XX. СПб., 1830. 1043 с.

Сергеев О. А. Имена прилагательные в Кукарском рукописном памятнике марийского языка XVIII века // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. Вып. 2. С. 18–26.

Туранов А. А. К истории первого удмуртского перевода Евангелия Иоанна // Восточно-Европейский научный вестник. 2017. №1(9). С. 54–57.

Туранов А. А. К истории первых вятских переводов христианских текстов на марийский язык // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. Вып. 4. С. 80–87.

Туранов А. А. К истории первых переводов книг Священного Писания на марийский язык: Вятские переводы Евангелия // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. Вып. 3. С. 495–502.

Туранов А. А. К истории перевода христианских текстов на удмуртский язык в Глазовском уезде Вятской губернии в 1803 г. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. Вып. 1. С. 102–115.

ЦГА КО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 44

ЦГА КО. Ф. 237. Оп. 87. Д. 534.

ЦГА УР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1.

ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 65.

ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 479а.

ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1053.

Чураков В. С. Авторство, датировка и история рукописи «Краткой отяцкой грамматики опыт» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10. Вып. 3. С. 184–196.

Gmelin J. G. Voyage en Sibérie. Vol. 1. Paris. 1767. 452 p.

Поступила в редакцию 17.01.2022

Туранов Андрей Алексеевич,

магистр истории,

Удмуртский государственный университет

e-mail: at63@mail.ru

A. A. Turanov

ON THE KNOWLEDGE OF LANGUAGES OF LOCAL PEOPLES BY THE ORTHODOX CLERGY OF THE VYATKA PROVINCE IN THE LATE XVIII–EARLY XIX CENTURIES.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-117-133

The mass Christianization of the peoples of the Volga-Kama region in the XVIII century made demands on the knowledge of their languages by the clergy, who were assigned the main role in educating "foreigners". This factor proved to be in demand in the late XVIII–early XIX centuries both by the need to strengthen the newly christened in the Orthodox faith, and by the increased scientific interest in the languages of the peoples of Russia: compilation of grammars and dictionaries, translation of religious texts into these languages. However, to date, the state of the clergy's knowledge of languages has not been described either qualitatively or quantitatively, which makes the ideas about the role of the clergy in these processes speculative. The purpose of this article is to give a quantitative and qualitative assessment of the level of knowledge of the languages of local peoples by the clergy of the Vyatka diocese and to determine its potential in working with proselytes and promoting science.

Documents from the beginning of the XIX century from the archives of Udmurtia and the Kirov region are used as sources for the study. The level of knowledge of languages in 1815 is determined using statistical methods, the assessment of the state in 1780–1800 is carried out by a retrospective method. The results of the study, giving quantitative and qualitative characteristics, are presented in the form of tables. These indicators allow us to come to the conclusion about the sufficient provision of new Christian parishes of the Vyatka diocese with clergy who knew the Finno-Ugric languages and the lack of those who knew the Tatar language, and also clarify the conditions under which the first translated works were created in the Udmurt and Mari languages.

Keywords: Vyatka province, Vyatka clergy, new Christian parishes, Udmurt language, Mari language, Komi-Permian language, Tatar language, language proficiency, quantitative assessment.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 1, pp. 117–133. In Russian.

REFERENCES

Dobren'kov V. I., Kravchenko A. I. *Metody sotsiologicheskogo issledovaniya* [Methods of sociological research]. Moscow, INFRA-M Publ., 2008. 768 p. In Russian.

Il'minskii N. I. *Opyty perelozheniya khristianskikh verouchitel'nykh knig na tatarskii i drugie inorodcheskie yazyki v nachale tekushchego stoletiya* [Experiments in translating Christian doctrinal books into Tatar and other non-Tatar languages at the beginning of the current century]. Kazan', 1885. 356 p. In Russian.

Lupov P. N. *O pervykh votskikh perevodakh istochnikov khristianskogo prosveshcheniya* [About the first Votsk translations of the sources of Christian enlightenment]. Kazan', 1905. 25 p. In Russian.

Lupov P. N. *Khristianstvo u votyakov v pervoi polovine XIX v.: Issledovanie* [Christianity among the votyaks in the first half of the XIX century: a Study]. Vyatka, 1911. 640 p. In Russian.

Lupov P. N. *Khristianstvo u votyakov so vremeni pervykh istoricheskikh izvestii o nikh do XIX veka* [Christianity among the Votyaks from the time of the first historical news about them to the XIX century]. Izhevsk. UIIYaL UrO RAN Publ., 1999. 390 p. In Russian.

Mazur L. N. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. Yekaterinburg. Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2010. 608 p. In Russian.

Ocherki istorii Vyatskoi eparkhii (1657–2007): 350 let Vyatskoi eparkhii [Essays on the History of the Vyatka Diocese (1657–2007): 350 years of the Vyatka Diocese]. Vyatka. Bukvitsa Publ., 2007. 660 p. In Russian.

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire] (PSZRI). Vol. IX. Sankt Petersburg, 1830. 1026 p. In Russian.

PSZRI. Vol. XI. Sankt Petersburg, 1830. 990 p. In Russian.

PSZRI. Vol. XVI. Sankt Petersburg, 1830. 1122 p. In Russian.

PSZRI. Vol. XX. Sankt Petersburg, 1830. 1043 p. In Russian.

Sergeev O. A. *Imena prilagatel'nye v Kukarskom rukopisnom pamyatnike mariiskogo yazyka XVIII veka* [Adjectives in the Kukarskiy memorial manuscript of the Mari language of the XVIII century]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2017. Vol. 11. Issue 2. Pp.18–26. In Russian.

Turanov A. A. *K istorii pervogo udmurtskogo perevoda Evangeliiya Ioanna* [History of the first Udmurt translation of the Gospel of John]. *Vostochno-Evropeiskii nauchnyi vestnik* [East European Scientific Bulletin]. 2017. No.1(9). Pp. 54–57. In Russian.

Turanov A. A. К истории первых выатских переводов христианских текстов на мариискй язык [To the history of the first Vyatka translations of Christian texts into the Mari language]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2018. Vol. 12. Issue 4. Pp.80–87. In Russian.

Turanov A. A. К истории первых переводов книг Священного Писания на мариискй язык: Выатские переводы Евангелия [To the history of translations of books of Scripture into the Mari language: Vyatka translations of the Gospel]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2019. Vol. 13. Issue 3. Pp.495–502. In Russian.

Turanov A. A. К истории перевода христианских текстов на удмуртскй язык в Глазовском уезде Выатской губернии в 1803 г. [To the history of the translation of Christian texts into the Udmurt language in the Glazov county of the Vyatka governorate in 1803]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2021. Vol. 15. Issue 1. Pp.102–115. In Russian.

TsGA KO. F.237. Op.70. D.44

TsGA KO. F.237. Op.87. D.534.

TsGA UR. F.26. Op.1. D.1.

TsGA UR. F.134. Op.1. D.65.

TsGA UR. F.134. Op.1. D.479a.

TsGA UR. F.134. Op.1. D.1053.

Churakov V. S. Авторство, датировка и история рукописи «Краткой отяатской грамматики опыт» [The Authorship, Dating and History of the Manuscript «Kratkoj otjatskoj grammatiki opyt» ("The Experience of Brief Overview of Udmurt Grammar")]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2016. Vol. 10. Issue 3. Pp.184–196. In Russian.

Gmelin J. G. Voyage en Sibérie . Vol. 1. Paris, 1767. 452 p. In French.

Received 17.01.2022

Turanov Andrey Alekseevich
Master of History,
Udmurt State University
e-mail: at63@mail.ru

И. В. Шорохова

**ОТ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ К МЕЖКУЛЬТУРНОМУ
 ДИАЛОГУ: КУЛЬТУРА КАРЕЛИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ
 ПРОСТРАНСТВЕ ФИНЛЯНДИИ В 1960-е годы**

Карелия, став в 1917 г. приграничным регионом, вплоть до конца столетия испытывала в своем развитии влияние внешнеполитического фактора. Он определял не только национально-государственный статус Карелии в составе Советского государства, но и ее функции в выстраивании форматов взаимодействия СССР и Финляндии. В статье рассматривается его стремление в 1960-е гг. популяризировать в Финляндии идеологию и советские ценности, преодолеть представление финнов о Советском Союзе как о враге Суоми. В условиях холодной войны общее культурно-историческое прошлое народов Финляндии и Карелии позволило использовать культуру края для реализации поставленных задач. Литература, театральное искусство Карелии, средства массовой информации, публичные лекции и личные контакты творческой интеллигенции КАССР с финляндскими коллегами стали основными направлениями советской наступательной пропаганды на территории Финляндии. Между тем, в условиях смягчения советского режима театральные постановки и литературных произведений не несли в себе явного идеологического контекста, а нарастание социально-экономических противоречий в развитии СССР не позволяли в 1960-е гг. демонстрировать исключительно достижения советской действительности. Иллюзии «выборочной реальности» разбивались в результате роста числа посещений Карелии финскими туристами и неконтролируемых властями личных и семейных связей жителей КАССР и Финляндии. Расширение поля контактов Карелии и Финляндии в области культуры привело к росту взаимного интереса их населения друг к другу. Культура стала базой, на основе которой в сознании финляндского и советского населения произошла трансформация образа врага в образ доброго соседа, что позволило начать активный межкультурный диалог Карелии и Финляндии в последующий период.

Ключевые слова: холодная война, образ врага, идеологическая пропаганда, межкультурный диалог, Карелия, советско-финляндские отношения

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-134-145

Геополитическое значение Карелии в XX столетии существенно изменилось. После предоставления Финляндии независимости в декабре 1917 г. Олонецкая губерния превратилась в приграничный регион России. На его территории во время Гражданской войны и интервенции пересеклись интересы белого и красного движения, финляндских националистов, стран Антанты. Национально-государственное строительство в Карелии в 1920–1940-е гг. было сопряжено с решением задач советской внешней политики. В этот период общее историческое прошлое финского народа и населения Карелии, культурная и языковая общность финно-угорских этносов края и соседнего государства являлись фактором, скорее, отягощавшим непростые политические отношения между СССР и Финляндией.

После окончания Второй мировой войны в условиях биполярного мирового устройства Финляндия приняла решение о выстраивании дружественных отношений с Советским Союзом. Несмотря на заключение в 1948 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией, линия «Паасикиви-Кекконена» трудно пробивала себе дорогу в финляндской политике и общественном мнении [Казарян 2013; Рупасов, Чистиков 2004]. И только в начале 1960-х гг., когда Финляндия окончательно определилась с дружественным внешнеполитическим курсом по отношению к СССР, Карелия как приграничный регион стала доступна для иностранных туристов, получила возможность развивать побратимские связи Петрозаводска с европейскими городами, а достижения культуры края стали известны за пределами СССР.

Культурная дипломатия как использование средств и возможностей культуры для передачи идей, убеждений и ценностей иностранным гражданам является актуальным направлением научного поиска [Gould-Davies N. 2003; Koivunen 2020; Костина 2014; Красильникова 2015]. Однако, его региональный аспект, связанный с привлечением деятелей культуры и искусства Карелии к идеологическому влиянию на население Финляндии, ожидает своего исследователя. Некоторые вопросы межкультурной коммуникации в диалоге Карелии и Финляндии в послевоенный период рассмотрены в работах Л. И. Вавулинской [Вавулинская 2018]. И если зарубежных исследователей интересуют политический аспект культурной дипломатии [Mikkonen 2020a], то российские историки

обращают внимание на проблемы собственно межкультурного диалога. В любом случае его изучение в условиях Холодной войны невозможно без учета внешнеполитического контекста.

В рамках политики, получившей в исторической науке название «финляндизация» [Погодин, Матвеевская 2015, 115; Казарян 2013], направленной на закрепление в послевоенный период Финляндии в сфере влияния СССР, произошла «реабилитация» общего культурно-исторического опыта народов, населявших Карелию и Финляндию. Теперь этническая и языковая близость карелов, финнов, вепсов, тесные экономические, социальные, культурные, семейные и личные связи жителей Карелии и Финляндии стали активно использоваться советским руководством для того, чтобы вести на территории северного соседа «активную наступательную пропаганду против буржуазной идеологии». Такие задачи поставил секретарь Карельского обкома КПСС М. Х. Киуру перед деятелями культуры Карелии в 1965 г., поскольку «мирное сосуществование идеологических систем не исключает, а обостряет борьбу между идеологиями» [НА РК. Ф. П–3. Оп. 16. Д. 110. Л. 27].

С середины 1950-х гг. в связи с расширением возможностей для иностранцев прикоснуться к советской действительности перед советским руководством встала задача не только показать достижения социалистического строительства, но и сформировать у общественности за рубежом позитивное восприятие Советского Союза, его внутренней и внешней политики. Отчасти эти задачи решались путем налаживания работы с иностранными туристами. Эти аспекты темы в историографии представлены целым рядом исследований, касающихся как общесоюзных (В. А. Хрипун, М. В. Кротова, В. Э. Багдасарян, И. Б. Орлов и др.), так и региональных особенностей работы с разными группами интуристов (Н. С. Савельев, Ф. К. Ярмолич, И. В. Шорохова).

Несмотря на то, что из года в год росло количество иностранцев, посещавших СССР, обеспечить массовый охват советской пропагандой жителей капиталистических государств посредством только въездного туризма не представлялось возможным. Возникла необходимость поиска каналов трансляции социалистических ценностей непосредственно на территории идеологического противника. В условиях холодной войны приходилось использовать завуалированные способы пропаганды советской действительности. Межкультурная коммуникация, как и народная дипломатия, а также побратимские связи, получившие активное развитие именно в послевоенный период, открыли в этом отношении новые возможности.

Основными целями советской культурной и идеологической работы на территории Финляндии в 1960-е гг. следует признать, во-первых, формирование позитивного имиджа СССР в соседнем государстве; во-вторых, пропаганду советской действительности и преимуществ общественно-политического строя; в-третьих, преодоление в общественном сознании советских и финляндских граждан представлений друг о друге как о врагах [Вихавайнен 2009; Рупасов, Чистиков 2004; Сапрыкина, Чернышов 2014]. Политическая элита Карелии использовала проверенные способы трансляции социалистических ценностей на широкую финляндскую аудиторию. В этих целях были использованы возможности личных контактов творческой интеллигенции обоих государств, воспитательный потенциал литературы и театрального искусства, а также влияние средств массовой информации. Таким образом, советская стратегия в отношении финляндской аудитории заключалась в минимизации влияния на нее «антисоветской пропаганды» через создание позитивного образа советского строя посредством демонстрации культурных достижений и организованной подачи информации. Применительно к 1960-м гг. в документах, отложившихся в архивах Карелии, нами не обнаружены доказательства использования культуры края для поддержки избирательных кампаний левого движения в Финляндии [Mikkonen 2020a, 6, 8, 10].

Обращает на себя внимание то, что представление о КАССР как о регионе, обладавшим потенциалом в проведение идеологической работы с финляндским населением, складывалось постепенно и во многом зависело от положения дел в Финляндии. Активную работу по формированию у общесоюзного и регионального руководства представлений о возможностях использования культуры Карелии в пропагандистских целях проводил председатель карельского отделения Союза советских писателей (ССП) и член общества «СССР–Финляндия» А. Н. Тимонен [Шорохова 2023]. Во второй половине 1950-х гг. он как активный сторонник преодоления взаимных советско-финляндских политических и национальных претензий по итогам Зимней и Великой Отечественной войн неоднократно посещал Финляндию. Во время поездок ему удалось установить личные контакты с членами общества «Финляндия–СССР», с работниками искусства и культуры, которые придерживались демократических взглядов, дать многочисленные интервью на радио, телевидении и в прессе Финляндии о преимуществах социалистического строя, достижениях СССР и творчестве советских писателей

[НА РК. Ф. П-3. Оп. 9. Д. 59. Л. 34–42; Оп. 10. Д. 64. Л. 17]. Отчеты о проделанной работе, об общественных и политических настроениях в творческих кругах Финляндии, об интересе финнов к культуре именно Карелии как «близкой по языку и в этнографическом отношении» А. Н. Тимонен представлял в карельский обком КПСС, в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД). Эти документы отложились в Национальном архиве Республике Карелия (НА РК) в материалах фонда Карельского обкома КПСС и личного фонда А. Н. Тимонена. В отчетах представлена оценка творческих способностей писателей Финляндии, дан анализ развития литературы страны, переделены ее тематические и идейные особенности. Поскольку материалы по результатам встреч с финляндскими коллегами, творческих семинаров и лекториев А. Н. Тимонен писал обстоятельно, то к началу 1960-х гг. они часто использовались соответствующими партийными органами СССР и Карелии для выстраивания основных дискурсов идеологической работы с творческой интеллигенцией соседнего государства.

Первый поставленный в Карелии балет «Сампо» (муз. Г. Н. Синисало, пост. И. Смирнов) по мотивам карело-финского эпоса «Калевала» вполне можно рассматривать в контексте наращивания творческого присутствия Советской Карелии в пространстве культуры Финляндии. Спектакль был поставлен при помощи ведущих деятелей театрального искусства Москвы и Ленинграда и с успехом показан во время Декады карельского искусства и литературы в Москве летом 1959 года. [Шорохова 2017]. «Результатом творческого содружества кинематографистов Советского Союза и Финляндии», киностудий «Суоми-фильм» и «Мосфильм» стал цветной широкоэкранный фильм «Сампо», который демонстрировали в Москве и Финляндии [НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/58. Л. 19]. Опыт взаимодействия в области культуры должен был показать общественности СССР и Финляндии стремление государств к преодолению политических противоречий периода 1939–1944 гг. и обозначить путь дальнейшего их сближения на основе общности культуры финно-угорских народов.

В этой связи вполне логичным выглядит обращение А. Н. Тимонена осенью 1959 г. в ССОД с просьбой о создании в Петрозаводске карельского отделения общества «СССР–Финляндия» для ведения планомерной и широкой идеологической работы с населением Финляндии [НА РК. Ф. П. –3. Оп. 10. Д. 119. Л. 15]. А. Н. Тимонен мотивировал необходимость положительного решения недостаточностью и неэффективностью проводимой в Финляндии пропагандистской работы: жители отдаленных поселений не слышали о работе общества «СССР–Финляндия», не видели советских фильмов и не читали советской литературы [НА РК. Ф. П-3. Оп. 9. Д. 59. Л. 39]. В июне следующего года заместитель председателя ССОД В. Горшков, понимая возможности Карелии в расширении пропаганды на территории Финляндии средствами культуры и искусства, мотивировал отказ «нецелесообразностью сейчас открывать» карельское отделение ССОД [НА РК. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 88. Л. 5]. Имелось в виду прежде всего то, что в условиях жесткой политической борьбы в Финляндии против политики финляндизации у советского руководства не было уверенности в том, что на выборах 1962 г. У. К. Кекконен сможет победить и продолжить выстраивать дружественные отношения с СССР.

Однако через два года позиция центрального руководства Советского Союза относительно открытия карельского отделения общества «СССР–Финляндия» изменилась. Важным событием в превращении Карелии в оплот идеологического влияния СССР в Финляндии помимо переизбрания У. К. Кекконена Президентом Финляндии следует признать VIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов, проходивший в Хельсинки в 1962 году. [Koivunen 2012]. Советская делегация стремилась представить культуру многонационального советского народа во всем ее многообразии, но главным событием балетного искусства стал балет «Сампо», поставленный Музыкально-драматическим театром Петрозаводска [НА РК. Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 51/329. Л. 190; Шорохова 2018]. Представляется, что для участия в фестивале балет был выбран не случайно. Само место проведения фестиваля предполагало сделать акцент на культурной близости народов Карелии и СССР с финским народом.

Таким образом, с декабря 1962 г., когда в Карелии было создано отделение общества «СССР–Финляндия», председателем которого стал А. Н. Тимонен, можно начинать отсчет планомерной работы по популяризации социалистических достижений и ценностей на территории Финляндии посредством представления культуры Карелии [НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 1 /2. Л. 1]. В протоколах собраний учредителей и в отчетной документации карельского отделения общества «СССР–Финляндия» в 1960-е гг. четко прослеживается «привязка» всех мероприятий, «отражавших советско-финляндскую дружбу» и организованных силами творческих работников Карелии на территории Финляндии, к международной политике СССР и его северного соседа. Это позволяет утверждать, что несмотря на все очевидные положительные последствия культурного обмена между Карелией

и Финляндией, для советского руководства культура была средством влияния на общественные настроения населения Суоми в период политики «финляндизации». Если ССОД в своей деятельности по большей части выполнял организационно-контролирующие функции в отношении культурного взаимодействия СССР со всеми зарубежными государствами, а общество «СССР–Финляндия» проводило в Финляндии широкомасштабные мероприятия с привлечением общесоюзных творческих сил, то карельское отделение общества «СССР–Финляндия» непосредственно было ориентировано на постоянную, если можно так выразиться, точечную работу с финнами в плоскости культуры в трех основных направлениях: литература, театр и средства массовой информации.

Формирование у населения Финляндии культуры чтения идеологически верной с советской точки зрения литературы следует признать одним из важных направлений идеологической работы. Данные документов НА РК согласуются с мнением С. Микконена в том, что до начала 1960-х гг. это направление идеологической работы СССР в Финляндии было представлено слабо [Mikkonen 2020a, 5]. Сотрудники финских редакций издательств «Прогресс» и «Карелия» обеспечивали выпуск литературы на финском языке. Если первое занималось переводами советской литературы на финский язык, то второе – выпускало «оригинальную литературу местных авторов», писавших на финском языке. Об интенсификации работы по изданию и распространению в Финляндии советской идеологической литературы свидетельствует Докладная записка о работе с иностранными делегациями по КАССР, составленная секретарем Карельского обкома КПСС М. Киуру для Международного отдела ЦК КПСС в 1964 г. Только за 1961–1964 гг. издательство «Прогресс» на типографиях Карелии выпустило 85 названий книг и брошюр тиражом 321 550 экземпляров [НА РК.Ф. П-3. Оп. 15. Д. 89. Л. 12]. По мнению редактора финской редакции издательства «Прогресс» В. М. Айрола, высказанному на Второй республиканской конференции Карельского отделения общества «СССР–Финляндия» в 1964 г., выполнению планов по изданию литературы для всех возрастных категорий населения Суоми помогало то, что «прогрессивные организации Финляндии принимали меры по переводу классической и советской литературы на финский язык» [НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 5. Л. 18]. По заказу фирмы «Кансанкулттури» в 1960-е гг. Карелии велась работа по изданию на финском языке сорокаторого собрания трудов В. И. Ленина, произведений К. Симонова, А. Фадеева, А. Толстого и др. Значительная часть изданной в Карелии литературы на финском языке попадала в Финляндию организованно через советские государственные структуры, в том числе благодаря Всесоюзному объединению «Международная книга» и Госиздату КАССР. Еще одним каналом проникновения идеологически верных изданий в Финляндию станет их распространение среди туристов и представителей делегаций.

С современной литературой Карелии жители Финляндии знакомились через публикации финноязычного журнала «Punalipru», выходившего при карельском отделении ССП. В начале 1960-х гг. 5000, а во второй половине десятилетия уже 7000 экземпляров журнала уходило по подписке в Финляндию [НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 12. Л. 2; Ф. П-3. Оп. 15. Д. 89. Л. 12]. В «Punalipru» печатались известные и начинающие писатели Карелии, работавшие на финском языке (Т. Хуусконен, О. Степанов, Т. Сумманен, П. Пертту, Н. Гиппиев). Роман А. Тимонена «Белокрылая птица», опубликованный в «Punalipru», вызвал огромный интерес в Финляндии и внес важный вклад в преодоление представлений народов Карелии и Финляндии друг о друге как о врагах. На страницах прозы было предложено новое понимание событий 1939–1944 гг. Военные конфликты СССР и Финляндии должны были стать общей болью, через преодоление которой возможно взаимное прощение и мирное сотрудничество с целью недопущения повторения трагедии.

В начале 1960-х гг. большие усилия прилагались советской стороной для формирования в литературе Финляндии группы «прогрессивных писателей». Финляндских авторов приглашали для работы в СССР, финансировали их творческую деятельность. Подробные отчеты и анализ состояния финляндской литературы в 1950-х – 1960-х гг. содержатся в докладных записках, информациях и выступлениях А. Н. Тимонена, подготовленных для Иностранной комиссии Союза писателей СССР, Карельского обкома КПСС, советской прессы, которые представлены в личном фонде писателя [НА РК. Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 10, 11, 18]. Так, в 1963 г. в СССР работали финские писатели М. Курьенсаари и П. Мюллермяки. По возвращении в Финляндию они написали статьи и очерки в местной прессе о жизни и творчестве в условиях социализма. А. Н. Тимонен в отчете для Иностранной комиссии при ССП СССР о работе с финляндскими коллегами отметил, что материалы получились такие, которые «нас не совсем удовлетворяют», но «для нашего дела за рубежом от них больше пользы, чем вреда» [НА РК. Ф. П-3. Оп. 14. Д. 139. Л. 5].

Регулярные семинары и личные встречи ведущих советских писателей (Ч. Айтматова, М. Шолохова, Е. Евтушенко) устанавливали «взаимопонимание между писателями социалистического лагеря и капиталистического запада». В 1963 г. представительная советская делегация при активном участии председателя карельского отделения общества «СССР–Финляндия» А. Н. Тимонена приняла участие в международном семинаре писателей в г. Лахти. На нем обсуждались вопросы развития литературы малых народов, сравнивались особенности методов соцреализма и капиталистического идеализма в литературе. Истинный смысл участия советской делегации в мероприятии раскрыт в отчете. Реагируя на обиды некоторых финляндских писателей, советская сторона признала ошибки в отборе стихов для антологии финляндской поэзии, вышедшей в Москве незадолго до события. При этом для недопущения подобных просчетов было рекомендовано ответственным работкам впредь советоваться с ЦК Коммунистической партии Финляндии (КПФ) [НА РК. Ф. П-3. Оп. 14. Д. 139. Л. 1-8].

Председатель карельских отделений общества «СССР–Финляндия» и ССП А. Н. Тимонен чаще всего среди представителей творческой элиты Карелии посещал Финляндию, общался с ее писателями, имел представление о развитии финляндской литературы и определенное влияние в этих кругах. Он неоднократно высказывался о том, что ошибочно считать литературу надклассовым явлением. Он полагал, что ее можно и нужно использовать в политической борьбе [НА РК. Ф. П-3. Оп. 9. Д. 59. Л. 37]. Эти взгляды А. Н. Тимонен многократно транслировал в среде творческой интеллигенции Финляндии. Многочисленные личные дружественные связи писателя с представителями «демократической» культуры и искусства Финляндии также следует рассматривать как фактор внешнего влияния на творческий процесс в Финляндии. Оценить степень этого влияния в полной мере затруднительно, но межличностные отношения, безусловно, способствовали активизации межкультурного диалога [Mikkonen 2020б].

В 1960-е гг. члены карельского отделения общества «СССР–Финляндия» выезжали в Финляндию с целью ознакомления с жизнью в соседнем государстве. Программа визитов была довольно однообразной, но типичной для ведения идеологической работы. Посещение школ, муниципалитетов, предприятий, встречи с рабочими, коммунистами и политиками, интервью средствам массовой информации стали традиционными направлениями пропагандистской деятельности. Представители культуры Карелии осуществляли ее во время лекций и бесед с финляндской общественностью на строго определенные темы, сформулированные на основе партийных директив на заседании Правления карельского отделения общества «СССР–Финляндия»: история советско-финляндской дружбы, достижения КАССР за советский период, преимущества социалистического развития [НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 17. Л. 2-3; Д. 15. Л. 3.].

Посещение Финляндии культурработниками и учеными-лекторами были признаны карельским обкомом «самыми эффективными формами» идеологической работы, а представители творческих союзов Карелии считались лучшими информационно-пропагандистскими агентами [НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 18. Л. 13; Ф. П-3. Оп. 13. Д. 87. Л. 17]. Только во время месячника дружбы в 1967 г. А. Н. Тимонен три недели выступал с лекциями и докладами на указанные темы в Турку, Хельсинки, Оулу и др. городах. Из отчета председателя карельского отделения общества «СССР–Финляндия», подготовленного для Совета Министров КАССР, видно, что к середине 1960-х гг. на страницах финляндских изданий только А. Н. Тимонен опубликовал более двух десятков очерков о Советской Карелии, ее социально-экономических успехах и достижениях культуры [НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 12. Л. 1; Д. 15. Л. 3].

Карельское отделение общества «СССР–Финляндия» старалось поддерживать сотрудничество ученых Карелии и Суоми в гуманитарном пространстве. Так, в 1967 г. в Йозенсуу состоялся семинар советских и финляндских историков и филологов. С лекциями о влиянии «Калевалы» на литературу КАССР и о карельских плачах выступили А. Н. Тимонен и к.и.н. У. Конка соответственно [НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 17. Л. 4]. На подобных мероприятиях акцент в обсуждаемых исторических темах делался именно на объединяющем оба государства прошлом: совместная борьба финнов и карелов против внешней угрозы в Средние века и Новое время, история культуры финно-угорских народов или история коммунистического движения в обоих государствах. Идеи «Великой Финляндии», история Гражданской войны на территории Карелии в 1918–1922 гг., революция в Финляндии, события Зимней и Великой Отечественной войн не затрагивались на подобных семинарах.

В Советском Союзе театральное искусство играло важную роль в формировании мировоззрения и ценностных установок населения. Гастрольную деятельность театров Карелии также следует рассматривать как важное средство идеологического воздействия на население Финляндии. Выбор

гастрольных постановок тщательно согласовывался с партийными инстанциями всех уровней. С одной стороны, разнообразие тематики репертуара и широкий набор авторов пьес должны были продемонстрировать существовавшую в СССР свободу творчества, с другой, перечень вывозимых спектаклей содержал в себе четкий пропагандистский подтекст.

После 1962 г. театральные коллективы Карелии часто посещали соседнее государство. По данным Министерства культуры КАССР, в 1966–1970 гг. балетная труппа Музыкально-драматического театра дважды выезжала с гастролями в Финляндию. В репертуаре были представлены балеты: полюбившийся финнам «Сампо» и «Лебединое озеро» в классической постановке.

Финский драматический театр в 1960-е гг. находился на творческом подъеме, отличался разнообразным репертуаром и работал на финском языке. В гастрольные поездки по Финляндии всегда отправлялся состав заслуженных и народных артистов Финского драматического театра: Е. С. Томберг, Д. К. Карпова, Т. И. Ланкинен, В. Э. Суни, Ю. Я. Хумппи и др. В отчете карельского отделения общества «СССР-Финляндия» для заместителя председателя Совета Министров КАССР отмечено, что коллектив национального театра пользовался наибольшей популярностью у зрителей Финляндии [НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 12. Л. 4]. На него партийно-государственное руководство Карелии возлагало наибольшие надежды в осуществлении пропаганды советской политической и общественной системы. Так, в Финляндии стали выражать обеспокоенность относительно национальной политики в СССР, когда в 1956 г. Карело-Финская союзная республика стала автономной республикой в составе РСФСР, численность русскоязычного населения Карелии стремительно увеличивалась, а функции финского языка в крае сокращались. Демонстрация успешной работы финноязычного театра в Карелии должна была убедить финнов в поддержке финно-угорской культуры в республике. По оценкам заместителя министра культуры КАССР И. Миеттинена, активная гастрольная деятельность Финского драматического театра нанесла «значительный удар по предрассудкам и проповедям правых кругов» [НА РК. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 110. Л. 78].

В 1965 г. после переписки, длившейся несколько месяцев, по просьбе Центра культурной работы при ЦК КПФ удалось согласовать с партийными инстанциями и министерствами культуры РСФСР и КАССР осенние гастроли Финского драматического театра по городам Хельсинки, Пиетарсаари, Ювяскеля, Турку, Варкаус, Лахти. Включение в репертуар гастролей острой и насыщенной политическим и социальным контекстом пьесы М.-А. Нексе «Люди с Дангора», а также спектакля «Все остается людям» по пьесе А. Алешина, доказывает стремление не только познакомить жителей Финляндии с лучшими постановками театров Карелии, но и решить задачу демонстрации достижений советской власти. Для того, чтобы расширить охват населения Финляндии, была записана и показана по финляндскому телевидению телеверсия спектакля «Люди с Дангора» [НА РК. Ф. П-3. Оп. 9. Д. 59. Л. 37]. В нем можно было увидеть межклассовую борьбу и стремление пролетариата защитить свои права, но артисты из Карелии стремились показать еще и личные трагедии героев.

В 1966 г. по приглашению финляндской стороны Финский драматический театр снова выехал на гастроли. Они были приурочены карельским отделением общества «СССР-Финляндия» к ежегодному месячнику дружбы между государствами. Артисты Карелии работали в Варкаусе, Темпере, Рованиemi, Оулу, Хювинкяя. Отчет о гастролях руководителя советской делегации замминистра культуры КАССР И. Миеттинена позволяет представить размах мероприятия. Постановки «Васса Железнова» (М. Горький), «Бабье лето» (М. Лассила) и «Белая болезнь» (К. Чапека) посетило 5,5 тыс. финнов [НА РК. Ф. П-3. Оп. 17. Д. 107. Л. 80]. Антивоенный спектакль «Белая болезнь» с попыткой осмысления причин и ответственности за развязывание Второй мировой войны показали по телевидению Финляндии [НА РК. Ф. П-3. Оп. 17. Д. 66. Л. 66].

Советская творческая интеллигенция помимо профессиональных обязанностей выполняла представительские и идеологические задачи. Находясь на гастролях в Финляндии, деятели культуры Карелии должны были давать интервью местным средствам массовой информации. Во время гастролей Финского драматического театра в 1965 и 1966 гг. его режиссер Т. Хайми выступал на телевидении, а замминистра культуры КАССР И. Миеттинен – на радио [НА РК. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 110. Л. 79]. Сами гастроли всегда широко освещались в разных по политической ориентации финляндских СМИ. Вырезки из газет Финляндии, переводы цитат из них представлены в фонде Карельского обкома КПСС в отчетах о поездках руководителей делегаций, в информациях для ЦК КПСС, Министерства культуры СССР. Пресса, даже если придерживалась правых позиций, как правило, высоко оценивала качество выступления артистов Карелии. Публикации в газетах отмечали не только актерское мастерство артистов Карелии, но и их «очень хороший финский язык». По мнению фин-

ляндских корреспондентов, это доказывало широкую заботу советского руководства о сохранении финноязычной культуры в Карелии [НА РК. Ф. П-3. Оп. 17. Д. 107. Л. 82].

Между тем контролировать содержание публикаций в средствах массовой информации Финляндии, а тем более влиять на него, было невозможно. По этим причинам партийное руководство Карелии приступило к активному формированию общественного мнения на территории Финляндии. Газета "Neuvosto-Karjala" («Советская Карелия») содержала оригинальные и переводные материалы об успехах развития советского государства. Отчеты секретаря Карельского обкома КПСС И. Сенькина в ЦК КПСС свидетельствуют о том, что тираж "Neuvosto-Karjala" три раза в неделю направлялся в Финляндию [НА РК. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 82. Л. 11]. Таким образом, по оценкам партийных работников, в начале 1960-х гг. финны помимо «односторонних публикаций «Кансан Уутисет» получили советский канал информации о положении дел в Карелии и СССР [НА РК. Ф. П-3. Оп. 14. Д. 100. Л. 3].

В формировании у финляндского населения позитивного имиджа СССР через представление об успехах в развитии Карелии внес большой вклад журналист О. Хелин. В 1960-е гг. он несколько раз приезжал в республику. Переписка партийных и советских органов Карелии по вопросам согласования работы О. Хелина в республике, отчеты в ЦК КПСС о содержании материалов, снятых в Карелии и показанных в Финляндии, представлены в фонде Карельского обкома КПСС. Итогом его работы стали документальный фильм «Полчаса в Петрозаводске», показанный по финляндскому телевидению в ноябре 1964 г., несколько развернутых идеологически выгодных для советской стороны репортажей и очерков в газете «Аянкуват», серия публикаций в финляндской прессе фоторепортажей об экономических успехах и производстве в Карелии [НА РК. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 82. Л. 24].

Усилия партийных и творческих работников Карелии увенчались успехом. Жители Финляндии заинтересовались советской Карелией, жизнью ее населения, развитием производства и культуры [Шорохова 2019, 54-55]. К концу 1960-х гг. возросло количество финских туристов, посетивших республику. Благодаря тому, что творческие работники по возвращении домой в обязательном порядке должны были через средства массовой информации проинформировать соотечественников о поездке, поделиться впечатлениями от увиденного в Финляндии, население Карелии стало воспринимать финнов как дружественный народ. В республике чаще стали проходить гастроли финляндских артистов (ансамбль песни и танца «Кийкуруит», народные театры гг. Ювяскюля и Пиетарсаари, хоры гг. Турку, Куопио, Хельсинки и др.), выставки художников, показы финляндских кинофильмов [Вавулинская 2018]. Проявившийся взаимный интерес в области искусства и творчества позволяет говорить о том, что в 1960-е гг. развивался межкультурный диалог Карелии и Финляндии. Он стал во многом результатом советской политики, которая изначально предусматривала преимущественно исходящее одностороннее пропагандистское влияние.

При всех очевидных успехах по популяризации культуры КАССР в Финляндии к концу 1960-х гг. в осуществлении творческой интеллигенцией Карелии идеологической работы в соседнем государстве стали нарастать проблемы. Отчасти это может быть объяснено некоторым снижением партийно-государственного контроля над деятельностью творческих коллективов в СССР и гуманизацией общественно-политической обстановки в Советском Союзе. В силу обозначившихся в рассматриваемый период социально-экономических трудностей и противоречий стало сложнее показывать достижения социализма, не такими бесспорными представлялись его идеологические и ценностные установки. Это хорошо видно на гастрольном репертуаре театров Карелии. В нем, несмотря на настоятельные рекомендации обкома партии, не были представлены пьесы о современном развитии советского общества, его успехах и преодолении трудностей. В тех постановках, которые все же ставили социальные, общественные и политические вопросы, акцент переносился на внутреннюю борьбу и нравственные искания героев (спектакль «Все остается людям»). Так, и стихи Т. Сумманена о природе, любви и о поколении детей войны, потерявших отцов на ее фронтах, были понятны людям разных идеологических взглядов. Думается, что финны «считывали», скорее, гуманитарный, а не пропагандистский контекст произведений культуры Карелии.

К концу 1960-х гг. в идеологической работе на территории Финляндии все чаще стали возникать финансовые трудности. Найти в источниках информацию о том объеме средств, который тратился на представление культуры Карелии на территории Финляндии в рассматриваемый период времени, а также установить источники финансирования этой деятельности довольно трудно. Зачастую оплата расходов предполагала совместное участие многочисленных организаций, в том числе и профсоюзных, а также органов власти разного уровня подчинения. Между тем можно с уверенностью сказать, что во второй половине 1960-х гг. при признании важности идеологической работы де-

ателей культуры и искусства Карелии на территории Финляндии власти края старались минимизировать свое финансовое участие в этом процессе. Так, председатель карельского отделения общества «СССР–Финляндия» А. Н. Тимонен обращал внимание карельского обкома и Совета Министров КАССР на то, что в республике «сложилась практика» оплаты расходов по проведению идеологической работы на территории Финляндии коллективными членами общества. В обращении А. Н. Тимонена напрямую не сказано, но из его контекста можно сделать вывод о том, что коллективные члены не стремились оплачивать эту статью расходов карельского отделения общества «СССР–Финляндия». Председателю приходилось за счет личных средств покупать подарки и сувениры представителям финляндской общественности и творческой интеллигенции, нести финансовые расходы по приему и размещению у себя дома коллег-писателей и членов общества «Финляндия–СССР» [НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 13. Л. 5; Д. 22. Л. 3].

В свете сказанного нельзя не отметить открывшиеся новые возможности по привлечению Финляндии к софинансированию мероприятий по представлению культуры и искусства Карелии. Для этого во второй половине 1960-х гг. стали активно использоваться побратимские связи Петрозаводска и Варкауса. Так, в 1967 г. удалось за счет финляндской стороны провести в Варкаусе фотовыставку «КАССР за 50 лет», прочитать на финском языке лекцию о достижениях СССР и Карелии в области экономики и культурного строительства [НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 15. Л. 3, 4, 6]. В 1966 г. во время гастролей Финского драматического театра принимающая сторона взяла на себя расходы по питанию, проживанию и передвижению участников советской делегации, а Центр культурной работы при ЦК КПФ ежедневно выдавал каждому участнику по 8 марок на карманные расходы [НА РК. Ф. П-3. Оп. 17. Д. 107. Л. 80].

К концу 1960-х гг. интерес финнов к культуре Карелии был довольно высок, поэтому муниципалитеты и компартия Финляндии изыскивали финансовые возможности для оплаты расходов или их части на гастроли творческой интеллигенции Карелии [Mikkonen 2020б]. Тем более, что «наступательная пропаганда» в литературе и театральном искусстве республики стала ослабевать, уступая место общечеловеческим ценностям, а культурный досуг малонаселенных глубинок Финляндии был ограничен и довольно однообразен.

Примером провала идеологической работы с писателями Финляндии может служить международный семинар писателей в г. Лахти в 1963 г. Финляндские литераторы обратили внимание на то, что СССР стал плохо финансировать просоветские публикации и классово заостренные произведения. При этом довольно много авторов Финляндии изъявило желание писать для коммунистов за хорошие деньги все, что им нужно. На ослабление внимания к финляндской литературе обратил внимание А. Н. Тимонен. Он отметил, что признанные советские литераторы избегают работать с писателями-финнами. Так, супруги-поэты А. Ваммелвуо и Я. Пеннанен, прожив три года в Москве, получая «моральную и материальную поддержку», вернулись в Финляндию и «стали писать антисоветские вещи» [НА РК. Ф. П-3. Оп. 14. Д. 139. Л. 7-8].

Секретарь карельского обкома И. Сенькин обращал внимание ЦК КПСС на проблемы, возникшие в КАССР в связи с изданием книг на финском языке. Издательства Карелии несли большие убытки (до 1 млн рублей в год) из-за того, что заказчики «Международная книга» и Госиздат КАССР полностью не выкупали заказанный тираж. На базах скопилось много изданий на финском языке [НА РК. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 62. Л. 26-27]. Партийное руководство Карелии беспокоило то, что молодежь Финляндии, проявляя равнодушие к политизированным произведениям, представляла собой в целом политически индифферентное поколение.

Конец 1940-х – 1950-е гг. стали важным этапом в налаживании советско-финляндских отношений, завершив длительный период политической и военной конфронтации между государствами. После определения долгосрочных перспектив дружественных отношений между СССР и Финляндией в начале 1960-х гг. начался процесс закрепления последней в орбите советской политики. Важную роль в этом сыграла культура Карелии. Этническое происхождение народов Финляндии и КАССР, их общий историко-культурный опыт позволили использовать культуру края для формирования позитивного имиджа Советского Союза, преодоления представления о нем как о враге Финляндии. В 1960-е гг. советские литераторы, актеры, журналисты активно работали в соседнем государстве с целью пробуждения средствами культуры у финляндской общественности интереса к достижениям советской власти, пропаганды социалистических ценностей. Способы и методы, выбранные для достижения целей, были идентичны тем, которые использовались в СССР. Анализ направлений и результатов работы творческой интеллигенции Карелии в Финляндии позволяет сделать вывод о том, что уже к

концу 1960-х гг. цели пропаганды советской идеологии на территории Финляндии достигнуты не были. Нарастание финансовых трудностей, социально-экономических противоречий и «потепление» режима в СССР привели к тому, что показывать только достижения советской власти и скрывать недостатки советской действительности стало затруднительно. Увеличившийся поток туристов в КАССР, личные и семейные контакты жителей Карелии и Финляндии разбивали иллюзию «выборочной реальности» социализма, создаваемую средствами массовой информации и произведениями литературы и искусства. Уже с середины 1960-х гг. репертуар театральных постановок и тематика литературных произведений, только обрамленных идеологической пропагандой, поднимали проблемы общечеловеческих ценностей: любви, предательства, долга, ответственности перед собой и поколениями. Благодаря работе творческой интеллигенции Карелии, а также ее умению обойти сложные аспекты советско-финляндского прошлого, сделав акцент на объединяющих началах культуры, удалось достичь главного – преодолеть в сознании жителей Суоми представления об СССР как о враге и сформировать в целом позитивный имидж Советского Союза. К концу 1960-х гг. был сформирован устойчивый интерес финнов к театральному искусству и литературе Карелии. Он выразился в расширении спроса на гастроли театральных коллективов Карелии, встречи и интервью с творческой интеллигенцией края. Заинтересованность финнов именно в области культурного взаимодействия с СССР видна в софинансировании культурных мероприятий. Политика борьбы с буржуазной идеологией на территории Финляндии привела к тому, что население Карелии также обратило внимание на Суоми, ее культуру и историю. В результате в конце 1960-х гг. сменился дискурс присутствия культуры Карелии в пространстве Финляндии с наступательной пропаганды советской идеологии на межкультурный диалог. Однако только в 1970-е гг. удалось увеличить количество и качество присутствия культуры Финляндии на территории СССР и Карелии.

ЛИТЕРАТУРА

- Вавулинская Л. И.* Межкультурная коммуникация в диалоге Карелии и Финляндии в 1950-1970-е гг. // Альманах североамериканских и балтийских исследований. 2018. № 3. С. 228-249.
- Вихавайнен Т.* Из «русся» в «советикусь» – из «советикусов» в русские. Революция представления соседей // Россия и Финляндия в многополярном мире: 1809–2009: материалы международной российско-финляндской научной конференции (19–22 ноября 2009 г.). Петрозаводск, 2009. С. 305–320.
- Казарян А. Р.* «Линия Кекконена» в истории советско-финляндских отношений // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 1 (167). С. 71-74.
- Костина Н. Ю.* Межкультурная коммуникация: к истории изучения проблемы // Профессиональное образование и общество. 2014. № 1 (9). С. 33–36.
- Красильникова О. С.* Межкультурная коммуникация и диалог культур как метод познания чужой культуры // Система ценностей современного общества. 2015. № 40. С. 90–94.
- Национальный архив Республики Карелия (далее - НА РК). Ф. П-3. Оп. 9. Д. 59.
- НА РК. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 62.
- НА РК. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 64.
- НА РК. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 88.
- НА РК. Ф. П-3. Оп. 13. Д. 119.
- НА РК. Ф. П-3. Оп. 14. Д. 100.
- НА РК. Ф. П-3. Оп. 14. Д. 139.
- НА РК. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 89.
- НА РК. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 110.
- НА РК. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 82.
- НА РК. Ф. П-3. Оп. 17. Д. 107.
- НА РК. Ф. П-3. Оп. 17. Д. 66.
- НА РК. Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 10.
- НА РК. Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 11.
- НА РК. Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 18.
- НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/58.
- НА РК. Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 51/329.
- НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 1 /2.
- НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 5.
- НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 12.

НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 13.

НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 15.

НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 17.

НА РК. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 18.

Погодин С. Н., Матвеевская А. С. Представление о Финляндии в СССР (культурологический аспект) // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2015. Вып. 3. С. 112-118.

Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Образ Финляндии в советской прессе «хрущевского десятилетия» // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: сб. ст. / Под ред. А. Н. Цамутали и др. Великий Новгород, 2004. С. 340-358.

Сапрыкина Ю. С., Чернышов Ю. Г. Образ СССР в Финляндии в период «добрососедства и сотрудничества» // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2014. № 11. С. 61-63.

Шорохова И. В. А. Н. Тимонен: от советской культурной дипломатии к межкультурному диалогу Карелии и Финляндии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 1. С. 54-61.

Шорохова И. В. Декада карельского искусства и литературы в Москве 1959 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2017. № 7 (168). С. 22-30.

Шорохова И. В. Организация иностранного туризма в Карелии в 1960-е гг. // Манускрипт. 2019. Т.12. Вып.8. С. 54-55.

Шорохова И. В. Участие артистов Карелии в VIII всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки в 1962 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2018. №5 (174). С. 70-76.

Gould-Davies N. The Logic of Soviet Cultural Diplomacy // Diplomatic History. Vol. 27. 2003. Is. 2. P. 193-214.

Koivunen P. The World Youth Festival as a Soviet Cultural Product during the Cold War. In Quaestio Rossica. Vol. 8. 2020. Is. 5. P. 1612-1628.

Koivunen P. "A Dream Come True. Finns Visiting the Lands of Socialism at the World Youth Festivals in the 1940s and 1950s" // Twentieth Century Communism, Is. 4, 2012. P.133-158.

Mikkonen S. Interference or friendly gestures? Soviet cultural diplomacy and Finnish elections, 1945-56 // Cold War History. Vol. 20. Is. 3. 2020a. P.1-17.

Mikkonen S. The role of Finnish leftists in Soviet-Finnish artistic exchanges during the late socialist period. // Scandinavian Journal of History, Vol. 45(4). 2020b. P. 527-546.

Поступила в редакцию 18.08.2022

Ирина Викторовна Шорохова

кандидат исторических наук доцент

доцент кафедры отечественной истории

Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводского государственного университета

Петрозаводский государственный университет,

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, просп. Ленина, д. 33

ivikshor@yandex.ru

I.V. Shorokhova

FROM OFFENSIVE PROPAGANDA TO INTERCULTURAL DIALOGUE:

CULTURE OF KARELIA IN THE FINNISH INFORMATION SPACE IN THE 1960s

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-134-145

Karelia became a border region in 1917. It was constantly influenced by the foreign policy factor in its development. This factor determined the national-state status of Karelia as part of the Soviet state and the functions of Karelia in relations between the USSR and Finland in the XX century. The article examines the USSR's desire to achieve three goals in the 1960s. The first is to form a positive image of the Soviet Union among the Finnish population. The second is to popularize the ideology and Soviet values in Suomi. The third is to overcome the Finns' idea of the Soviet Union as an enemy of Finland. In the conditions of the Cold War, the common cultural and historical past of the peoples of Finland and Karelia and the culture of the KASSR were used to implement the tasks set. Literature, theatrical art of Karelia, mass media, public lectures and personal contacts of the creative intelligentsia of the KASSR with Finnish colleagues

became the main directions of Soviet offensive propaganda on the territory of Finland. Meanwhile, in the conditions of the softening of the Soviet regime, the themes of performances and literary works did not carry an obvious ideological context. The growing socio-economic contradictions in the development of the USSR did not allow us to demonstrate exclusively the achievements of Soviet reality in the 1960s. The illusions of «selective reality» were broken because of visits to Karelia by Finnish tourists and independent personal and family contacts of residents of the KASSR and Finland. However, the expansion of contacts between Karelia and Finland in the field of culture led to an increase in the mutual interest of their population in each other in the 1960s. Culture became the basis for a change in the consciousness of the Finnish and Soviet population. There was a mutual transformation of the image of the enemy into the image of a good neighbor. This made it possible to start an active intercultural dialogue between Karelia and Finland in the subsequent period.

Keywords: cold war, enemy image, ideological propaganda, intercultural dialogue, Karelia, Soviet-Finnish relation.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 1, pp. 134-145. In Russian.

REFERENCES:

Kazaryan A. R. «Liniya Kekkonena» v istorii sovetsko-finlyandskix otnoshenij. ["Kekkonen Line" in the history of Soviet-Finnish relations] *Nauchno-texnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politexnicheskogo universiteta. Gumanitarny'e i obshchestvenny'e nauki* [Scientific and technical statements of the St. Petersburg State Polytechnic University Humanities and social sciences]. 2013. 1 (167). P. 71–74. In Russian.

Kostina N. Yu. Mezhhkul' turnaya kommunikaciya: k istorii izucheniya problem [Intercultural communication: on the history of the study of the problem] *Professional'noe obrazovanie i obshchestvo* [Vocational education and society]. 2014. No. 1 (9). P. 33–36. In Russian.

Krasilnikova O. S. Mezhhkul' turnaya kommunikaciya i dialog kul'tur kak metod poznaniya chuzhoj kul'tury [Intercultural communication and dialogue of cultures as a method of understanding foreign culture]. *Sistema cennostej sovremennogo obshchestva* [System of values of modern society]. 2015. 40. P. 90-94. In Russian.

National Archives of the Republic of Karelia (NA RK). F. II-3. Op. 9. D. 59.

NA RK. F. II-3. Op. 10. D. 62.

NA RK. F. II-3. Op. 10. D. 64.

NA RK. F. II-3. Op. 11. D. 88.

NA RK. F. II-3. Op. 13. D. 119.

NA RK. F. II-3. Op. 14. D. 100.

NA RK. F. II-3. Op. 14. D. 139.

NA RK. F. II-3. Op. 15. D. 89.

NA RK. F. II-3. Op. 16. D. 110.

NA RK. F. II-3. Op. 16. D. 82.

NA RK. F. II-3. Op. 17. D. 107.

NA RK. F. II-3. Op. 17. D. 66.

NA RK. F. P-1075. Op. 1. D. 10.

NA RK. F. P-1075. Op. 1. D. 11.

NA RK. F. P-1075. Op. 1. D. 18.

NA RK. F. P-1627. Op. 3. D. 5/58.

NA RK. F. P-3017. Op. 1. D. 51/329.

NA RK. F. P-3141. Op. 1. D. 1 /2.

NA RK. F. P-3141. Op. 1. D. 5.

NA RK. F. P-3141. Op. 1. D. 12.

NA RK. F. P-3141. Op. 1. D. 13.

NA RK. F. P-3141. Op. 1. D. 15.

NA RK. F. P-3141. Op. 1. D. 17.

NA RK. F. P-3141. Op. 1. D. 18.

Pogodin S. N., Matveevskaya A. S. Predstavlenie o Finlyandii v SSSR (kul'turologicheskij aspekt). [The idea of Finland in the USSR (culturological aspect)] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg State University]. No. 17. Vol. 3. P. 112-118. In Russian.

Rupasov A. I., Chistikov A. N. Obraz Finlyandii v sovetskoj presse «xrushhevskogo desyatiletija» [The image of Finland in the Soviet press of the “Khrushchev decade”] *Mnogolikaya Finlyandiya. Obraz Finlyandii i finnov v Rossii* [The many faces of Finland. Image of Finland and Finns in Russia]. Novgorod, 2004. P. 340–358. In Russian.

Saprykina Yu. S., Chernyshov, Yu. G. Образ СССР в Финляндии в период «добрососедства и сотрудничества» [The image of the USSR in Finland during the period of “good neighborliness and cooperation”] *Trudy molodykh uchenykh Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [Works of young scientists of the Altai State University], 2014. No. 11. P. 61–63. In Russian.

Shorokhova I. V. A. N. Timonen: ot sovetskoj kul'turnoj diplomatii k mezhkul'turnomu dialogu karelii i Finlyandii [A. N. Timonen: from soviet cultural diplomacy to the intercultural dialogue of Karelia and Finland]. *Ucheny'e zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2023. No. 1. P. 54-61. In Russian.

Shorokhova I. V. Dekada karel'skogo iskusstva i literatury v Moskve 1959 goda [Decade of Karelian Art and Literature in Moscow, 1959]. 2017. *Ucheny'e zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. No. 7 (168). P. 22-30. In Russian.

Shorokhova I. V. Uchastie artistov Karelii v VIII Vsemirnom festivale molodezhi i studentov v Xel'sinki v 1962 godu [Participation of artists of Karelia in the VIII World Festival of Youth and Students in Helsinki in 1962] *Ucheny'e zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2018. No. 5 (174). pp. 70–76. In Russian.

Shorokhova I. V. Organizaciya inostrannogo turizma v Karelii v 1960-e gg. [Organization of foreign tourism in Karelia in the 1960s.] *Manuskript* [Manuscript], 2019. No. 12. Is. 8. P. 53–60. In Russian.

Vavulinskaya L. I. Mezhhkul'turnaya kommunikaciya v dialoge Karelii i Finlyandii v 1950-1970-e gg. [Intercultural communication in the dialogue between Karelia and Finland in the 1950s-1970s.]. *Al'manax severoevropejskix i baltijskix issledovanij* [Almanac of Northern European and Baltic Studies], 2018. No. 3. P. 228-249. In Russian.

Vihavainen T. Iz «ryussya» v «sovetikusy» - iz «sovetikusov» v russkie. Revolyuciya predstavleniya sosedej. [From "Russ" to "Sovieticus" - from "Sovieticus" to Russian. Neighbor Representation Revolution] *Rossiya i Finlyandiya v mnogopolyarnom mire: 1809–2009: materialy mezhdunarodnoj rossijsko-finlyandskoj nauchnoj konferencii (19–22 noyabrya 2009 g.)* [Russia and Finland in a Multipolar World: 1809–2009: Proceedings of the International Russian-Finnish Scientific Conference (November 19–22, 2009)]. Petrozavodsk, 2009. P. 305–320. In Russian.

Gould-Davies N. The Logic of Soviet Cultural Diplomacy. *Diplomatic History*. Vol. 27. Is. 2. 2003. P. 193–214. DOI 10.1111/1467-7709.00347.

Koivunen P. “A Dream Come True. Finns Visiting the Lands of Socialism at the World Youth Festivals in the 1940s and 1950s”. *Twentieth Century Communism*. Is. 4. 2012. P. 133-158.

Koivunen P. The World Youth Festival as a Soviet Cultural Product during the Cold War. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8. Is. 5. 2020. P. 1612–1628. DOI 10.15826/qr.2020.5.548.

Mikkonen S. Interference or friendly gestures? Soviet cultural diplomacy and Finnish elections, 1945–56. *Cold War History*. Vol. 20. Is. 3. 2020a. P. 1-17. DOI 10.1080/14682745.2019.1686613

Mikkonen, S. The role of Finnish leftists in Soviet-Finnish artistic exchanges during the late socialist period. *Scandinavian Journal of History*. Vol. 45(4). 2020b. P. 527-546. DOI 10.1080/03468755.2019.1632738

Received 18.08.2022

Irina Viktorovna Shorokhova

PhD in History

Petrozavodsk State University, Institute of History, Political and Social Science,

Chair of Russian history

185910, Republic of Karelia, Petrozavodsk, prosp. Lenina, 33

Рецензии

УДК 39(=511.131)(049.32)

Е. С. Данилко

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УДМУРТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Рец. на двухтомник: Современная удмуртская культура / Сост.: Ева Тулуз, Елена Попова, Николай Анисимов. Т. 1. Таллин: Издательство Таллиннского университета, 2020. 403 с.; Т. 2. Таллин: Издательство Таллиннского университета, 2021. 488 с.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-146-148

Двухтомник, посвященный современной удмуртской культуре и изданный в 2020–2021 гг. Таллинским университетом, стал результатом длительного научного сотрудничества разных этнографических школ – российской и эстонской. У двух объемных томов три редактора-составителя: Ева Тулуз, Елена Попова и Николай Анисимов, и большой международный коллектив авторов, среди которых как уже маститые, так и начинающие ученые.

Наличие в названии томов слова «культура» подразумевает широкое и одновременно хорошо исследованное предшественниками тематическое поле. Круг поднятых вопросов действительно широк: от обрядности и фольклора до литературы и новых медиа. Однако основной акцент составители сделали на современности, предопределив таким образом, и особое место этих томов в ряду подобных работ, и новизну использованных в них подходов. Все статьи написаны на основе материалов, собранных авторами в последнее десятилетие, и описывают жизнь, разворачивающуюся на их глазах, текущую, изменчивую и ускользающую. Анализ такой повседневности требует, при всем уважении к опыту предшественников, выработки нового языка, новых подходов, новых тем, свежего взгляда на привычное. Это не означает, что история игнорируется или ее значимость умалется, но «логика здесь, – как написано во Введении, – работает наизнанку: история интересна не *per se*, а важна как контекстуальный элемент, позволяющий максимально правильно и глубоко объяснить современность» [Современная удмуртская культура, 2020, 10]. Отсюда и диалогичность даже полифоничность, в описании материалов, явное присутствие живых голосов людей, с которыми взаимодействовали исследователи, постоянная общительность и направленность к ним, как к основной аудитории. Бережный этический подход к культуре и стал основным аргументом при выборе языка издания – русского, как языка понятного прежде всего информантам.

Заданная хронологическая узость не ограничила ни географические, ни, как уже было сказано, тематические рамки исследований. Различные проявления современной удмуртской культуры рассматриваются авторами на территории Удмуртской Республики и в региональных анклавах (соседние Татарстан, Башкортостан, Пермский край).

В структуре томов нет деления на главы или части, однако статьи сгруппированы в условные тематические блоки. В первом томе (2020 г.) значительное место отведено обрядности и праздничной культуре, активно изменяющимся в последние годы под давлением глобализации. Сначала рассматривается наиболее консервативная составляющая обрядовой традиции удмуртов – семейные поминки (Н. Анисимов), затем следует серия статей о коллективных ритуалах: обряде встречи весны Айкай (И. Нуриева), появление новшеств в котором оказалось спровоцировано возрождением народных молений, о принявшем общереспубликанский размах празднике Гербер (Н. Шутова), о Сабантуе у закамских удмуртов, своеобразии которого определилось иноэтничным влиянием (Р. Садилов).

Ряд авторов анализирует, как в современные реалии возвращаются явления, казалось, навсегда утраченные, но ставшие вновь актуальными для поддержания социальных связей. Это может отражать некоторое смещение гендерных и возрастных ролей. Так, посиделки *пукон корка*, организовываемые раньше молодыми женщинами, стали пространством общения старшего поколения (В. Болдырева, Т. Владыкина). В то время как молодежь реагирует на изменения форм коммуникации, выстраивая ситуативные модели поведения (Т. Русских).

Большинство исследователей использует полевые материалы, но активно обращается и к другим источникам, например, семейным фотоальбомам (М. Сухова) и междисциплинарным подходам, в частности, антропоэстетике (Д. Касимова).

Отдельное место в первом томе занимают любопытные сюжеты, связанные с системой питания удмуртов. На примере использования грибов и дикоросов мы видим, как традиционный опыт и практики поддерживают современную систему жизнеобеспечения удмуртского села (Н. Сунцова), другое исследование обнаруживает интерес к этническому в городской среде через модные гастрономические фестивали (Е. Попова). И в завершение интересно понаблюдать как формируется так называемая новая сельскость [Мельникова 2020, 9–10], включающая использование этничности как туристического ресурса (Т. Власова, К. Обухов).

Два тома о современной удмуртской культуре вышли друг за другом, в 2020 и 2021 гг., и, сравнивая их содержание, мы видим, насколько динамичной может быть эта современность, насколько ситуативным оказывается происходящее здесь и сейчас. В условиях пандемии изменилось все, и жизнь изучаемого сообщества, и антропологическое поле. В живую реальность вторглась реальность виртуальная, социальные связи переместились в интернет, как и исследовательские интервью. Если в первом томе большая часть материалов опиралась на устное слово, то во втором – на письменное, опубликованное, выложенное в сеть.

Начинается второй том с ряда статей о современной удмуртской литературе – женской лирике (В. Пантелеева, Л. Федорова, С. Арекеева), феномене наивной словесности (Л. Дмитриева), сетевой литературе (М. Векшина). Заданная тематическая линия логично продолжается анализом бытования удмуртского языка в интернет-блогах (К. Пишлэгер). Является ли интернет местом сохранения языка или его искажения, индикатором изменений или роста популярности? На эти вопросы нет и не может быть однозначных ответов.

Две следующие статьи посвящены разнообразию песенно-музыкальной традиции, ее устойчивости и одновременно пластичности в сельской среде (И. Пчеловодова) и новых жанрах в молодежной популярной музыке (Б. Анфиногенов).

Центральное место во втором томе занимают работы о религиозной жизни удмуртов. В предисловиях к томам редакторы отмечали недостаточность исследований в этой области, но не потому, что их мало, а потому что сама тема невероятно сложна и многогранна, в ней множество оттенков и едва уловимых нюансов, нуждающихся в осмыслении. И как любая другая составляющая удмуртской культуры она постоянно меняется. Поэтому блок закономерно начинается с описания изменений, связанных с пандемией, о том, как это отразилось на организации и проведении коллективных моделей, как, переместившись в частную сферу, религиозность нашла выход в публичное пространство через социальные сети (Н. Анисимов). В следующей статье систематизируются многолетние авторские наблюдения за вариативностью и строгостью сакрального у закамских удмуртов (Е. Тулуз), а дополняет их подробное описание религиозных практик у удмуртов Пермского края (А. Черных). Религиозная картина мира удмуртов была бы далеко неполной без обращения к опыту православных общин, многочисленных, но до сих пор недостаточно изученных. В сборнике рассмотрен один из аспектов проблемы, а именно – перевод книг Священного Писания на удмуртский язык (Г. Шушакова, Е. Булычева).

Обращаясь к культуре любого этнического сообщества, невозможно обойти проблему идентичности, не поговорить о разнообразии ее проявлений и способов группового самовыражения. Здесь эти вопросы анализируются на конкретных примерах общественного активизма (Ю. Перевозчиков, В. Степанов), женского марафона «Инстаудмурточки» (С. Русских), изобразительного искусства (Е. Ковычева).

Завершающий блок включает две работы о материальной культуре. Эта тематика, занимавшая важное место в советской удмуртской этнографии, в настоящее время отошла на второй план. Между тем современная «материальность» – явление весьма любопытное, значительно определяемое не только тенденциями к унификации, но и множеством других форм. Поэтому представленные в томе статьи об обезличивании облика удмуртских поселений (Ю. Перевозчиков) и о преобразовании этнических элементов в современном костюме (Е. Попова) органично дополняют друг друга.

Таким образом, двухтомник «Современная удмуртская культура» предоставляет нам интереснейший материал для осмысления, показывает гибкость и устойчивость традиции, и вносит важный вклад в развитие финно-угроведения как актуального гуманитарного направления. Нам остается лишь приветствовать авторский коллектив, благодарить редакторов за их труд и ждать продолжения.

ЛИТЕРАТУРА

Современная удмуртская культура / Сост.: Ева Тулуз, Елена Попова, Николай Анисимов. Т. 1. Таллин: Издательство Таллиннского университета, 2020. 403 с.

Мельникова Е. А. Деревня в городских проекциях современных россиян // Этнографическое обозрение. 2020. № 6. С.5–11.

Поступила в редакцию 02.09.2022

Елена Сергеевна Данилко,
доктор исторических наук, главный научный сотрудник,
Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН,
119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32 А,
e-mail: danja9@yandex.ru

E. S. Danilko

MODERN STUDIES OF UDMURT CULTURE

Review for the two-volume: Modern Udmurt culture / Comp.: Eva Toulouse, Elena Popova, Nikolai Anisimov. Vol. 1. Tallinn: Tallinn University Press, 2020. 403 p.; Vol.2. Tallinn: Tallinn University Press, 2021. 488 p.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-146-148

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 1, pp. 146-148. In Russian.

REFERENCES

Sovremennaya udmurtskaya kultura [Modern Udmurt culture] / Comp.: Eva Toulouse, Elena Popova, Nikolai Anisimov. Vol. 1. Tallinn: Izdatelstvo Tallinskogo universiteta [Tallinn University Press], 2020. 403 p.

Melnikova E. A. Derevnya v gorodskih proekziakh sovremennyh rossian [The village in the urban projections of modern Russians] // Etnographicheskoe obosrenie [Ethnographic Review], 2020. № 6. P.5–11.

Received 02.09.2022

Elena Sergeevna Danilko,
Doctor of Historical Sciences,
Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academic of Sciences,
119334, Russia, Moscow, Leninsky prospect, 32 A,
e-mail: danja9@yandex.ru

Юбилей

УДК 929:39(470.51)(045)

Ю. А. Перевозчиков

К ЮБИЛЕЮ Д. И. Н., ПРОФЕССОРА В. Е. ВЛАДЫКИНА

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-149-151

20 марта 2023 г. 80 лет исполняется одному из выдающихся ученых-гуманитариев Удмуртии – этнографу, доктору исторических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Удмуртской Республики, лауреату Государственной премии Удмуртской Республики, Почетному работнику высшей школы Российской Федерации, лауреату премии Правительства России в области культуры, кавалеру ордена Дружбы, почетному гражданину Удмуртской Республики Владимиру Емельяновичу Владыкину.

Жизненный путь В. Е. Владыкина, как и многих представителей научной и творческой интеллигенции советского времени, является типичным примером «обыкновенной биографии в необыкновенное время». Владимир родился в трудном для страны 1943 г. в многодетной семье сельских служащих-специалистов. В 1957 г., окончив 7 классов Кезской школы, В. Е. Владыкин поступил в Можгинское педучилище – своеобразную кузницу кадров удмуртской интеллигенции второй половины XX века, а в 1961 г. – на исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, по окончании которого с красным дипломом был рекомендован в аспирантуру по кафедре этнографии, где его наставниками стали легендарные корифеи отечественной науки о народах – С. А. Токарев, К. И. Козлова, Л. П. Лашук. В 1969 г. В. Е. Владыкин защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Очерки этнической и социально-экономической истории удмуртов (до начала XX в.)». В том же году по распределению он приехал в Ижевск и был зачислен старшим научным сотрудником в Удмуртский научно-исследовательский институт, в 1973 г. по приглашению проректора УдГУ по научной работе профессора В. Е. Майера Владыкин перешел на работу в университет, на кафедру всеобщей истории исторического факультета. Таким образом, в ведущем вузе республики было положено начало регулярному лекционному курсу и полевым экспедициям в рамках «самой интересной науки», как неизменно презентовал на своих занятиях науку о народах ее преподаватель, впоследствии профессор и основатель целой научной школы.

Многолетняя библиография ученого охватывает сотни работ на нескольких языках, в том числе на удмуртском, русском, английском, венгерском, финском, эстонском. Тематика результатов исследований впечатляет неординарностью постановки проблем и широким охватом сюжетов, включающим историографические очерки о своих предшественниках в удмуртоведении, работы по классификации внутренних подразделений удмуртского этноса, неожиданные эскизы об экзотических народах (цыгане, лужичане), энциклопедические статьи по разнообразной этнографической проблематике и многое другое.

Вместе с тем ведущей исследовательской темой для В. Е. Владыкина после защиты кандидатской диссертации стало системное изучение религиозных представлений традиционного удмуртского общества. Причем скрупулезная реконструкция мифологических представлений и становления синкретического религиозного мышления удмуртов проводилась им как в диахронном измерении – с применением новейших достижений методологии исторического познания, так и практически во всеобъемлющем синхронном ракурсе: на территории Удмуртии и во всех современных регионах проживания удмуртской диаспоры – в Татарстане, Башкортостане, Марий Эл; в Кировской, Свердловской, Томской областях; в Пермском и Красноярском краях. Блестящей вершиной разработки этого масштабного исследования стала защита докторской диссертации (1991 г.) и выход в свет монографии «Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов» (1994 г.), ставшей настольной книгой для последующих поколений удмуртских этнографов и фольклористов.

Владимир Емельянович широко известен и как литератор, автор нескольких поэтических книг. Философские строки, наполненные народной и житейской мудростью, художественно излагающие и комментирующие традиционные мифологические сюжеты, уже давно составляют золотой фонд удмуртской национальной литературы, создают для любителей словесности неповторимый, личностно

окрашенный мир удмуртской этнокультуры. Вышедшие в последние годы книги «Монолог в диалогах» и «Диалог продолжается» развивают серию более ранних научно-эссеистских опытов В. Е. Владыкина, демонстрируют глубинный гуманистический смысл размышлений о судьбе народов, роли личности в истории, об этничности и «удмуртскости», «о народах и Человеках» и т.д.

Имя профессора, орденоносца, лауреата всевозможных отечественных и международных премий, Почетного гражданина Удмуртской Республики овеяно легендами на четвертом этаже второго корпуса Удмуртского государственного университета. Традиции «МГУшного» преподавания учебных исторических дисциплин, увлекательные страноведческие экскурсии в ходе лекций и заседаний этнографического кружка «Ойкумена», пресловутый коллоквиум по карте народов мира, впечатляющие экспедиции по укромным уголкам удмуртского мира – все это надолго останется в памяти его многочисленных студентов и учеников.

Еще задолго до открытия в 1993 г. аспирантуры по этнографии на историческом факультете УдГУ его наиболее перспективные в исследовательском отношении выпускники находили собственные пути в науку: А. В. Хренков, окончив аспирантуру в Институте африканистики АН СССР и защитив кандидатскую диссертацию, впоследствии стал дипломатом; Г. А. Никитина после аспирантуры в МГУ защитила кандидатскую и докторскую диссертации по социальному устройству удмуртского общества, много лет руководила научной работой в академическом Удмуртском институте истории, языка и литературы; В. В. Напольских в 1992 году защитил в Институте этнографии АН СССР докторскую диссертацию, посвященную древнейшим этапам истории уральских народов по материалам мифологической реконструкции, в 2011 г. был избран членом-корреспондентом Российской академии наук.

Выпестованной В. Е. Владыкиным когорте аспирантов всегда был присущ широкий диапазон исследовательских тем – от всестороннего изучения культуры коренного народа нашей республики, его ближайших соседей, их общей истории и этнокультурных связей до познания глобальных проблем этничности, распространения национализма и управления этнополитическими процессами. Около 20 кандидатских и докторских диссертаций были успешно защищены под руководством профессора. При его непосредственном участии реализовано несколько десятков научных, государственных и общественных проектов, в том числе признанное уникальным в масштабах России исследование этнополитического развития Удмуртии в первое постсоветское десятилетие – «Феномен Удмуртии».

Закономерно, что большинство этнографов-выпускников профильной кафедры УдГУ успешно адаптируются к послевузовским реалиям. Среди них – талантливые учителя-практики, работники учреждений культуры – музеев и этнокультурных центров, журналисты, бизнесмены. Некоторые из них оказались востребованы в сфере государственного управления, причем двое (А. Е. Загребин и Л. Н. Буранова) были избраны депутатами Государственной Думы России, трое (Л. Н. Буранова, А. А. Шепталин, Ю. А. Перевозчиков) возглавляли в разные годы различные органы государственной власти, входили в состав правительства Удмуртской Республики.

Большинство учеников В. Е. Владыкина не теряют связи ни с университетом, ни с любимой наукой, сочетают свою нынешнюю трудовую деятельность с прикладной этнологией: занимаются общественной и экспертной работой, управляют этно- и социокультурными проектами, популяризируют этнографические знания.

Очевидны заслуги профессора В. Е. Владыкина не только в преумножении и распространении этнокультурного знания, в сфере сохранения и актуализации историко-культурного наследия. За большой вклад в социально-экономическое развитие Удмуртии Указом главы региона в 2008 году Владимиру Емельяновичу Владыкину присвоено звание «Почетный гражданин Удмуртской Республики».

Несмотря на то, что Владимир Емельянович несколько лет назад сложил с себя преподавательские обязанности и сегодня нечасто появляется на публике, он всегда открыт для интеллектуального и дружеского общения с коллегами и учениками. Его личная и научная биография, исследовательские и творческие достижения служат примером беззаветного служения своему делу и своему народу для молодых. Пожелаем юбиляру крепкого здоровья, всегда свойственной ему бодрости духа и «громокипящего кубка» идей, мыслей и вдохновения в делах, в которых мы всегда готовы поддержать своего Учителя!

Поступила в редакцию 20.02.2023

Перевозчиков Юрий Александрович,
кандидат исторических наук, доцент,
ученый секретарь,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
e-mail: gudyri@mail.ru

Yu.A. Perevozchikov

**TO THE ANNIVERSARY OF DOCTOR OF HISTORICAL SCIENCES,
PROFESSOR V. E. VLADYKIN**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-149-151

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 1, pp. 149-151. In Russian.

Received 20.02.2023

Perevozchikov Yuri Aleksandrovich,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Academic Secretary
Udmurt State University,
1, Universitetskaya Str., Izhevsk, 426034, Russian Federation,
e-mail: gudyri@mail.ru

Ф. Я. Хабибуллина, И. Г. Иванова

**ВКЛАД А.Н. КУКЛИНА В РАЗРАБОТКУ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ТОПОНОМАСТИКИ**

Статья посвящена научно-педагогической деятельности доктора филологических наук, профессора Марийского государственного университета Анатолия Николаевича Куклина (23.02.1948–14.05.2016) и его вкладу в разработку и развитие теории лингвистического топонимического пространства регионов России. А. Н. Куклин был одним из выдающихся деятелей науки Республики Марий Эл, ученым – финно-угроведом и просветителем, автором более 400 научных работ в области фонетики, общей лингвистики, ономастики, интерпретации процессов взаимовлияния и взаимообогащения языков Урало-Поволжского историко-этнографического ареала. Основными научными направлениями деятельности ученого являются изыскания в сфере топонимастики, связанные с установлением родственных связей слов в топонимике, объяснением происхождения топонимов и их трансформации, исследованием диалектов марийского языка. А. Н. Куклин являлся членом-корреспондентом Российской Академии Естествознания (2015), Отличником народного просвещения (1991), заслуженным деятелем науки Республики Марий Эл (1998), почетным работником высшего профессионального образования Российской Федерации (2006), заслуженным деятелем науки и образования (2014), основателем научной школы «Марийская ономастология».

Ключевые слова: А.Н. Куклин, топонимика, региональная топонимастика, марийская ономастология, лингвистическое краеведение, марийский язык.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-152-156

Интерес к изучению топонимастики исследователя связан с выбором темы докторской диссертации, обозначенной как «Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ)», оформленной в виде научного доклада (10.02.07 Финно-угорские и самодийские языки), а также монографического исследования (1998г.), выполненного при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (грант №97-04-06388). Монография явилась результатом многочисленных изысканий автора, охватывающих обширный регион Урало-Поволжья, что позволило ему аргументированно провести свои историко-этимологические анализы. В книге А. Н. Куклин определяет хронологическую последовательность формирования топонимических пластов изучаемого региона, устанавливает наиболее типичные модели, семантические типы и ареалы распространения финно-угорских топонимов. В ней анализируются географические названия Волго-Камья на широком фоне уралоязычной, тюркской и славяно-русской топонимии и гидронимии с учетом лингвогеографических и экстралингвистических данных. Автор утверждал, что нельзя рассматривать топонимическую систему Волго-Камья как результат творчества проживающих там народов в настоящее время: этимологическая интерпретация гидронимов этого региона невозможна без диахронных и синхронных сопоставлений, без учета временных и пространственных рамок уральских языков.

В последующих исследованиях А. Н. Куклин рассматривает различные аспекты топонимии: общие проблемы современной топонимастики, проблемы ареалогической топонимии на примере анализа географических названий Урало-Поволжья, проблемы сохранения и стандартизации национальных топонимов на материале марийского языка. Объектом пристального внимания ученого стали географические онимы финно-угорского мира, исследованные в сравнительно-сопоставительном аспекте различных его ареалов: взаимодействие топонимических зон в аспекте исторического опыта и перспектив сотрудничества Башкортостана и Марий Эл, топонимия волжско-финских языков, (фитофорные) ойконимы Марий Эл и Республики Коми в рамках разработки вопросов сопоставительного исследования семантики палеотопонимов Волго-Камья и диахронный анализ истории их формирования. Ученым разработан и использован структурно-системный подход к семантической реконструкции палеотопонимов и палеогидронимов. Анализируя фактор системности в топонимообразовании и характеристике типовых топооснов и формантов, активно участвующих в создании географических названий Урало-

Поволжья, А. Н. Куклин приходит к выводу, что поиск системности-асистемности в топонимии волжско-финских языков, изучение типологии фонетической и грамматической адаптации субстратных тополексем, участвующих в номинации географических объектов, и определение инноваций в способах их проведения представляют определенный интерес как для теоретической топонимологии, так и контрастивной лингвистики и компаративистики. Исследовательская практика неопровержимо свидетельствует и о том, что, фиксируя соответствия сравниваемых лингвогеографических данных языков народов Урало-Поволжья в большей или меньшей степени, можно подготовить топонимические данные к их содержательному истолкованию и теоретическому осмыслению результатов взаимодействия языков и трансформации топонимов в ономастиконе. Наряду с многоплановым анализом географических названий автором затрагиваются спорные вопросы этногенеза и этнической истории народов уральской языковой общности. Их изучение позволило откорректировать отдельные положения по теории этиологии финно-угорских и самодийских народов, критически переосмыслить гипотезу о генетических корнях интерпретируемых слов, имеющих прямое отношение к методологической проблематике этимологии.

Целый ряд работ посвящен построению системы научных приемов анализа реликтовых топонимов, а также типичным недостаткам в применении лингвистических методов при изучении палеогидротопонимов Республики Марий Эл, Исследование ономастики реликтовых географических названий Поволжья в научных изысканиях А. Н. Куклина было проведено при анализе лингвистических основ методов и систем научных приемов интерпретации реликтовых топонимов, определении методологии реконструкции их архетипа, а также применение различных традиций и подходов научных школ в изучении редких топонимов.

В исследовании топонимикона различных регионов основным направлением работ ученого на протяжении всей его научной деятельности оставалось взаимодействие языков Урало-Поволжья и финно-угорских народов, отражающих их палеотопонимию на основе лингвоисторического подхода – топонимическую систему Волго-Камья и Карелии, финно-угров и самодийцев, финно-угорских и тюркских (монгольских и татарского) языков при анализе древнемарийских языковых контактов. Значительная часть работ посвящена субстратной топонимии обозначенного региона и связана с проблемой субстрата в гидронимии Среднего Поволжья, Пермского субстрата в топонимии Республики Марий Эл, топонимической системе Волго-Камья, реконструкции субстратных речных названий Урало-Поволжья, удмуртского субстрата в топонимии РМЭ.

Особое внимание А.Н. Куклин уделял вопросам сохранения и стандартизации национальных топонимов, хронологической и историко-этимологической стратификации марийской топонимии. Им изучены названия физико-географических объектов Марийской АССР, пермские и угорские апеллятивы в составе национальной топонимии, удмуртские элементы в названиях селений республики, уральская гидролексема в марийских топонимах. Исследователь детально изучил как ареальные гидронимиконы (гидронимикон Волго-Камья), так и наименования отдельных гидрообъектов (Уржум энер да Кумыж ер; Юл-Волга / Ыыл – Волга) и их связь с языком и историей народа, проделал историко-лингвистический анализ наименований рек. Автор провел подробную этимологическую интерпретацию апеллятивов: *согра* «тайга, заболоченная низина поросшая лесом», *сopд* и его вариантов со значением «лес», функционирование наименования «лес» в диалектах и именах селений Марий Эл, *шурго* «лиственный лес» в комонимах Республики Марий Эл, фитофорные ойконимы Марий Эл и их семантические типы. Ученым описаны семантико-этимологические характеристики населенных пунктов РМЭ: ойконимов в аспекте культурно-исторического развития народов Среднего Поволжья, годонимов и агоронимов г. Царевококшайска 1584–1918 годов. Представлена лингвоисторическая биография Кокшайска, изучены древние названия улиц Йошкар-Олы, фито- и флористическая лексика в названиях селений Марий Эл («Кушкыл луман ял да моло турло илем-влак»), интерпретировано значение слова Арды («Арде мут мом ончыкта?») и изучены значения связанных с данным комонимом наименования рек.

А. Н. Куклин является достойным продолжателем и коллегой выдающихся марийских топонимистов: И. С. Галкина, Ф. И. Гордеева, В. М. Васильева и др. Высокий научный статус и авторитет ученого среди специалистов по топонимии позволил осуществлять рецензирование монографических и лексикографических изданий: И. С. Галкина; О. П. Воронцовой, Л. П. Васиковой, В. П. Грушиной, Д. В. Цыганкина и др. А. Н. Куклин – востребованный рецензент диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата филологических наук И. И. Муллонен, М. М. Сывороткина, Р. Г. Жамсарановой, В. В. Кузнецова, А. Г. Мусанова, Д. В. Кузьмина, О. Л. Карловой, Е. А. Сундуковой, Н. Ф. Кукушкиной, А. К. Гараевой.

Ведение преподавательской деятельности в МГПИ им. Н. К. Крупской, далее в Марийском государственном университете (2008–2016 гг.), связано с внедрением результатов его научной деятельности в учебный процесс вуза. А. Н. Куклин уделял внимание значению изучения топонимической лексики в учебном процессе, разработал курс «Ономастика Урало-Поволжья» для студентов филологического факультета и предложил ряд методов анализа топонимов в научно-исследовательском пространстве. Он сформулировал ряд конкретных предложений по организации и методике преподавания истории Марий Эл в географических названиях. По мнению ученого, умелое использование материалов лингвистического краеведения в урочной и внеурочной деятельности воспитывает у учащихся любовь и бережное отношение к родному языку, играет существенную роль в комплексном воспитании учащихся, способствует укреплению связи постижения научных основ с окружающей действительностью. Идеи автора нашли воплощение в пособиях для учителей и учащихся общеобразовательных школ, опубликованных на национальном и русском языках: Марий Элын историйже вер-шёр лумлаште: Туныктышо ден тунемше-влаклан пособий: Пособие для учителей и учащихся. – Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 2007. – 128 с.; История Марий Эл в географических названиях. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2010. – 184 с. и др.

А. Н. Куклин не только талантливый лингвист, но и умелый наставник молодых исследователей. Так, под его руководством защищена докторская диссертация А. Л. Пустякова «Названия исчезнувших селений Республики Марий Эл (структурно-семантический и историко-этимологический анализ)», а также подготовлены работы по марийской топонимике «Марий Эл Республикын Волжский районысо йомшо ял лум-влакын семантикышт да этимологийышт», «В.Юксернын сылнымутлаштыже вашлиялтше вер-шёр лум-влакын этимологийыштым шымлымаш», «Я. Элексейнын сылнымутлаштыже духовный да материальный культура дене кылдалтше мут-влакын семантикышт да этимологийышт», «Марий Элын Морко кундемысе Шорунжа селан вер-шёр лумлаже» и др. Результаты научной и учебно-методической работы Анатолия Николаевича актуальны и востребованы современной лингвистикой и образовательной практикой.

О высоком научном уровне исследований лингвиста свидетельствует тот факт, как включение его биографии в Интернет-энциклопедию «Ученые России» и «Известные ученые». А. Н. Куклин являлся членом редколлегии международного научного журнала «Linguistica Uralica» (Tallinn), признанным автором ведущих рецензируемых международных и российских научных журналов: *Linguistica Uralica*, *Fenno-Ugrica*, *Финно-угорский мир*, *Вопросы ономастики*, *Советское финно-угроведение*, *Финно-угроведение*, *Вестник МГПИ им. Н. К. Крупской*, *Вестник Марийского государственного университета*.

СПИСОК ОТДЕЛЬНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ А. Н. КУКЛИНА

1. Марийские топонимы с пермским апеллятивом сорд и его вариантами, обозначающими разновидность леса // VI конференция по ономастике Поволжья: тез. докл. и сообщ. Волгоград, 26-28 сентября 1989 г. Волгоград, 1989. С. 101–102.
2. Этимологическая интерпретация апеллятива согра // Беларуска-руско-польскае супастаўляльнае мовазнаўства: матэрыялы Першай усеаюзнай навуковай канферэнцыі (17-19 ліпеня 1990 г.). Віцебск, 1990. С. 66–71.
3. Уральская гидроексема в топонимии Волго-Камья // Вопросы марийской ономастики: сб. статей / МарНИИ. Йошкар-Ола, 1993. Вып. 8. С. 44–54.
4. К вопросу об этимологизации Волго-Камского гидроформанта -га // *Linguistica Uralica*. 1995. № 2. С. 86–99.
5. Имена йошкар-олинских улиц // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. 1995. № 1. С. 29–41.
6. Имена йошкар-олинских улиц // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. 1995. № 2. С. 53–63.
7. Кокшайск: лингвистическая биография // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. 1995. № 3. С. 40–49.
8. Фитофорные ойконимы Марий Эл и семантические типы (к вопросу «Человек как составная часть экологической системы леса») // Узловые проблемы современного финно-угроведения: материалы I Всероссийской науч. конф. ф.-у. Йошкар-Ола, 14-18 ноября 1994. Йошкар-Ола, 1995. С. 340–343.
9. Марийско-саамские лексические изоглоссы (на материале топонимии Волго-Камского региона) // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Sessiones sectionum. Pars V. Lexicologia & Onomastica*. Jyväskylä, 1996. S. 249–252.

10. Палеотопонимия Волго-Камья и Карелии // Традиционная культура финно-угров и соседних народов. Проблемы комплексного изучения: международный симпозиум, Петрозаводск, 9-12 февраля 1997 г.: тез. докл. / Ин-т ЯЛИ КНЦ РАН. Петрозаводск, 1997. С. 57–59.
11. Йошкар-Оласе урем-влакын тошто лўмышт // Ончыко. 1997. № 9. С. 151–157.
12. Проблема субстрата в гидронимии Среднего Поволжья и пути ее решения // Ономастика Поволжья: тез. докл. международной конф. Волгоград, 8-11 сентября 1998 г. Волгоград: Перемена, 1998. С. 44–46.
13. Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ). Йошкар-Ола: МГПИ им. Н.К. Крупской, 1998. 204 с.
14. Кушкыл лўман ял да моло тўрлў илем-влак // Ончыко. 1998. № 2. С. 170–175.
15. Юл–Волга. Йылме историй дене кылдалтше корныжо // Ончыко. 2000. № 2. С. 155–159.
16. Арде шамак мам анжыкта? Аңгыр лўмбын халык да йблмбй истори доно кблдалтмбйжбй // У сем. 2001. № 1. С. 131–136.
17. Названия селений Республики Марий Эл с апеллятивом шўргў «лиственный лес» // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2001. Вып. 9. С. 69–85.
18. Флористическая лексика в названиях селений Марий Эл // Вопросы марийской ономастики: сб. статей. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2001. Вып. 9. С. 86–105.
19. Марийские фитофорные ойконимы и их удмуртские параллели // Пермистика 5. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2002. С. 147–157.
20. Теоретические проблемы топономастики (типичные недостатки в применении лингвистических методов при изучении палеотопонимов и реликтовых гидронимов Республики Марий Эл) // Актуальные проблемы тюркской и финно-угорской филологии: теория и опыт изучения: материалы Всероссийской науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию докт. филол. наук проф. Арсланова Л. Ш. / Елабужск. гос. пед. ин-т, филол. фак-т. Елабуга, 2002. С. 105–117.
21. Палеотопонимия Урало-Поволжья (структурно-системный подход к семантической реконструкции) // Ономастика и языки Урало-Поволжья: материалы региональной конф. / Чувашский гос. ин-т гуманитарных наук. Чебоксары, 2002. С. 7–9.
22. Уржум энер да Кумыж ер... (Олык Ипайын сылнымут погыштыжо географий лўм-влак) // Ончыко. 2002. № 3. С. 179–183.
23. Типичные недостатки в использовании методов при лингвистической реконструкции топонимов // Проблемы марийской и финно-угорской филологии: межвуз. сб. науч. тр., посвящ. 100-летию со дня рождения академика АН Эстонии докт. филол. наук проф. Пауля Аристэ. Йошкар-Ола, 2005. С. 31–39.
24. Взаимодействие топонимических ареалов // Башкортостан и Марий Эл: исторический опыт и перспективы сотрудничества: колл. монография. Бирск; Йошкар-Ола, 2007. С. 309–318.
25. Финно-угорский мир сквозь призму уральской топонимии // Финно-угорский мир. 2008. № 1. С. 40–47.
26. Дульзоновские традиции в исследовании реликтовых географических названий // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. Вып. 2. С. 55–68.

Поступила в редакцию 20.01.2023

Хабибуллина Флѐра Яхиятовна,
кандидат педагогических наук, доцент
Марийский государственный университет,
424000, Россия, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1
e-mail: khflora@yandex.ru

Иванова Ираида Геннадьевна,
кандидат филологических наук, доцент
Марийский государственный университет,
424000, Россия, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1
e-mail: iraida44@yandex.ru

F. Ya. Khabibullina, I. G. Ivanova

**CONTRIBUTION OF A. N. KUKLIN TO THE ELABORATION AND DEVELOPMENT OF THE THEORY
REGIONAL TOPONOMASTICS**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-152-156

The article is devoted to the scientific and pedagogical activity of Anatoly Nikolaevich Kuklin, Doctor of Philological Sciences, Professor of Mari State University (23.02.1948 - 14.05.2016) and his contribution to the elaboration and development of the theory of linguistic toponymic space of Russian regions. A. N. Kuklin was one of the outstanding figures in the science of the Republic of Mari El, a scientist - Finno-Ugric scholar and educator, author of over 400 scientific works in the field of phonetics, general linguistics, onomastics, interpretation of mutual influence and mutual enrichment of languages in the Ural-Volga historical and ethnographic area. His main scientific fields of research are in the field of toponomastics, connected with establishing the relationship between words in toponymy, explaining the origin of toponyms and their transformations, as well as exploring the dialects of the Mari language. A. N. Kuklin was corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences (2015), high achiever of national education (1991), honored worker of science of the Republic of Mari El (1998), Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (2006), honored worker of science and education (2014), founder of scientific school "Mari onomatology".

Keywords: A. N. Kuklin, toponymy, regional toponomastics, Mari onomatology, linguistic regional studies, Mari language.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol. 17, issue 1, pp. 152-156. In Russian.

Received 20.01.2023

Khabibullina Flera Yakhiyatovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Mari State University,
1, Lenin Square, Yoshkar-Ola, 424000, Russia
e-mail: khflora@yandex.ru

Ivanova Iraida Gennadijevna,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Mari State University,
1, Lenin Square, Yoshkar-Ola, 424000, Russia
e-mail: iraida44@yandex.ru